

Елена Легран

Апостолы Революции

Книга вторая
Химеры

16+

Елена Легран

**Апостолы Революции.
Книга вторая. Химеры**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Легран Е.

Апостолы Революции. Книга вторая. Химеры / Е. Легран —
«ЛитРес: Самиздат», 2013

Франция. Революция. 1794 год. Террор против врагов Революции пробирается в святая-святых революционного правительства. Одержав победу над оппозицией, молодые и амбициозные правители вступают в беспощадную борьбу друг с другом. Средства не важны, когда на кону власть над страной и собственная жизнь. Среди революционной бури действует ловкий и беспринципный шпион. В ход идет обольщение, коварство, предательство, ведь в подобное время нет места любви, доверию и преданности. Он манипулирует светскими красавицами и революционными лидерами, стравливая их друг с другом. Цена провала - жизнь.

Содержание

26 жерминаля II года республики (15 апреля 1794 г.)	5
27 жерминаля II года республики (16 апреля 1794 г.)	11
27 жерминаля II года республики (16 апреля 1794 г.)	18
28 жерминаля II года республики (17 апреля 1794 г.)	24
29 жерминаля II года республики (18 апреля 1794 г.)	33
Ночь с 29 на 30 жерминаля II года республики (18–19 апреля 1794 г.)	37
1 флореаля II года республики (20 апреля 1794 г.)	46
2 флореаля II года республики (21 апреля 1794 г.)	53
3 флореаля II года республики (22 апреля 1794 г.)	57
4 флореаля II года республики (23 апреля 1794 г.)	62
6 флореаля II года республики (25 апреля 1794 г.)	66
10 флореаля II года республики (29 апреля 1794 г.)	71
11 флореаля II года республики (30 апреля 1794 г.)	75
Ночь с 13 на 14 флореаля II года республики (2–3 мая 1794 г.)	80
17 флореаля II года республики (6 мая 1794 г.)	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

26 жерминаля II года республики (15 апреля 1794 г.)

Вадье предвидел нечто подобное – и оказался прав. Он всегда прав, черт бы его побрал! Барер услышал неприятный скрежет собственных зубов. Сегодня Сен-Жюст забрал полицию. Забрал с неожиданной легкостью, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны Конвента. Ни один возглас негодования не нарушил гробовой тишины, посреди которой победитель Дантона прочел свой двухчасовой доклад. Члены Комитета общей безопасности даже возразить не посмели, видя, как львиная доля их полномочий переключалась в Комитет общественного спасения. Вадье и виду не подал, что удивлен, оскорблен, унижен. Во время голосования Барер не спускал глаз с восковой маски, в которую превратилось лицо шефа политической полиции. Амар попытался было вскочить со своего места, когда секретарь объявил результаты голосования, но старик волевым движением руки удержал его от бесполезного сопротивления. Вадье предвидел нечто подобное и, судя по всему, был готов. Он точно знал, с чьей стороны последует удар, и верно рассчитал, что противник медлить не будет. «Сен-Жюст всегда так торопится, – сказал как-то Вадье Бареру. – А напрасно. Рассудительность и выживание – вот залог успеха в наше беспокойное время». Сам-то он ждать умел, мастерски подготавливая каждый шаг, просчитывая последствия и возможные варианты, собирая информацию, смакуя предвкушение победы.

И на этот раз Вадье не оставит за соперником последнего слова. Донос Невера надежно спрятан и ждет своего часа. Только бы он не пробил раньше времени! Только бы Вадье не опередил посланца Барера и не пожелал познакомиться с гражданкой Плесси до того, как... Без ее показаний донос Невера – лишь грязная клевета роялиста. Если же она расскажет Вадье правду – а она расскажет правду, ибо настойчивости Великого инквизитора сопротивляться невозможно! – то эта история будет дорого стоить Сен-Жюсту, а возможно, и всему Комитету спасения. Впрочем, не этого ли добивался Барер? Не к этому ли стремился, предоставляя Верлену свободу действий? Тогда почему он не чувствует удовлетворения? Почему не предлагает Вадье поддержку? Уж не потому ли, что уже выбрал свой лагерь? И это не лагерь шефа полиции. Составить триумvirат с Робеспьером и Сен-Жюстом – что может быть логичнее? Им нужны его дипломатическое мастерство, ораторское искусство, неутомимая работоспособность. Настал момент вернуться к неоконченному разговору с Сен-Жюстом, который он затеял несколько дней назад на лестнице Тюильри. Пора напомнить ему о необходимости действовать сообща, как добрые друзья и единомышленники, которыми они были совсем недавно, пока у Сен-Жюста не появились подозрения о сомнительных связях коллеги, подозрения совершенно необоснованные, отметил про себя Барер.

Резкий свисток паркового смотрителя вывел его из задумчивости.

– Граждане, расходитесь! Парк закрывается! Закрывается! Все к выходу! Парк закрывается! – кричал смотритель, периодически подкрепляя свои требования громким свистком, и зачем-то махал руками, словно собирал сено в охапку.

Барер неторопливо направился к тому выходу, что вел ко дворцу Тюильри. «К чему тянуть? – мысленно вопрошал он. – Сейчас самое время обсудить дальнейший план действий». Он сам удивился той легкости, с какой был сделан выбор в пользу Сен-Жюста и против Вадье. Роспуск Комитета общей безопасности не за горами. Вадье проиграл партию. Ему нечего будет предъявить Сен-Жюсту: гонец Барера уже в пути, и Элеонора Плесси не станет добычей Великого инквизитора.

– Поторапливайтесь, граждане! Парк закрывается! Закрывается! – горланил смотритель и вдруг резко свистнул, чем вновь оборвал мысли депутата.

К тому же, если Барер совершенно по-дружески, исключительно из желания оказать услугу коллеге и союзнику, раскроет Сен-Жюсту карты Вадье... Так, небольшой жест, доказы-

вающий его лояльность, мелочь, которая поможет скрепить союз двух умных и дальновидных людей... Барер, мол, случайно узнал от доверенного лица в Комитете безопасности содержание доноса Невера, того самого доноса, который, как известно Сен-Жюсту, в деле покойного графа не фигурирует... Одно слово – и Сен-Жюст будет предупрежден о возможном ударе со стороны шефа полиции, а Барер обретет полное доверие коллеги.

А Вадье? Что ж, если дружба не помешала ему угрожать Бареру арестом Софи, то почему она должна помешать Бареру встать на сторону противника Великого инквизитора? В конце концов, присягу верности он ему не приносил. Старый лис, не задумываясь, сделал бы то же самое, окажись он на его месте. Да и был ли Вадье до конца откровенен с другом? Другом? Барер невольно улыбнулся проскочившей мысли. Разве дружба что-либо значит в славной Французской республике, где каждый занят благороднейшим делом – борьбой за выживание?!

Барер взбежал по мраморной лестнице, некогда ведшей в частные апартаменты королевы, ныне занимаемые Комитетом общественного спасения. Сен-Жюст наверняка там, решил он.

И ошибся.

– Гражданин Сен-Жюст ушел около часа назад, – сказал секретарь, но на вопрос, куда он отправился, ответить не смог.

– В Продовольственную комиссию, куда же еще! – подсказал, не поднимая глаз от разложенных перед ним бумаг, Кутон.

Барер поднялся этажом выше, где в павильоне Равенства, примыкавшем к Малой галерее, располагалась Комиссия.

– Тебе следует поискать его в Бюро общей полиции, гражданин, – сказал служащий. – Это как раз над нами. Можно подняться вот здесь, – он указал на небольшую дверь в углу комнаты. Барер сначала и не приметил ее, спрятанную под тем же слоем желтых тканевых обоев, что и стены. – Только возьми свечу, там темень, глаз выколешь, – подсказал все тот же служащий.

Так Барер и оказался в узком пространстве деревянной винтовой лестницы, окруженный кромешным мраком. Медленно ступая со ступеньки на ступеньку и освещая путь одинокой свечой в серебряном подсвечнике, он высматривал впереди светлую полоску, обозначившую бы вход в комнату, как вдруг услышал доносящиеся сверху голоса. Еще пара ступеней – и еле заметная полоса, действительно, указала очертания заветной двери. Голоса стали громче. Так Сен-Жюст не один? Разумеется, нет! Что ему делать одному в полупустых помещениях, предназначенных для нового Бюро? Наверняка, он уже подобрал себе пару секретарей, которые... Приблизившись к двери, Барер остановился в недоумении. Он узнал этот холодный, чуть хриловатый, но сильный голос: Вадье. Что он там делает? Не помогает же молодому коллеге в организации полицейского Бюро?! Барер улыбнулся абсурдности предположения, но донесшиеся до его слуха слова, произнесенные сухим враждебным тоном, тут же заставили депутата оставить иронию.

– Чего ты добиваешься? – спросил Вадье. – Хочешь войны? Ты ее получишь.

– Твои угрозы не пугают меня, – чистый молодой голос Сен-Жюста звучал абсолютно спокойно. – Декрет о создании Бюро вотирован Конвентом, и ни ты, ни кто-либо другой не вправе его отменить. Тебе придется подчиниться.

– Подчиниться? – нервно хохотнул Вадье. – Давненько мне не давали подобного совета – подчиниться!

– Никто не освобожден от подчинения закону, – наставительно заметил Сен-Жюст. – Закон предписывает Комитету общей безопасности передать часть своих полномочий Бюро общей полиции. Закон требует уважения, Вадье.

– Кто позволил тебе говорить от имени закона? – Бареру была знакома эта интонация еле сдерживаемого гнева: еще немного – и Великий инквизитор взорвется. – Ты ведешь себя так, словно один управляешь республикой, Сен-Жюст! Не слишком ли много ты на себя берешь?

– Я действую исключительно в интересах отечества, – высокомерно проговорил Сен-Жюст. Он-то как раз прекрасно владел собой.

– Интересы отечества требовали разделить полномочия между двумя правительственными Комитетами. Сосредоточение всех функций в Комитете общественного...

– Напрасный труд, Вадье. Твои протесты ничего не изменят. Решение принято. Комитет общей безопасности сохранил право вести расследования, выдавать ордера на арест и организовывать процессы. Бюро полиции будет лишь проверять обоснованность выдвинутых против заключенных обвинений и проводить предварительное расследование, прежде чем дела попадут в твой Комитет.

– Контролировать меня вздумал?! – взревел Вадье.

Вот она, буря. Теперь держись, Антуан, мысленно усмехнулся Барер.

– Мальчишка! Да я тебя в порошок сотру!

– Ну-ну, – ледяное спокойствие Сен-Жюста только оттеняло ярость Вадье. – Попробуй.

– Однажды, очень скоро, ты придешь ко мне и сам предложишь передать Бюро полиции Комитету общей безопасности, – прошипел Вадье. – Я заставлю тебя в ногах у меня валяться, щенки!

– Помнится, Дантон обещал мне нечто подобное, – ответил Сен-Жюст. – Так что поумерь свои фантазии, Вадье, и смотри, как бы твоя голова не последовала за его.

Услышав, как дверь громко хлопнула, Барер задул свечу и вышел из укрытия.

Вадье, стоявший посреди комнаты спиной к двери, из-за которой появился Барер, обернулся на шум и тонко улыбнулся другу, ничуть, казалось, не удивившись его появлению.

– Как долго ты оставался там? – только и спросил шеф полиции, легким кивком головой указав на приоткрытую за спиной Барера дверь.

– Достаточно, чтобы услышать любезности, которыми вы обменялись с Сен-Жюстом.

– Ах, это! – Вадье небрежно отмахнулся. – Не стоит придавать чрезмерно большого значения словам, сказанным сгоряча. Мы вспыхнули. Такое случается.

– Беда в том, что вы оба обладаете достаточной властью, чтобы привести свои угрозы в исполнение. Остается узнать, кто сделает это первым.

Вадье скривил губы в усмешке, выдержал паузу и спросил, прямо взглянув в глаза собеседнику:

– Как давно тебе были известны планы Сен-Жюста насчет Бюро полиции?

Вопрос и особенно тон, которым он был задан, Бареру не понравились. Он уже готов был вспылить, но вовремя сдержался и ответил спокойно, смакуя каждое произносимое слово:

– Со вчерашнего вечера, когда он вынес этот вопрос на обсуждение в Комитете.

«Думал застать меня врасплох, обвинить в нечестности? Получай же!» – мысленно порывался он.

Вадье не спускал с Барера острых прищуренных глаз. Тот ответил широким, наивно-глуповатым взглядом, обозоружившим шефа полиции.

– Допустим, – согласился Великий инквизитор, – допустим. И никто из вас не возмутился лишением Комитета общей безопасности значительной части полномочий, переданных ему Национальным конвентом?

Барер растянул губы в легкой улыбке.

– Разумеется, возмущение было огромным, – он сделал короткую паузу и добавил: – В основном тем, что члены Комитета спасения и без того перегружены работой. – Растерянный вид Вадье доставил ему явное удовольствие. – Но когда Сен-Жюст пообещал, что сам займется организацией Бюро полиции и его управлением... – Барер сделал выразительный жест рукой. – С какой стати нам препятствовать переходу в Комитет новых полномочий? – заключил он, невинно пожав плечами.

Вадье молчал, меряя полупустую комнату неторопливыми шагами.

– Тебе это Бюро тоже на руку, не так ли? – обернулся он к Бареру.

– Мне? – удивился тот.

– Ни одна птичка больше не проскочит мимо Комитета спасения, – пояснил Вадье. – Отныне ты можешь спать спокойно, зная, что с твоей Демайи ничего не случится.

Право, он даже не подумал об этом! Но, если разобраться, Вадье не так уж и неправ.

– Ты серьезно ошибаешься на счет Сен-Жюста, Бертран, – продолжал Вадье, приняв молчание Барера за признание его пособничества в организации Бюро. – Он не станет, подобно мне, щадить твоих подружек. И ты уже имел возможность убедиться в этом на примере Плесси. Смерть Дантона открыла Сен-Жюсту дорогу к реализации его амбиций. Тебе среди них места нет. Он будет использовать тебя до тех пор, пока ты можешь быть ему полезен, после чего раздавит без малейшего сожаления. Мечтаешь о триумвирате? – он хмыкнул и покачал головой. – Напрасно! Сен-Жюст желает остаться один. И если мы не остановим его сейчас, потом будет слишком поздно.

– Это невозможно, – возразил Барер. – Республика ни за что не примет единоличного правления кого бы то ни было. Не забывай, что Франция всего какой-то год с небольшим назад приговорила короля к смертной казни, навсегда положив конец тысячелетней монархии. Никогда французские граждане не встанут под власть одного правителя!

– Ты мыслишь сегодняшним днем, Бертран. Я же говорю о более длительной перспективе. То, что сегодня кажется невероятным, станет реальностью через пару лет. Максимум, через пять, – поправился он, отвечая скептической мине собеседника, – когда народ устанет от многоголовой правительственной гидры, когда вернется ностальгия по справедливому правителю, обожаемому или проклиняемому, но единому. Сен-Жюст молод, через пять лет ему едва перевалит за тридцать. Он подождет. Я же ждать не собираюсь, наблюдая, как он по крупницам подбирает под себя власть.

– И как же ты собираешься остановить его? Обвинить в коррупции? В связях с роялистами? Его, победителя Дантона, спасителя республики! Твои аргументы настолько ничтожны, что даже не будут приняты во внимание, только навредят, поскольку Сен-Жюст с легкостью представит тебя разрушителем правительственного единства.

– Согласен, – кивнул Вадье. – *Сегодня*, – он сделал ударение на этом слове, – мои аргументы недостаточно обоснованы, но *завтра*, с помощью новых фактов...

– Каких фактов? – насторожился Барер. – Думаешь, показания Плесси что-то изменят? Да кто ей поверит?!

– Смотря как представить дело, – протянул Вадье. – Единственное, что мне нужно сейчас, это время. Два-три месяца.

– Зачем? Что ты собираешься сделать за эти два-три?.. – удивился Барер, но Вадье резко перебил его.

– Ты можешь дать мне это время, Бертран? – спросил он. – Два-три месяца без Сен-Жюста в Париже.

– Я?!

Вадье утвердительно прикрыл веки.

– И каким же образом я должен удалить Сен-Жюста из Парижа, да еще на столь длительный срок? Предложить ему съездить на воды в Виши или понежиться под солнышком Монпелье? – нервно хохотнул Барер.

– Зачем предлагать отдых, если можно отправить его послужить республике вдали от столицы? – хитрые глаза Великого инквизитора улыбались. – Сен-Жюст всегда с такой готовностью ездил в армию. Что у нас на фронте? Безуспешные попытки занять Бельгию? Прекрасно! Вот пусть Сен-Жюст и отправится поднимать моральный дух Северной армии. А мы пока в Париже дух переведем.

«Черт побери, идея недурна!» – мысленно похвалил Барер.

– Ну так что, предложишь своему Комитету отправить нашего молодого коллегу в армию? – подмигнул Вадье.

– Предложу.

– Вот и славно, – старик довольно потер костлявые руки. – Месяца три у нас будет.

– А вот на это можешь не рассчитывать: Сен-Жюст управится за месяц.

– Не обольщайся, Бертран. Наша Северная кампания в катастрофическом положении. Австрийцы сильны на этом участке фронта. Они занимают один город за другим, а мы никак не можем перейти небольшую речушку Самбру. Сен-Жюст застрянет там надолго. А без победы он не вернется, ты знаешь это не хуже меня.

Барер вынужден был признать, что Вадье хорошо информирован. Впрочем, было кое-что, чего тот явно не учел.

– Все это так. Но твои расчеты рассыпятся в прах, когда Сен-Жюст откажется покидать Париж в самый разгар организации своего нового детища.

Великий инквизитор с готовностью кивнул, давая понять, что он и об этом подумал.

– В таком случае, напомни ему, что его миссия в Северную армию в плювиозе не была доведена до конца, что он оставил армию в состоянии разложения, что ответственность за ее неудачи лежит на нем... и бла-бла-бла... Ты умеешь убеждать, Бертран.

Да, он умел убеждать, когда хотел. Но вот хотел ли он играть на стороне Вадье? Старик так повернул ситуацию, словно другого выбора у Барера нет. А ведь выбор есть! Разве что-то изменилось после подслушанного им разговора? Разве слова Вадье о властных амбициях Сен-Жюста стали для него откровением? Разве сам Барер не догадывался о честолюбивых планах коллеги и не желал разделить их?

Путь от Тюильри до улицы Жемчужины занимал добрых полчаса. Экипаж по пустынным вечерним улицам доставил бы его в объятия Софи за десять минут. Но Бареру надо было многое обдумать, прежде чем погрузиться в сладкую негу любовных утех. Как ловко Вадье завербовал его в свой лагерь, а ведь он шел к Сен-Жюсту именно затем, чтобы предложить ему свою поддержку против того же самого Вадье! Почему открытое объявление войны между ними заставило Барера отложить разговор с Сен-Жюстом на неопределенный срок? Почему после беседы с Вадье он не спустился этажом ниже, в Продовольственную комиссию, чтобы предостеречь Сен-Жюста от отъезда в армию и просить не покидать Париж до тех пор, пока?.. Пока – что? Пока Комитет общей безопасности не будет распущен? Ведь именно этого добивается Сен-Жюст и желает предотвратить Вадье.

Так почему же Барер не поступил так, как собирался поступить час назад? Уж не потому ли, что уже не обладал былой уверенностью в том, что победа в этой игре останется за Сен-Жюстом? Не потому ли, что поверил предостережениям Вадье об опасности, исходящей от амбиций коллеги? Ситуация оказалась куда сложнее, чем он думал, и требовала тщательных размышлений в течение, скажем, пары месяцев, тех самых месяцев, что Сен-Жюст проведет в армии. Идея Вадье удалить Сен-Жюста из Парижа все больше нравилась Бареру.

Софи встретила любовника такими страстными ласками, что он совершенно забыл и о недавнем разговоре с Вадье, и о стоявшей перед ним дилемме, и о том, что в портфеле, оставленном им в будуаре, находились документы, работу над которыми он собирался закончить этой ночью.

– Ну что за спешка, дорогой? – прошептала Софи, укладывая голову, обрамленную игристыми завитками, на его обнаженную грудь. – Закончишь свои дела завтра, а сейчас просто останься со мной... только со мной.

Так он и уснул, механически поглаживая мягкие кудри, уснул настолько крепко, что не почувствовал, как прекрасная головка осторожно высвободилась из-под отяжелевшей ладони, и Софи, ловко подхватив разметающиеся по плечам волосы широкой лентой, выскользнула из спальни, предусмотрительно заперев дверь на ключ.

Кожаный портфель с поблескивавшими на нем буквами «Барер де Вьезак, депутат Национального конвента» лежал на диване. Софи опустилась перед ним на колени, словно перед святыней, и, прислушавшись к тишине в спальне, открыла застежку.

– Посмотрим, что за секреты ты мне принес, Бертран, – прошептала она, раскладывая перед собой документы, извлеченные из портфеля.

Впереди ее ждала бессонная ночь.

27 жерминаля II года республики (16 апреля 1794 г.)

Лорд Малсбюри не любил долго нежиться в постели. Чем раньше встаешь, тем длиннее твой день, а следовательно, и твоя жизнь. Это отцовское правило он усвоил с самого детства и не изменял ему на протяжении сорока пяти лет насыщенной и полной событиями жизни, половину которой провел в путешествиях, изучая другие культуры и принаравливаясь к чужеродным обычаям, но неизменно поднимаясь с постели с первыми лучами раннего летнего солнца или в затянувшейся темноте зимнего утра. За двадцать лет скитаний по Европе на службе Его Величества короля Англии лорд Малсбюри не сделал яркой карьеры. Впрочем, карьера никогда не интересовала его. Да и к чему еще мог стремиться человек, у которого было все? Он был богат, во всяком случае, достаточно богат, чтобы удовлетворять все свои капризы. Но даже в своих капризах англичанин придерживался принципа, завещанного все тем же мудрым родителем: никогда не желать того, чего не можешь себе позволить, и немедленно удовлетворять желание, которое тебе доступно. Он принадлежал к верхушке английского общества, достаточно закрытого для того, чтобы не дать проникнуть на самую вершину тем, кто имел несчастье родиться без знатного титула. Это несчастье миновало лорда Малсбюри. Красивые женщины? О да, красивых женщин он любил и был с ними щедр ровно настолько, чтобы заставить их любить себя. Слава? А вот этот порок остался лорду неведом. Разве по-настоящему умный человек променяет славословия на истинную, уверенную, полную власть над людьми? Разве в пустой хвальбе заключено настоящее могущество? Нет, лорд Малсбюри выбрал иной путь и ни разу не пожалел о сделанном выборе: он купался в роскоши, любил женщин и боролся со скукой там, где был нужен отечеству, там, куда направляла его властная рука английского премьер-министра Уильяма Питта, там, где, не обладая ловкостью, умом и редким дипломатическим тактом, свойственными лорду Малсбюри, выжить было невозможно. Он конспирировал, подкупал, шантажировал, обманывал, обольщал, шпионил, доносил, убивал – и неизменно преуспевал там, где любой другой, на его месте, был бы разоблачен, унижен, уничтожен.

Вот уже четвертый год лорд Малсбюри жил в особняке, расположенном в живописной деревне Пасси, ближнем пригороде Парижа, откуда управлял обширной сетью английской разведки. Он вел обычную жизнь состоятельного буржуа, ничем не выделяясь среди себе подобных ловкачей, наживающихся на каждой серьезной общественной встряске.

Высокий, худощавый, с колючим орлиным взглядом, впалыми щеками, слегка нахмуренным лбом, словно вечно чем-то недовольный, он не был похож на француза. Любой прохожий без труда определил бы в нем сына туманного Альбиона, чей образ был знаком парижанам по карикатурам, продававшимся у книготорговцев вдоль берегов Сены. Но по странному стечению обстоятельств (или причиной тому необъяснимая неприметность лорда в столичной суе, при всей его необычной внешности?), он не вызывал подозрений, и ни один донос не был сделан на холодно-надменного иностранца, произносившего французские слова с неприятно-жестким акцентом.

Раннее апрельское утро было волшебным. Как иначе, если не волшебством, можно объяснить прозрачный свет, разливающийся над спящей рекой и покрывающий легкой дымкой ее берега? Утренний туман клочьями застревал в свежих кронах деревьев, а затем вновь продолжал свой путь вдоль Сены, пока снова не был схвачен в зеленый плен молодой листвы. Лорд Малсбюри вдохнул прохладный воздух и отправился пить кофе в столовую, где из распахнутого окна продолжал наблюдать за рождением нового дня. Утро было единственным временем суток, которое милорд посвящал созерцанию и размышлению. Затем начиналась обычная рабочая суе, не оставлявшая его до позднего вечера.

Суе новорожденного дня началась с полученной записки, ровные, без наклона буквы которой приятно удивили английского агента. Он прекрасно помнил этот почерк, его просто

невозможно было спутать ни с каким другим, настолько изящно очаровательная мадам Демайи выводила строчки своей маленькой левой ручкой. Она звала его, обещала, что он не пожалеет о потраченном времени, писала, что сведения, полученные из первых рук от члена революционного правительства, непременно заинтересуют милорда. Софи просила прийти не раньше полудня и привести секретаря. Лорд Малсбюри нахмурился (Что за странные капризы?), но секретаря взял, и ровно в четверть первого подкатил к особняку на улице Жемчужины.

Софи хорошо подготовилась к встрече гостя: особняк был пуст. Ни одной живой души!

– Я использовала всю свою фантазию, чтобы придумать десяток неотложных дел для прислуги, милорд, – улыбнулась хозяйка, явно довольная результатом. – Мы одни, по меньшей мере, на пару часов.

– Вы, как всегда, неподражаемы, миледи, – улыбнулся он в ответ, с изысканной элегантностью приложив ее руку к губам. – Право, моя миссия во Франции давно провалилась бы, не будь вы моим верным и надежным помощником.

– Если бы ваши комплименты могли превращаться в золото, милорд, я стала бы богатейшей женщиной Европы, – брезгливо отозвалась Софи. – Увы, ваша щедрость уступает вашим похвалам.

– Миледи, помилуйте! – всплеснул руками англичанин. – Если бы я самостоятельно распорядился доверенными мне средствами, поверьте, вы бы не знали...

– Ах, оставьте ваши фальшивые заверения, лорд Малсбюри! – голос Софи зазвенел нетерпеливым раздражением. – Перейдем к делу. Предупреждаю, что за эти сведения, – она кивнула в сторону лежащих на столике будуара бумаг, – вам придется заплатить полную цену, а стоят они дорого, ох как дорого!

– Ну что ж, посмотрим, посмотрим, – Малсбюри подошел к столу и надел очки. – Ваш почерк – само совершенство, миледи, как и вы сами!

– Ну читайте же, милорд, прошу вас, – настойчиво потребовала Софи и встала у него за спиной.

– Неплохо... совсем неплохо... – приговаривал англичанин, удовлетворенно кивая головой. – Весьма недурно... даже очень... я бы сказал...

– Недурно?! – нервно хохотнула Софи, вырвав бумаги у него из рук. – И это все, что вы можете сказать?! «Недурно»! Приказ о выплате вознаграждения десятку осведомителей Комитета общественного спасения в Англии! С именами, прошу заметить! Список американских банкиров, снабжающих деньгами военную кампанию Французской республики против Английского королевства! И наконец, проект декрета об аресте всех подданных английского короля в портовых городах Франции! И единственное, что вы нашлись сказать, – это «неплохо»?! О, милорд, никогда еще я не встречала подобного лицемерия и подобной несправедливости!

– Миледи! – англичанин изобразил муку на скуластом лице. – Право, я не хотел!..

– Это, – Софи потрясла бумагами у него перед носом, – редчайшие сведения, цена которых...

– В самом деле! – подхватил шпион. – Поговорим о цене!

– ... Цена которым, – продолжала Софи, не обращая внимания на его восклицание, – по меньшей мере, сто тысяч ливров.

– О, пощадите! – театрально взмолился Малсбюри.

– Обладая этой информацией, Англия уничтожит всю сеть французской агентуры, а также спасет своих подданных, уведя их с территории республики до того, как декрет, предписывающий их арест, разлетится по Франции.

– Сто тысяч... – поцокал языком лорд, неодобрительно покачивая головой.

– Я согласна на пятьдесят, – милостиво проговорила Софи. – При одном условии.

– Пятьдесят тысяч да еще и условие?! – возмутился англичанин.

– Эти документы должны быть немедленно, в этом доме и в моем присутствии, скопированы вашим секретарем. Только тогда они отправятся в Лондон.

– Переписаны? – удивился лорд. – *Все* документы?!

– Все без исключения, – кивнула Софи. – Однажды я уже совершила подобную ошибку и не желаю повторять ее снова. Ни одна бумага, написанная моим почерком, больше в Англию не прибудет.

– Миледи, даю слово, вам гарантирована полная конфиденциальность... – начал было англичанин, но Софи резко перебила его.

– Таково мое условие, милорд, и оно не обсуждается. Либо ваш секретарь копирует документы, либо они остаются у меня и немедленно отправляются в камин. Вам решать.

– Как я могу отказать красивой женщине! – сдался лорд. – Джеймс!

Секретарь, оставшийся ждать в гостиной, появился в дверях, поспешно засовывая в рот дольку апельсина.

– За работу, Джеймс, – велел лорд Малсбюри, передавая ему бумаги. – Мне нужна точная копия этих документов, слово в слово. У вас не больше часа. А мы пока потолкуем с леди Демайи.

– Пятьдесят тысяч ливров! Это безумие! – громко зашипел лорд Малсбюри, когда они вышли из будуара, оставив секретаря за работой. – Прошу вас, будьте благоразумны, миледи!

– Это моя окончательная цена, милорд. Впрочем, если вы не согласны, еще не поздно... Джеймс! – громко позвала она. – Оставьте ваше занятие! Бумаги остаются здесь!

– Продолжайте, Джеймс! – крикнул лорд. – Хорошо, хорошо, я согласен, – понизил он голос, обратившись к Софи. – Правда, у меня нет при себе такой суммы. Признаться, я не рассчитывал... Остановимся на десяти тысячах сейчас, а еще сорок получите через неделю, я пришлю к вам нашего банкира Парго.

– Тогда и бумаги получите через неделю, – бросила Софи. – Вы забываете, что эти документы нужны вам больше, чем мне – ваши деньги, милорд. Проклятая английская скупость! Думаете, я стану бесплатно работать на английский кабинет? Велите вашему секретарю оставить свое занятие и убирайтесь из моего дома!

– Вы прекрасны, даже когда гневаетесь, миледи, – лукаво улыбнулся лорд, не двинувшись с места. – Наш с вами союз всегда был взаимовыгодным, и я не вижу причин изменять этому правилу. Мы ведь сможем договориться, не так ли?

– Пятьдесят тысяч, и ни ливром меньше, – упрямо заявила Софи. – Немедленно. Это мое последнее слово.

– *Damn it!* – сквозь зубы процедил Малсбюри и, поморщившись, стянул с безымянного пальца изумрудный перстень. – Он стоит тридцать тысяч ливров, – сказал он, протягивая его Софи. – Это *мое* последнее слово.

– Тронута вашей жертвенностью, милорд, – усмехнулась Софи, разглядывая изумруд на свет, и зажала перстень в кулачке. – Вы лично повезете бумаги в Лондон?

– О нет, этим займется мой хороший друг лорд Вентворт, граф Стаффорд. Вы, кажется, знакомы? – добавил он, впившись в Софи орлиным взглядом.

– Поль?! – англичанин готов был поклясться, что в этом возгласе было больше испуга, нежели удивления или радости. – Так лорд Вентворт в Париже?

– Прибыл пару дней назад. Думаю, он не устоит перед искушением навестить миледи в самое ближайшее время, до того как покинет Францию. Он говорил мне, что вы будто бы не успели попрощаться в Лондоне, настолько скоропалительным был ваш отъезд. Он слышал что-то о браке, который вы якобы заключили за несколько дней до отъезда, но, признаться, ни он, ни я не доверяем сплетням такого рода.

---

¹ Проклятье (англ.).

– Сплетням? – усмехнулась мадам Демайи, недоверчиво покосившись на лорда. – Так Поль говорил вам о моем замужестве как о сплетне? А между тем, он имел дело с господином Верленом, моим супругом.

Удивление лорда Малсбюри было искренним, но Софи, похоже, научилась не доверять шпиону Его Королевского Величества Георга III.

– Оставьте лицедейство, милорд, – презрительно бросила она. – Мой муж выплатил графу Стаффорду весь мой долг. Что еще ему от меня нужно?

– Помилуйте, миледи! – театрально ужаснулся англичанин. – Граф не из тех, кто станет озадачиваться презренным металлом!

– В самом деле? – язвительно спросила молодая женщина. – Что ж, если вы так полагаете... – она нервно передернула плечами. – Боюсь, вы плохо знаете того, кого именуете другом.

– Поверьте, лорд Вентворт приехал в Париж по совершенно другому делу, – понизил голос Малсбюри.

– Мы одни, милорд, – напомнила Софи.

– Предосторожность никогда не бывает излишней в нашем деле, миледи, – строго заметил шпион все тем же громким шепотом и кивнул в сторону закрытой двери, ведущей в будуар, где работал Джеймс. – Так вот, милорд Вентворт приехал в Париж, рискуя жизнью, чтобы... повидать вас. Он очень страдал после вашего отъезда, особенно когда ему стали известны все обстоятельства. В самом деле, к чему было выходить замуж за этого французика, миледи?! Лорд Гренвилл готов был обеспечить вас надежнейшим паспортом для возвращения во Францию. Вы же предпочли...

– Я же предпочла избавить себя от необходимости быть обязанной лорду Гренвиллу, – перебила его Софи.

– И так поспешно связали себя новыми узами, куда более крепкими! – осуждающе проговорил лорд.

– Откуда вам известна крепость этих уз, милорд? Не слишком ли много вы на себя берете, вы и ваш Стаффорд, вмешиваясь в мои личные дела?

– С тех пор, как вы поступили на службу английской короне, ваша личная жизнь лишь частично принадлежит вам, леди Демайи, – англичанин против своей воли повысил голос. – Каждый ваш шаг может стать роковым для организации, которая до сего дня весьма эффективно функционировала на французской земле. И я крайне дорожу дальнейшим ее процветанием.

– Мне нет никакого дела до вашей организации, милорд! – вскричала Софи, но, заметив предостерегающий жест Малсбюри, понизила голос. – Я никогда не была частью вашего осинового гнезда. Я доставляю информацию, вы за нее платите – и дело кончено. Все, что находится за пределами сделки, вас не касается.

– Ошибаетесь, миледи, – мягко улыбнувшись, проговорил лорд. – Ваше поведение ни в коем случае не должно угрожать нашему предприятию. И я призван следить за тем, чтобы...

– Так вы следите за мной?! – Софи приложила руку ко рту, то ли испугавшись громкого крика, невольно вырвавшегося у нее, то ли ужаснувшись совершенному открытию. – Да как вы смеете!

– Повторяю, это вынужденная мера, – лорд принял виноватый вид. – Мы обязаны проверять вашу корреспонденцию, на случай если...

– Мою корреспонденцию?! Все мои письма?! Все?!

Англичанин сухо кивнул.

– Но как такое возможно?! – Софи в отчаянии обхватила голову руками.

Она расхаживала по гостиной широкими шагами, путаясь в складках легкого кремового платья.

– Вам нечего опасаться, миледи, – снисходительно-успокаивающим тоном проговорил лорд. – До тех пор, пока вы не совершили ошибок, во всяком случае.

– Не совершила ошибок? – горько усмехнулась Софи, остановившись. Сухой неестественный смех вырвался из ее груди. – Я только и делаю, что совершаю ошибки, лорд Малсбюри! И самая большая моя ошибка – ваше присутствие здесь. Барер говорил мне, предупредил...

– Да, кстати, Барер! – спохватился лорд, словно только что вспомнил о чем-то важном. – Именно ради Барера граф Стаффорд прибыл в Париж. Потому-то ему и нужно повидать вас. Брови Софи взметнулись вверх.

– Какое отношение Барер?.. – начала она, но англичанин не дал ей договорить.

– Пока никакого. К сожалению. Но надеюсь, что только *пока*, – он уставился на Софи тяжелым пронизательным взглядом. – Мы очень надеемся на вас, миледи. Антифранцузская коалиция терпит поражение за поражением. Австрийцы держатся – к счастью, довольно прочно, – только в Бельгии. Бельгия – наша единственная надежда. Захватив ее, Французская республика выиграет войну. Мы не можем допустить этого. Нам нужен человек в Комитете общественного спасения. Очень нужен, – с нажимом повторил он.

– И вы подумали о Барере?

– Именно. Он – идеальная кандидатура. Через него проходят все документы внешних сношений, он любит роскошь, а следовательно, постоянно нуждается в деньгах. И наконец, он влюблен в вас, миледи, – лорд слегка поклонился. – Уговорить его не составит труда. Граф Стаффорд поможет вам. В его распоряжении убедительный аргумент, крайне убедительный, можете мне поверить.

– И насколько же убедителен его аргумент? – насмешливо спросила Софи.

– Миллион, – небрежно бросил Малсбюри.

Он знал, что эффект будет силен, – и не ошибся. Софи замерла посреди комнаты и взглянула на собеседника широко распахнутыми глазами. Она даже дыхание затаила, словно захлебнулась воздухом.

– Миллион немедленно, миледи, – добавил он, делая ударение на каждом слове. – Завтра же, если хотите. Столько мы даже Дантону не платили. Столько мы не заплатили даже за спасение Людовика XVI.

– Да уж, видно, ваши дела, действительно, плохи, – прошептала она. – И вы рассчитываете на меня, чтобы уговорить Барера, члена революционного правительства, работать на Англию? Вы всерьез полагаете, что у меня хватит смелости хотя бы намекнуть ему об этом? Знаете ли вы, что он грозил мне тюрьмой, если его подозрения о моем сотрудничестве с вами подтвердятся?

– Я не прошу невозможного. Устройте Вентворту встречу с Барером, здесь, у вас. Пол сам уладит дело.

– Вы отдаете себе отчет о степени риска, милорд? Если Барер пожелает, завтра же мы все отправимся...

– Миллион, миледи, миллион ливров. И это только первая цена. Мы открыты к переговорам. Думаю, лорд Гренвил готов поднять ставку до полутора миллионов.

Софи набрала воздух в легкие.

– Господи, – выдохнула она. – Вы с ума сошли. Полтора миллиона, чтобы подкупить одного из правителей Франции! Вы не знаете, с кем имеете дело.

– Прекрасно знаем, – возразил англичанин. – Именно поэтому и выбрали Барера. Никто не собирается предлагать сотрудничество Робеспьеру или Сен-Жюсту.

Эти слова были лишними. Англичанин понял это сразу, как только они сорвались с его уст.

– Когда ваш секретарь закончит, – сухо проговорила Софи, – вы покинете мой дом, милорд. Что до Стаффорда, то я не желаю его видеть. Вы можете сколько угодно ставить свою

жизнь под угрозой, но требовать того же от меня не имеете никакого права, как и оскорблять меня или моих друзей.

– Я не желал оскорбить ни вас, ни вашего любовника, леди Демайи, – извиняющимся тоном сказал шпион. – Вы неверно истолковали мои слова.

– О, я прекрасно поняла смысл ваших слов! – протянула Софи. – Вы найдете выход, полагаю. Прощайте, милорд.

– У вас нет выбора, – крикнул Малсбюри, когда Софи уже взялась за дверную ручку, приготовившись покинуть гостиную. – Если вы не выступите в роли посредника между Барером и Вентвортом, Комитет общественного спасения узнает, что документы, находившиеся в распоряжении вашего любовника, попали в руки английской разведки. Барер и вы вместе с ним будете скомпрометированы. Мы же сохраним полтора миллиона ливров.

Софи обернулась. На губах ее играла недоверчивая улыбка.

– Вы блефуете, милорд, и блефуете очень неискусно, – проговорила она, делая несколько шагов по направлению к гостю. – Если меня арестуют, я выложу всю правду о вас и ваших сообщниках во Франции.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – ответил лорд, склонившись в изящном поклоне. – Если нам придется пойти на эту крайнюю меру, моя миссия в Париже будет закончена, и я покину Францию раньше, чем вы успеете рот раскрыть. Неплохое завершение моей французской карьеры: падение самого влиятельного из одиннадцати правителей Франции! Я получу щедрое вознаграждение в Лондоне и отправлюсь покорять двор Вены или Санкт-Петербурга, где буду с грустью вспоминать о вашей прекрасной головке, которая окажется в корзине еще до того, как я удостоюсь всех причитающихся мне почестей. Поверьте, я предпочел бы избежать подобного развития событий.

– Вашими устами говорит сам дьявол, милорд, – прошипела Софи.

– Увы, миледи, мы с вами исполняем грязное ремесло, ремесло Сатаны. Мы добровольно выбрали свою судьбу и стали заложниками сделанного выбора. Так что давайте честно выполнять взятые на себя обязательства. Уговорите Барера встретиться с Вентвортом – это все, что от вас требуется.

– Отправляйтесь к дьяволу!

– Готово, милорд, – Джеймс появился на пороге гостиной.

– Прекрасно, – Малсбюри разложил бумаги на столе и принялся сравнивать строчку за строчкой скопированные секретарем документы. – Превосходно, – одобрил он работу. – Будем считать, что мы договорились, миледи? Пол может прийти к вам завтра в надежде найти здесь гражданина Барера? – обернулся он к Софи.

Та молча собрала свои бумаги, разорвала их, одну за другой, на мелкие куски и бросила в нерастопленный камин, после чего обернулась к англичанам.

– Будьте добры, Джеймс, оставьте нас, – велела она. – Я дам знать, милорд, где Поль может встретиться с Барером без посторонних, – сказала Софи, как только секретарь покинул гостиную. – Это все, что я могу для вас сделать. Но Барер ни в коем случае не должен знать, что я связана с вашей организацией. И посоветуйте Стаффорду как можно скорее покинуть Францию.

– Можете рассчитывать на меня, миледи, – англичанин услужливо склонил голову. – Правда, не могу обещать, что он не захочет увидаться с вами перед отъездом.

– Не вижу причин для встречи, – голос Софи зазвенел металлом. – Нам не о чем говорить. Прощайте, милорд.

– До свидания, леди Демайи, – поклонился шпион. – До *скорого* свидания.

– Это мы еще увидим, – прошептала Софи настолько тихо, что даже губы ее не пошевелились.

При этих словах гость обернулся с порога и хитро улыбнулся. Впрочем, Софи готова была поклясться, что он *не мог* расслышать ее слов.

27 жерминаля II года республики (16 апреля 1794 г.)

Огюстен Лежен, служащий Министерства иностранных дел, был очень занят: столько депеш разослать по назначению, столько писем отсортировать, столько бумаг переписать, не сделав ни единой помарки, столько указаний перенаправить адресатам. Впрочем, все это были дела неумолимые, хотя и скучные, и, усмехнулся про себя молодой чиновник, не особо важные, если вдуматься. Он невольно поймал себя на том, что вспомнил слова своего друга Луи Антуана Сен-Жюста из Комитета общественного спасения (Вот уж где не было неважных дел!), сказанные несколько месяцев назад: «Не собираешься же ты до конца дней переключать бумажки в своем сонном Министерстве, где ничего не происходит?!» Помнится, тогда они больно укололи самолюбие Лежена, но, положив руку на сердце, он был вынужден признать правоту слов друга: ничем иным, как переключиванием бумажек, его работу назвать нельзя. Однако должен же кто-то раскладывать документы на правильное место, заключил он и, издав тяжкий вздох обреченного, взялся за следующую стопку писем, которые следовало распределить по темам и разнести по соответствующим кабинетам Министерства.

За этим занятием его и застал человек лет двадцати восьми – тридцати, строгого вида, в темном сюртуке и шляпой с трехцветной кокардой, знаком принадлежности к революционной власти, в руке. Он вошел без стука, резко распахнув дверь, и, окинув тесную комнатку под самой крышей высокомерно-презрительным взглядом, протянул Лежену запечатанный конверт.

– Для гражданина Лежена. Из Комитета общественного спасения, – важно проговорил он.

Огюстен сперва удивился, но когда увидел мелкий торопливый почерк, которым было написано его имя на конверте, все понял и раскрыл письмо того самого друга из Комитета спасения, о котором вспоминал не далее, как десять минут назад. Кровь отлила от щек Лежена при виде нескольких строчек, набросанных посреди листа: «Республика нуждается в тебе, гражданин. Изволь незамедлительно явиться в Комитет и приступить к обязанностям шефа Бюро общей полиции». И все, даже подписи нет. Впрочем, к чему Сен-Жюсту такие формальности? У него на формальности нет времени. Похоже, давать Лежену время на размышления и сборы он также не собирался. Ну уж нет, гражданин член Комитета общественного спасения, разозлился чиновник, этот номер у тебя не пройдет! Он взглянул на стоявшего перед ним посыльного, весь вид которого выражал превосходство. Вот уж кто гордится своей – пускай и скромной – принадлежностью к власти, мысленно усмехнулся Лежен.

– Я сейчас передам ответ, – сказал Огюстен, макая перо в чернильницу.

– Ответ? – удивился и даже как будто испугался посыльный. – Но гражданин Сен-Жюст сказал, что ты последуешь со мной в Тюильри...

– Сейчас не могу, – Лежен старался придать своему голосу твердость с оттенком небрежности: пусть этот гордец поучится, как следует обращаться с сильными мира сего. – Много дел. Я все объясню гражданину Сен-Жюсту при встрече. А пока... – он вывел первые слова на чистом листе, – ты передашь ему ответ... – перо неторопливо ходило по бумаге. – Нет времени... вдаваться в подробности... Думаю... будет достаточно... и этого... – сосредоточившись на содержании ответной записки, Лежен делал несоразмерно длинные паузы между словами. – Готово, – он сложил листок и протянул его посыльному. – Ответа не нужно, – великодушно бросил он в спину удалявшемуся курьеру, прекрасно понимая, что в этом напутствии не было никакого смысла, потому что...

Потому что не ему, Огюстену Лежену, решать, стоит ли члену правительства отвечать на его трусливые оправдания! Примерно такой ответ доставил тот же самый курьер полчаса спустя вместе с приказом «прекратить ребячиться и явиться в Комитет в течение четверти

часа». С какой стати Сен-Жюст взял подобный тон?! Лежен сжал вспотевшие от волнения ладони. Он ответит, он найдет слова!

– Гражданин Сен-Жюст не примет ответа, – предусмотрительно предупредил посыльный с легким оттенком презрения, видя, что Лежен сел к столу.

– Это он тебе сказал? – нахмурился министерский чиновник.

– Да, и еще велел вернуться в Комитет общественного спасения вместе с тобой, гражданин.

– Гражданин Сен-Жюст не имеет никакого права распоряжаться моей личностью! – вспылил Лежен и тут же пожалел о вырвавшемся гневе.

– Я непременно передам твои слова гражданину члену Комитета общественного спасения, – не без злорадства проговорил посыльный, слегка наклонив голову. Возможно, он надеялся, что угроза заставит Лежена подчиниться, но тот решил стоять до конца: пусть Сен-Жюст увидит, что он не позволит разговаривать с собой подобным тоном.

Курьер взглянул на Огюстена, взглянул так, как смотрят на тяжело больного, жить которому осталось не больше нескольких дней, и вышел.

Оставшись один, Лежен запустил пальцы в намокшие волосы и принялся вышагивать по крошечному кабинетику – три шага туда, три – обратно. То ли от долгого сидения, то ли от волнения его хромота усилилась, и контраст между походкой старика и ребяческой внешностью двадцатитрехлетнего чиновника проявился с особой резкостью. Он совершенно забыл о письмах, ждавших сортировки. Грубое вмешательство неизбежности в скучно-спокойную реальность спутало его мысли. Впрочем, этого стоило ожидать. Разве не обещал Сен-Жюст учредить Бюро общей полиции сразу же после казни дантонистов? Обещал, только Лежен не поверил ему, Лежен был далек от самой мысли о том, что голова великого Дантона может оказаться в корзине под радостный вопль толпы. И вот Дантон пал, Сен-Жюст провел декрет, учредивший Бюро полиции, и теперь, разумеется, требует к себе Лежена, давшего – увы! – согласие возглавить Бюро. Все это так, но ничто не оправдывает тон записок Сен-Жюста, твердил молодой человек, желая хотя бы в своих глазах оправдать упрямство, которое, судя по всему, Сен-Жюст не мог ни объяснить, ни простить.

Лежен ждал. Ждал ответа своего могущественного друга. Марать бумагу Сен-Жюст больше не станет, это стало ясно после его отказа от письменного ответа Лежена. Тогда что? Не жандарма же он за ним пришлет, в самом деле!

При звуке быстрых уверенных шагов в коридоре Лежен замер. Неужели Сен-Жюст, действительно, прислал жандарма?!

– Признаться, я колебался, прийти самому или отправить жандарма арестовать тебя за неповиновение приказу, – проговорил Сен-Жюст, появляясь в дверях. – Ты, похоже, жандарма и ждал, – усмехнулся он при виде облегченной улыбки, заигравшей на губах друга. – Ладно, Огюстен, довольно упрямитесь. Собирайся. Я реквизирую тебя в Комитет.

– Польщен честью, – язвительно проговорил Лежен, – которую ты оказал мне, явившись собственной персоной в мое скромное обиталище.

– Красиво сказано, – похвалил Сен-Жюст. – Ты и стихи пишешь?

– Потерял вдохновение, переехав в Париж.

– Зато сарказма набрался вдоволь. Послушай, Огюстен, я оставил тридцать человек, чтобы прийти к тебе. У нас много работы. Ты дал свое согласие, не так ли? В чем же дело? Что еще прикажешь мне сделать: умолять тебя? угрожать? забрать силой? Разве мы не договорились обо всем?! – раздраженно воскликнул он.

– Я не отказываюсь от своих слов, Антуан, – проговорил Лежен, опустив голову и заложив руки за спину, – но я не ожидал, что это случится так быстро и так... – он замолчал, подбирая нужное слово, – так...

Сен-Жюст понимающе кивнул.

– Ты ждал делегацию из членов правительственных Комитетов, которые явятся пригласить тебя на должность шефа Бюро полиции? – усмехнулся он. – Нет, друг мой, все значительно прозаичнее, чем в твоём представлении: республика нуждается в тебе – и забирает тебя без лишних слов и церемоний. Пошли, по дороге поговорим.

Они под руку вышли из особняка Галифе, где располагалось Министерство иностранных дел, и направились в сторону Сены, к Национальному мосту, ведущему прямо ко дворцу Тюильри. Лежен поморщился от ударившего в глаза ослепительного солнца.

– Министерская служба расслабила тебя, – начал Сен-Жюст, защищая ладонью глаза от солнца. – Но ты скоро привыкнешь к новому ритму. Тебе придется быстро, даже очень быстро принимать решения, от которых зависит жизнь или смерть, – он замолчал, коротко взглянул на спутника и добавил: – Жизнь или смерть республики. Мы все можем ошибиться, не застрахован от ошибок и ты. Главное, чтобы твои ошибки не стали роковыми для свободы.

– Главное, чтобы они не стоили жизни невинному, – поправил Лежен.

Сен-Жюст пожал плечами.

– Ты всегда был моралистом, – с легким осуждением заметил он. – Единственное, что меня беспокоит, так это твоя медлительность, желание вникать в детали. У тебя не будет времени заниматься деталями, Огюстен. Ежедневно Бюро должно разбирать десятки, возможно, сотни дел, стекающихся со всей Франции. В твоём распоряжении штат из тридцати служащих и восьми агентов. Первое время придется обойтись этим количеством. Потом посмотрим. Когда Комитет общей безопасности будет распущен, часть его персонала...

– Постой, постой! – перебил его Лежен и даже остановился от переполнявшего его волнения. – Не слишком ли ты торопишься, Антуан? На данный момент мы работаем параллельно с Вадье, верно?

– Да, Огюстен, я тороплюсь, – раздраженно ответил Сен-Жюст, потянув собеседника вперед. – Нас ждут. Что до Вадье, то я говорю не о завтрашнем дне, разумеется, хотя в один прекрасный момент в Комитете безопасности отпадет необходимость. И этот момент наступит довольно скоро. Во всяком случае, я приложу максимум усилий, чтобы ускорить его. Ты все еще продолжаешь удивляться тем переменам, что происходят во Франции? – спросил Сен-Жюст после короткой паузы, во время которой не спускал глаз с шагавшего рядом друга. – После всего, что мы пережили за последние пять лет?! После того, как самые невероятные вещи, о которых мы и мечтать не смели в наши студенческие годы, произошли с такой стремительностью?! Разве ты не видишь, что отныне возможно все: самая смелая авантюра, самое рискованное предприятие! Для нас больше нет ничего невозможного, Огюстен. Мы сами творцы своего будущего и будущего Французской республики. От нас зависит жизнь многих и многих поколений. Это большая ответственность, выдержать которую под силу не каждому. Тебе... нам выпала честь... выпало счастье участвовать в гигантском строительстве нового мира. Все решается здесь и сейчас, Огюстен, нам некогда терять время в напрасных философствованиях и пустом морализаторстве.

– Хотел бы я обладать твоим энтузиазмом, Антуан, – вздохнул молодой человек. – Увы, я отношу себя к разряду тех, кто считает, что пришло время остановиться и оглядеться назад.

– Рано еще, – резко возразил Сен-Жюст. – Мы не сделали и половины того, что можем, что должны сделать. Имеет ли право удовлетвориться меньшим тот, кто может достигнуть большего?

– Где же конец, Антуан? – обернулся к другу Лежен и снова остановился. Они как раз подошли к Национальному мосту. – Когда прекратится террор? Когда прекратится погоня за химерами?

– За химерами, говоришь? – ухмыльнулся Сен-Жюст. – По-твоему, республика – это химера? Благоденствие, процветание, свобода, счастье народа – химеры?! Отечество, любимое гражданами до самозабвения, – тоже химера?! Нет, друг мой, это реальность, это наше буду-

щее! Но для того, чтобы построить его, мы должны искоренить гидру преступления, окутавшую Францию своими щупальцами. Предательство, шпионаж, коррупция, спекуляция, дезертирство – никогда еще преступление не пользовалось таким простором и такой свободой, как во времена перемен, социальных потрясений, больших опасностей. Если мы не уничтожим преступление, преступление уничтожит все, что мы успели построить. Или то, что мы построили, – тоже химера, Огюстен?

Вопросы, которыми сыпал Сен-Жюст, больше походили на обвинения. Он впился в Лежена жесткими холодными глазами. Казалось, если бы он мог убить взглядом, он, не задумываясь, сделал бы это.

– Разве террор в состоянии искоренить эти болезни? – просто спросил Лежен, опустив голову. – Они неизлечимы, как проказа, и неизбежно будут разъедать человечество изнутри.

– Террор является быстрым решением многих проблем. Ты даже не представляешь, насколько эффективным он может быть. Я неоднократно убеждался в этом. Хотя, – Сен-Жюст вздохнул, – когда его слишком много, к нему привыкаешь – и перестаешь испытывать страх. Как найти золотую середину? Как показать неотвратимость возмездия и в то же время не превратить его в рутину? За этим-то ты мне и нужен, Огюстен, – он ободряюще хлопнул друга по плечу.

– Вы не те преступления караете. Я много думал над тем, что ты рассказал мне о злоупотреблениях Амара, его играх с человеческой жизнью и торговле свободой. Почему он до сих пор не в Трибунале, Антуан? Где твоя карающая десница, которая опустилась на Эро де Сешеля, на Дантона, на Демулена? Почему ты не разоблачишь Амара перед Комитетами и Конвентом, как разоблачил эбертистов и дантонистов? Ты разглагольствуешь о мече правосудия и об искоренении заразы с тела общества, а на болезнь, коренящуюся в самом сердце государства, закрываешь глаза!

– Если бы я закрывал глаза на преступления Амара и других членов Комитетов, мы с тобой сейчас не разговаривали бы, я не создал бы Бюро полиции и не поручил бы тебе управлять им. Ты обвинял меня в спешке, и вот доказательство моей осторожности и моего терпения. Сейчас не время наносить удар по членам Комитета безопасности, особенно по такому влиятельному, как Амар. Сперва надо ослабить Комитет, лишить его возможности защищаться, контратаковать, нападать и только потом раздавить его членов – всех вместе или поодиночке. И начать стоит с головы, Огюстен. Надо отсечь эту голову, после чего тело погибнет, и мы разорвем его по кускам без особых усилий. Ты понимаешь, о чем я? – Сен-Жюст пристально взглянул на бледного Лежена и, улыбнувшись, кивнул: – Да, понимаешь.

– Вадье, – прошептал Лежен и зачем-то оглянулся, словно опасаясь, что их подслушивают.

– Верно, Вадье, – так же тихо повторил Сен-Жюст. – Вот моя главная цель, мой главный враг, враг коварный и опасный. Я знаю, как поразить его, но для этого необходимо время. Не могу сказать, сколько именно.

– Вадье так легко не сдастся, – покачал головой Лежен.

– Знаю. И готов к борьбе, которая началась с образования Бюро полиции. Пока я лидирую, – хохотнул он. – Пойдем, Огюстен, у нас много работы. Я почти не спал прошлой ночью. Не уверен, что продержусь без сна и нынешней.

Сен-Жюст быстро взбежал по мраморной лестнице, перешагивая через ступеньку. Лежен поднимался медленно, привычно прихрамывая, и вошел в комнаты на четвертом, последнем, этаже павильона Равенства, занимаемые Бюро общей полиции, в тот момент, когда Сен-Жюст, стоя в центре довольно просторного зала (бывшей гостиной?), объяснял окружившим его служащим их обязанности.

Обернувшись к вошедшему, он показал на него рукой и представил:

– Гражданин Лежен, шеф Бюро и ваш непосредственный начальник.

Несколько десятков пар глаз уставились на Огюстена. Не привыкший к такому вниманию, он почувствовал, что краснеет.

– Позже познакомьтесь поближе, – спас его Сен-Жюст, снова привлекая внимание к себе.

Он говорил о цели создания Бюро и об ответственности, которая ложится на его членов в связи с важностью миссии, которую Бюро призвано выполнять. Лежен, стоя в стороне, смог спокойно оглядеть своих подчиненных. Все молодые, даже очень молодые. Старшему, должно быть, не больше тридцати. Все хорошо одеты, некоторые даже щегольски. По всему видно, Сен-Жюст лично подбирал каждого из них. Узнал он и посыльного, дважды являвшегося к нему сегодня. Тот стоял, сохраняя на лице все то же высокомерное выражение, но, встретившись взглядом с шефом, с которым обошелся так непочтительно, поспешно отвернулся.

«С этим придется туго», – мелькнуло в голове Лежена.

Тем временем Сен-Жюст подошел к главному.

– Мне нужна четкая классификация каждого дела, – говорил он. – Имя, возраст, происхождение, состав преступления, откуда доставлен. Я уже отдал распоряжение, чтобы доносы, поступающие в Комитет общественного спасения, незамедлительно направлялись в Бюро полиции. Сюда же будут стекаться дела из департаментов. Что до Комитета общей безопасности... – он замаялся, но лишь на короткое мгновение. – На данный момент они там сами будут разбираться со своими доносами, но скоро и их дела перейдут в Бюро. – При этих словах Лежен еле заметно усмехнулся. – Каждое досье, – продолжал Сен-Жюст, – должно быть классифицировано на основании этих сведений по трем категориям: спекулянт, роялист, аристократ. Опираясь на вашу классификацию, я или другой член Комитета общественного спасения, если меня не окажется на месте, – тут Лежен нахмурился, – будем выносить решение и отправлять досье либо на дополнительное расследование в Комитет общей безопасности, либо непосредственно в Революционный трибунал. Все ясно?

– Не совсем, гражданин, – возвысил голос молодой человек, сидевший прямо напротив Сен-Жюста.

Все взгляды – удивленные и настороженные – устремились на него. Сен-Жюст сдвинул брови и слегка кивнул молодому человеку, призывая его продолжать.

– Ты говоришь, что в нашем распоряжении всего три слова, чтобы вынести суждение по делу, и это суждение станет для тебя основанием для окончательного вердикта, – проговорил смельчак, ничуть не тушуясь.

– Все так, – подтвердил Сен-Жюст.

– Как же нам быть, если дело выходит за рамки этих трех слов, которые сами по себе являются приговором? Как нам быть с теми, чья невиновность вопиюща, кто стал жертвой клеветы и заслуживает освобождения?

Повисла тяжелая пауза. Лежен улыбнулся, стараясь показать смельчаку, что он полностью поддерживает его возмущение и преисполнен радости работать вместе с этим честным и справедливым патриотом. Но тот не смотрел ни на кого вокруг. Его глаза были подняты на стоявшего перед ним депутата, на того, кто отдавал приказы и чьего ответа он ждал. Сен-Жюст молчал, и с каждой секундой его молчание становилось все более угрожающим. Чтобы положить этому конец, Лежен громко кашлянул – и сам удивился, как короткий, резкий звук эхом разнесся среди напряженной тишины. Сен-Жюст встряхнул головой и обернулся к другу.

– Тебе должны быть по душе слова твоего подчиненного, Лежен, – язвительно заметил он. – Вернее, бывшего подчиненного, – обернулся он к молодому человеку. – Еще декаду назад, гражданин, я не колеблясь отправил бы тебя в Трибунал как покровителя врагов республики, – он выдержал значительную паузу и продолжил: – И очень пожалел бы об этом полгода спустя. – Вздохи облегчения раздались со всех сторон. – Ты станешь прекрасным слугой республики, когда мы покончим с врагами внутри и вне страны. Но в положении, в котором сейчас находится отечество, твои идеи опасны для свободы.

– Сен-Жюст... – начал было молодой человек, но депутат жестом руки велел ему молчать.

– Твоя любовь к отечеству несомненна, – проговорил он, – иначе ты не был бы сейчас среди нас. Но я вижу, что ошибся, определив тебя в Бюро полиции. Здесь ты не можешь послужить Франции. Уверен, в армии твое рвение найдет лучшее применение. Я займусь твоим переводом сегодня же.

Смельчак опустил голову. Лежен, бледный от негодования, которое не в силах был сдерживать, но и не находил в себе силы выпустить на свободу перед этими людьми, молчаливыми и робующими или решительными и ревностными, сжал кулаки. Он должен что-то сделать, должен вступить за смелого юношу или хотя бы отомстить за него!

– Ты не ответил на вопрос, Сен-Жюст, – его тихий, но твердый голос прозвучал непривычно громко среди тишины зала.

Сен-Жюст медленно повернул к нему голову, взглянул так, как смотрят на расшалившегося ребенка – строго, но снисходительно, и проговорил устало:

– Мой ответ прост, Лежен: досье, оказавшееся в Бюро полиции, не может касаться невиновного.

– То есть ты заранее обязуешь нас выносить смертные приговоры? – робко спросил еще один служащий, некрасивый, тощий человек, со следами оспы на вытянутом лице. – Кто мы такие, чтобы брать на себя столь тяжкий груз? По какому праву ты наделяешь нас властью над жизнью и смертью?

– По праву, данному мне революционным правительством, которое одно смогло предотвратить катастрофу, на грани которой стояла республика меньше года назад, – отрезал Сен-Жюст. – Вы здесь не для того, чтобы заниматься благодеяниями, а чтобы защищать республику от гадины, жаждущей ее гибели.

– Почему бы нам не готовить более детальные отчеты по каждому делу? – раздался голос из дальнего угла. Лежен с интересом взглянул в сторону говорившего. – А ты на их основании будешь выносить решение. Это потребует от нас больше работы и времени, но зато вероятность совершить несправедливость уменьшится.

– А потому, Потье, – снисходительно ответил Сен-Жюст, ничуть не разозлившись, как ожидал Огюстен, – что читать ваши доклады и от меня потребует больше времени, а времени у меня как раз и нет. И у вас не будет, – пообещал он. – Похоже, вы не совсем представляете себе количество досье, с которым нам придется работать. Тысячи, десятки тысяч. Я достаточно ясно ответил на ваши вопросы? – он почему-то обернулся именно к Лежену. – Мы можем продолжать? Или кто-то еще желает выступить в защиту врагов народа?

Молчание было ответом на его вызов.

– Хорошо, – удовлетворенно проговорил Сен-Жюст. – Если общее направление ясно, займемся деталями.

«Деталими» они занимались до часу ночи, пока Лежен, освоившись с ролью начальника, не заявил, что время позднее и всем им необходим отдых.

– Добро пожаловать в Тюильри, Огюстен, – проговорил, спускаясь по лестнице, Сен-Жюст и взглянул на друга, потиравшего воспаленные от усталости глаза. – Тут ты без дела не останешься.

– И ты еще сетовал, что не продержишься допоздна после бессонной ночи! – покачал головой Лежен.

– Дело тренировки, друг мой. Привыкнешь. Здесь мы простимся, – Сен-Жюст остановился на площадке, ведущей в Зеленую комнату. – Я зайду в Комитет. Там и подкреплюсь заодно: Бийо, наверняка, послал за провизией в преддверии долгой ночи. Кстати, не стесняйся делать то же самое. Все текущие расходы оплачивает Комитет спасения. Завтра займемся твоим жалованьем.

На том они и расстались.

28 жерминаля II года республики (17 апреля 1794 г.)

Он заставил ее, заставил грубо, требовательно, применяя угрозы, напоминая о данной клятве, поймав в ловушку ее чувств и слов. Элеонора не хотела подчиняться, сперва умоляла, потом грозила и, наконец, призвав на помощь здравый смысл, убеждала. Но он победил. Его аргументы были сильнее, выкрики громче, слова выразительнее, ласки желаннее. И она сдалась. Сдалась настолько полно, что сейчас шла на улицу Комартен, будучи почти уверенной в том, что так и следовало поступить, что именно в этом было их спасение. *Их?* Разве дела Лузиньяка когда-либо касались ее? Разве сам он не заверял при каждой встрече, что не желает подвергать ее опасности и потому не посвящает в свои секреты? А вчера вдруг заявил, что этот камень, этот сверкающий всеми цветами радуги бриллиант размером с ноготь большого пальца – надежный гарант их безопасности, оружие против любого самого страшного обвинения, какое только может быть выдвинуто против одного из них. Вопрос Элеоноры, кто и в чем именно может их обвинить, утонул в новой тираде о козырной карте, которая окажется в их руках, как только камень будет спрятан в квартире Сен-Жюста. «Особняк Обер, улица Комартен», – уточнил Лузиньяк. Он хорошо подготовился: обзавелся новым адресом Сен-Жюста и до мельчайших деталей пересказал ей распорядок дня члена Комитета общественного спасения. «В шестом часу, можешь быть уверена, риск застать Сен-Жюста дома минимален», – заключил он. Но и после этого она сопротивлялась, говорила, что готова сделать для него все, что угодно, только не это, напоминала об опасности, о невозможности, о бесполезности затеи. «Ты поклялась, – отрезал он. – Помнишь? Когда просила прощения за предательство». Она помнила – и подчинилась.

В начале шестого вечера Элеонора подошла к особняку Обер. В отличие от скромного отеля «Соединенные Штаты», ворота которого были почти всегда открыты, массивные двери, ведущие во двор роскошного дома, некогда известного всему Парижу как обиталище знаменитого оратора Учредительного собрания графа Мирабо, были закрыты. Она перехватила в левую руку небольшую корзинку, где среди свежего хлеба, сыра и колбасы, которыми она надеялась подкупить прислугу, покоился в маленьком кожаном мешочке бриллиант, призванный стать ее ангелом-хранителем (кажется, именно так выразился Лузиньяк, покидая утром ее особняк на острове Сен-Луи), и с силой трижды ударила по воротам круглой ручкой в виде цветочной гирлянды.

Топот грубых башмаков во дворе раздался почти незамедлительно. Перед ней возникло улыбающееся лицо того самого паренька, которого она уже видела за работой в отеле «Соединенные Штаты». Как же его звали? Впрочем, не он интересовал Элеонору. Если он здесь, значит и строгая девушка, его сестра, тоже. Вот прекрасная новость!

– Я пришла к гражданину Сен-Жюсту, – негромко проговорила Элеонора, чуть подавшись вперед.

– Его нет, приходи завтра утром.

Парень готов был уже толкнуть ворота, когда она призвала на помощь свою самую нежную улыбку и проговорила тоном заговорщицы:

– Он просил меня прийти сегодня. Сказал, что я должна подождать, если не застану его.

– Странно, – лицо парня приняло озабоченное выражение. – Он бы предупредил Виолетту...

Ах да, Виолетта, вот как зовут его сестру.

– Возможно, что и предупредил, – подсказала Элеонора и решительно шагнула вперед. – Пойду спрошу у нее.

Она огляделась. Двор был просторным и грязным. Слева от входа стояла на привязи пара лошадей. Запах их помета ударил в чувствительные ноздри гражданки Плесси. Она поспешно отвернулась и спросила у Жана:

– Так где я могу найти Виолетту?

– Мы занимаем две комнаты на первом этаже, вход прямо под лестницей, – махнул он рукой. – Я пойду спрошу...

– Нет-нет, – поспешно откликнулась Элеонора и даже позволила себе схватить его за руку. – Я сама, – и добавила, мягко улыбнувшись и отняв руку: – Спасибо, юноша.

– Постой! – закричал Жан, пристально вглядываясь в красивое почти идеальной красотой – той, что не позволяет ни одного изъяна – лицо. – Я знаю тебя! Ты уже приходила к гражданину Сен-Жюсту и разговаривала с Виолеттой.

– Все верно, – подтвердила Элеонора. – И вот пришла снова.

Жан понимающе кивнул и принял серьезно-благожелательный вид, признав в ней соратницу и единомышленницу.

Первая преграда успешно преодолена, похвалила она себя, входя в особняк и заглядывая под широкую мраморную лестницу, ведущую на верхние этажи, к жильцам. Действительно, за ней скрывалась небольшая дверца, поддавшаяся при первом же легком прикосновении. Элеонора оказалась в тесной прихожей, откуда расходились две небольшие комнаты. Из одной из них раздавалось тихое шуршание. В нее-то и вошла посетительница – да так и замерла на пороге.

Перед мольбертом вполоборота к ней стояла Виолетта в заляпанном разноцветными мелками переднике. Справа от нее разместились коробка с пастелью. Поглощенная работой, девушка не почувствовала постороннего присутствия. Ее правая рука медленно скользила по полотну, выводя невидимые госте линии. Взгляд Виолетты был прикован к картине, губы слегка приоткрыты в счастливой улыбке. Точно такое же выражение Элеонора видела на искаженном увечьем лице великого Давида, когда он, захваченный творением, не замечал ничего вокруг и, казалось, пребывал в иных сферах, недоступных простым смертным. Элеонора перестала дышать, замороженная зрелищем: перед ней была художница. Она боялась пошевелиться, боялась тронуться с места, ибо малейшее движение могло разбить представшее ей видение.

Виолетта оторвала глаза от мольберта, заметила Элеонору и покраснела. Та ободряюще улыбнулась: мол, меня тебе нечего опасаться.

– Позволишь взглянуть? – осторожно спросила она.

Виолетта вытерла руки о передник и отступила на шаг, приглашая гостью занять место перед мольбертом. Элеонора, все с той же приветливой улыбкой, не отрывая глаз от юной художницы, подошла к картине. Но стоило ей повернуться к мольберту, как улыбка соскользнула с ее губ. С полотна, выписанные неуверенными, но правильными линиями, смотрели холодные серые глаза в обрамлении черных слегка вьющихся волос, спадавших на плечи. Прямая линия носа, точно такая же, как у оригинала, и еще только начинавшие выписываться губы, – это были, несомненно, *его* черты. Сен-Жюст, смотревший на нее с неоконченного портрета, выглядел старше того Сен-Жюста, что жил двумя этажами выше, но сходство с оригиналом было несомненно. Элеонора стояла у недописанной картины неприлично долго, не в силах оторвать глаз от этого пока еще эфемерного, но такого живого лица, созданного любящей рукой молоденькой девушки, которая – одному Богу известно, каким образом – смогла передать пренебрежительное высокомерие в мягких, даже нежных чертах молодого человека, пусть и несколько состаренного ее неопытной рукой. Виолетта молча косилась на гостью, будто старалась угадать ее мысли.

– Портрет прекрасен, – наконец, проговорила Элеонора, почему-то шепотом.

– В самом деле? – облегченно выдохнула художница. – Он не закончен, и я не знаю, смогу ли...

– У тебя дар, – перебила ее Элеонора, полностью отдавшись собственным мыслям и не слушая Виолетту, – настоящий дар. Откуда?

Она обращалась, скорее, к самой себе, но Виолетта сочла нужным объяснить:

– Мой отец неплохо рисовал. Он научил меня смешивать краски, объяснил пропорции, перспективу, а дальше... – она сделала неопределенный жест рукой.

– А дальше, – с улыбкой договорила Элеонора, – талант завершил дело. Ты могла бы зарабатывать этим, вместо того чтобы... – она спохватилась, боясь показаться бестактной и оскорбить девушку, но Виолетта совсем не обиделась.

– Э-э, не-ет, – покачала она головой, – пример отца, умершего в нищете, многому научил меня. Я должна была работать с ранних лет, иначе мы не выжили бы. Все это глупости, гражданка, – она небрежно махнула рукой в сторону картины. – *Этим*, – в ее тоне Элеонора уловила презрение, – не проживешь, если у тебя нет влиятельного учителя и ты не вышел из привилегированных.

– С привилегиями покончено, Виолетта, – возразила Элеонора. – Революция с ними покончила.

Но девушка лишь с сомнением покачала головой.

– Послушай, я знаю очень известного... – начала Элеонора и запнулась.

Что за безумие! Разве может простолюдинка, в виде которой она явилась в особняк Обер и в качестве которой разговаривала сейчас со служанкой, знать знаменитого Давида?! Замолчи, приказала себе Элеонора, не сейчас, потом, когда *все это* закончится.

– Гражданин Сен-Жюст видел твою работу? – спросила она, не желая оставлять паузу слишком долгой.

Девушка снова залилась румянцем.

– Нет-нет, конечно нет! – энергично запротестовала она, даже головой замотала.

– Хочешь сперва закончить? – понимающе улыбнулась Элеонора. – Это правильно.

– Будет лучше, если он не узнает... совсем не узнает... – запинаясь, сказала Виолетта. – Ты ведь не скажешь ему? – она заискивающе заглянула в глаза Элеоноры.

Та рассмеялась и по-матерински потрепала художницу по щеке.

– Боишься, что он прочтает в твоём сердце, глядя на портрет? – спросила она, но в вопросе звучало утверждение. – Думаешь, он ничего не замечает? Твои чувства написаны на твоём лице, милая, только плевать он хотел на чьи-либо чувства, в том числе и на свои собственные.

Виолетта стояла, опустив голову, теребя в руках край испачканного пастелью передника, и молчала. К чему были эти жестокие слова? Элеонора разозлилась сама на себя. Не лучше ли было оставить девушку в если не счастливом, то, по крайней мере, покойном неведении?

– Послушай, – Элеонора подняла голову Виолетты за подбородок. – Обещаю, что ни слова не скажу Сен-Жюсту о портрете, а ты взамен окажи мне небольшую услугу.

– Какую? – приободрилась Виолетта.

– Я принесла кое-какие документы... которые он попросил меня раздобыть... – она на ходу выдумывала предлог, поняв, что подкупом от Виолетты ничего не добьется.

– Ты можешь подождать его здесь, – с готовностью отозвалась девушка.

– Подождать?! – Элеонора, улыбнувшись, вскинула брови. – Сколько мне придется ждать: до поздней ночи или до завтрашнего утра?

– И то верно, – согласилась Виолетта. – Я не уверена, что он вообще возвращался домой прошлой ночью.

– Я могу оставить документы в его квартире, – подсказала Элеонора. – Пара минут, не больше.

Виолетта в нерешительности покусывала губы.

– Он будет доволен, обнаружив их по возвращении, – добавила Элеонора, видя ее колебание. – Ты окажешь услугу мне, а я – тебе, сохранив наш маленький секрет.

Девушка слегка кивнула и, взяв связку ключей, вышла из квартиры. Элеонора последовала за ней, сжимая корзинку в руке.

– Не задерживайся, – строго приказала Виолетта на правах хозяйки.

– Я мигом, – пообещала Элеонора, переступая порог квартиры члена правительства.

Контраст с апартаментами Сен-Жюста на улице Гайон поразил ее. Вместо спартанской обстановки первого жилища депутата перед Элеонорой предстала роскошная квартира, расходившаяся на две стороны из прихожей в светло-бежевых тонах. Налево дверь вела в столовую, которой, судя по царящему в ней идеальному порядку, пользовались нечасто. Направо анфилада из трех комнат включала большую гостиную в бледно-голубой, по последней моде, гамме, за которой следовал кабинет, служивший также библиотекой, и спальня, самая мрачная из всех комнат, обитая темно-зелеными тканевыми обоями, посреди которой возвышалась большая кровать с тяжелым зеленым балдахином. Маленькая дверь из спальни вела в гардеробную. И все же, несмотря на дорогую обстановку, квартира выглядела просто, даже скромно. Элеонора недоуменно оглядывалась, скользила взглядом по пустым стенам, задерживалась на креслах и диванах с позолоченными ручками, на комодах из дерева акации, на каминах из черного мрамора и огромных венецианских зеркалах над ними, на серебряных канделябрах, развешанных по стенам и расставленных на каминах. Она внимательно осматривала комнаты, ища причину странного ощущения простоты, что возникло у нее сразу же, как только она переступила порог квартиры. Ответ пришел к ней в кабинете, где чувство скромной пустоты вдруг покинуло ее. Казалось, это было единственное обитаемое пространство в квартире. Стол, хаотично заваленный бумагами, полупустая чернильница, початая бутылка бургундского, домашний халат, небрежно брошенный на спинку стула, оплывшие свечи в канделябрах, книги в шкафах, кресло с лежащей на нем «Историей» Геродота, заложенной карандашом на том месте, где прервал чтение хозяин, – в этой комнате была жизнь, отсутствовавшая во всех остальных помещениях, лишенных ваз, картин и других бесполезных, но необходимых мелочей, что украшают и оживляют жилое пространство. Да и мебель, заключила гостья, явно осталась от прежнего хозяина.

Элеонора медленно переходила из комнаты в комнату и снова возвращалась в прихожую, размышляя, куда бы спрятать бриллиант в кожаном мешочке, который она сжимала в кулаке с того самого момента, как вошла в апартаменты. Лузиньяк настаивал на том, чтобы вместе с камнем в квартире депутата оказался и синий бархатный мешочек с золотыми лилиями, который Сен-Жюст любезно согласился оставить ей на память о любовнике. Но она решительно отказалась, заявив, что тогда Сен-Жюст непременно догадается, что камень оказался у него ее стараниями, и чтобы прекратить дальнейший спор, швырнула мешочек в горящий камин.

Выбор Элеоноры пал на кабинет, единственное место в этом холодном царстве, где имелись следы человеческого пребывания. Между двумя шкафами, забитыми книгами, стоял высокий комод из акации. Искусная работа, дорогая, оценила мадам Плесси, проведя рукой по полированным дверцам, на которых тончайшими деревянными пластинами были выложены четыре изображения: революционные эмблемы с девизами в окружении знамен, венков и победных труб. В каждой из двух дверей торчал крошечный ключик. Элеонора повернула один из них, замок щелкнул, и дверца распахнулась, явив взору любопытной стопки исписанных бумаг, тетрадок, писем. Она пододвинула стул, скинула давившие ноги дешевые туфли и, приподняв полы темно-синего ситцевого платья, уже поставила ногу на кожаное сиденье, как вдруг шум в прихожей заставил ее замереть. На то, чтобы обуться, спрятать бриллиант в карман платья и, с предательским шумом поставив стул на место, усесться на него со скучающим видом давно ожидающего человека, Элеонора потратила не более трех секунд.

Ровно столько, сколько понадобилось Сен-Жюсту, чтобы неторопливо пересечь гостиную и войти в кабинет – войти и остановиться так резко, словно перед ним зияла глубокая пропасть.

Сердце Элеоноры колотилось с такой силой, что она боялась, что он услышит его биение. Ноги ее мгновенно отяжелели, будто приросли к полу, а пальцы рук превратились в лед. Она сама не поняла, как так случилось, что губы ее растянулись в улыбке, а колени выдержали вес тела, когда она поднялась навстречу хозяину.

На лице Сен-Жюста застыло суровое недоумение. Он оглядывал Элеонору, одетую в дешевое ситцевое платье, с голубой косынкой на плечах, в нескладном чепце с приколотой к нему трехцветной кокардой, и складка над его переносицей становилась все глубже.

Так они и стояли друг против друга, не смея пошевелиться, – она от страха, он от удивления.

Они заговорили одновременно:

– Какого дьявола...

– Я пришла, чтобы...

И замолчали, уступая другому право первого слова.

– Так вы пришли, чтобы? – резко спросил Сен-Жюст.

– Я пришла по одному делу... – на ходу выдумывала Элеонора, – и не застала вас... – Она выдавила из себя виноватую улыбку. – Виолетта сказала, что вы можете вернуться поздно...

– И вы собирались прождать здесь до ночи? – сухо спросил Сен-Жюст. – Что вам от меня нужно? Откуда вам известен мой новый адрес?

Он был груб, резок, зол. А как же иначе должен вести себя человек, заставший в своей квартире постороннего?! Он еще неплохо владеет собой, мысленно похвалила Элеонора.

– На который из вопросов я должна ответить в первую очередь, гражданин? – Она перешла на единственный тон, который мог помочь ей выпутаться из щекотливого положения и которым владела в совершенстве, – шутливую иронию.

– Какого черта вам надо в моей квартире? – еле сдерживая ярость, процедил он, подходя к ней почти вплотную.

– Дело не терпело отлагательства... и Виолетта позволила... – она с трудом справлялась с дыханием, но с места не сдвинулась.

– Виолетта получит хорошую взбучку, – пообещал Сен-Жюст. – В следующий раз будет знать, как устраивать из моей квартиры проходной двор.

– Послушайте, – взмолилась Элеонора, – девушка не виновата. Я обманула ее, сказав, что пришла по вашему поручению. Она ведь уже видела меня, там, на улице Гайон...

– Что вам нужно? – в третий раз повторил он.

– Ну и жара этой весной! – томно проговорила Элеонора. – Вы не находите?

Она скинула шаль, обнажив глубокое декольте и голые плечи под сползшим с них платьем. Еще миг – и белый чепец был сорван с головы. Длинные светло-каштановые волосы тяжело упали на обнаженные плечи. Она проделала это преображение двумя быстрыми движениями, не спуская с Сен-Жюста улыбающегося взгляда зеленых кошачьих глаз, и с удовольствием отметила жадный взгляд, брошенный им на вздымавшуюся под пышными локонами грудь. Он поспешно отвернулся, пытаясь побороть искушение, и провел рукой по увлажнившемуся лбу.

– Признаться, этот маскарад вам чертовски идет, – пробормотал он, не глядя на нее, и добавил тише, как бы размышляя вслух: – Впрочем, такую красоту ничем не испортишь.

– Однако и этой красоты бывает недостаточно, чтобы покорить сердце, пожелавшее остаться неприступным, – проговорила она с небрежной легкостью, с какой в светском салоне обмениваются впечатлениями о громкой премьере.

Он кинул на нее короткий взгляд. Презрение?! Нет, ей, верно, показалось. Разве может мужчина смотреть с презрением на женщину, только что открывшую ему свои чувства? Или

его оскорбила беззаботность, с которой были произнесены слова, заслуживающие большего уважения?

Элеонора почувствовала, что краснеет под холодно-надменным взглядом Сен-Жюста. «Ну же, – приказала она себе, – скажи что-нибудь, немедленно!»

– А вы неплохо устроились, – весело произнесла она (Если бы он знал, каких усилий стоила ей эта веселость!), проходя в гостиную и оглядываясь так, словно только что заметила окружающую обстановку. – А я грешным делом думала, что вы сторонник спартанской скромности. Значит, слуги народа тоже равнодушны к роскоши?

– Вы полагаете, что слуги народа должны жить хуже, чем его враги? – сухо парировал Сен-Жюст, последовав за ней.

– Мне казалось, что это *вы* так полагаете, – отбила она удар. – Не вы ли заклеили роскошь, превратив ее в преступление, а ее адептов – во врагов республики?

– Не роскошь преступна, а желание любой ценой сохранить и приумножить ее, – отрезал он своим обычным строго-доктринерским тоном.

– О да, – сладко улыбнулась она и мечтательно закатила глаза, – она имеет обыкновение вызывать подобное желание. Но Французская республика превратила желание в преступление и карает намерение с суровостью, невиданной доселе даже при самых деспотичных режимах.

– Карая намерение, мы предотвращаем преступление, угрожающее свободе. Применяя суровость, мы избавляем общество от недобрых намерений. Только так свобода может восторжествовать.

– Вы всерьез собираетесь построить свободное общество на костях невинных? – горько усмехнулась Элеонора.

– Невинных? – правая бровь Сен-Жюста чуть приподнялась. – Кто вам сказал, что несовершенство желаемого преступления – признак невиновности?

– Кто вправе решать, найдет ли намерение воплощение? Кто вправе судить, суждено ли ему стать преступлением?

– Никто, – признал он. – Мы не застрахованы от ошибок. Но пример суровой кары отвратит умы от злоумышлений, и очень скоро преступление станет редкостью.

Она не удержалась от саркастической улыбки.

– Значит, вы, не прощающий чужие намерения, с легкостью позволяете себе пару тысяч ошибок? Великие цели всегда сопровождались великими жертвами, не так ли, гражданин Сен-Жюст?

– Наши ошибки простительны, ибо наши намерения чисты.

– Чисты?! – Элеонора натужно рассмеялась. – Я не ослышалась: вы сказали – *чисты*? Не ожидала от вас такой наивности! Поверьте мне, гражданин: я очень хорошо знаю многих из ваших коллег и имею все основания усомниться в чистоте их намерений.

– Любое тело имеет изъяны.

– Это не изъяны, а болезнь, смертельное заболевание, которое однажды приведет республику к гибели.

– Я делаю все возможное, чтобы исцелить этот недуг.

– Заболевание, затронувшее мозг, неизлечимо. Оно убьет вашу республику и вас вместе с ней. Впрочем, – добавила она после секундной паузы, – наше общество уже давно не имеет ничего общего с тем, о чем мы мечтали. С трибуны Конвента нам обещали Афинскую республику, а вместо этого мы получили режим, достойный Республики венецианской в самые суровые ее годы, где преступления караются с большим рвением, чем поощряются заслуги, где правит страх перед политической полицией – и какая разница, называется она Инквизицией или Комитетом общей безопасности!

Сен-Жюст слушал, заложив руки за спину и опустив голову. Когда она закончила, он кивнул, как будто даже соглашаясь с ее обвинениями.

– Венецианская республика, – проговорил он тихо, не поднимая на Элеонору глаз, – должна была защищать свою независимость от всей Европы. И она прекрасно справилась с этой задачей, казавшейся непосильной даже самым амбициозным политикам. Французская республика оказалась в похожей ситуации. Отсюда – и одинаковые методы, доказавшие, к тому же, свою эффективность.

– Эффективность?! – вскричала Элеонора с удивлением, смешанным с ужасом. – Вы считаете террор эффективным?!

– О да! – протянул он, самодовольно улыбаясь. – Всем, чего достигла республика – от военных побед до борьбы с голодом, – мы обязаны террору. Террор спас Францию, нравится вам это или нет.

Она покачала головой и уже собралась возразить, когда Сен-Жюст положил конец дискуссии, заявив устало-скупающим тоном:

– Я не спал две ночи, гражданка. Так что позвольте все же узнать причину вашего визита, после чего я вынужден буду, рискуя показаться невежливым, попросить вас уйти.

– Простите, это я поступила невежливо, вторгшись в вашу квартиру, – Элеонора заговорила мягко, даже нежно, растянув губы в кокетливо-извиняющейся улыбке. – Наверное, мне не стоило приходить... – она сделала шаг по направлению к нему. – Я долго колебалась, не решаясь... – она замолчала, улыбка все еще блуждала на ее чуть приоткрытых губах. – Но в конце концов, было бы глупо и дальше скрывать то, что, скорее всего, вам известно... – теперь она стояла к нему так близко, что чувствовала на щеке его дыхание.

«Если сейчас он не отвернется, если не отступит, то я победила», – решила она.

Он не отступил, не отвернулся, не оттолкнул ее, а стоял, не в силах сдвинуться с места, пошевелился, отвести взгляд.

«Ну вот и все, – подумала Элеонора. – Еще секунда – и неприступный гражданин Сен-Жюст...»

– Антуан! – чужой звонкий голос рассек, подобно лезвию кинжала, пространство между ними, потушив электрический разряд, нарушив магию, разбив колдовство.

Сен-Жюст отпрянул от Элеоноры с такой брезгливой поспешностью, словно прикоснулся к гадюке. Она вздрогнула и обернулась на голос. Он тоже смотрел в проем между гостиной и прихожей. Миловидная молодая девушка с огромными голубыми глазами, в которых блеснули слезы, стояла там, безвольно опутив руки и устремив испуганный взгляд на Сен-Жюста, на него одного, словно не замечала присутствия Элеоноры, хотя, похоже, именно ее присутствие заставило гостью исторгнуть возмущенный возглас.

Элеонора вопросительно посмотрела на депутата, но его внимание было полностью поглощено незваной гостьей. Элеоноре даже показалось, что на лице Сен-Жюста появилось доселе незнакомое ей выражение стыда. Она перевела взгляд на девушку, надеясь получить объяснение бестактному вторжению, но та молчала, даже не пытаясь сдерживать слезы, двумя неровными струйками стекавшие по нарумяненным щекам.

Элеонора вновь обернулась к Сен-Жюсту, намереваясь спросить, кто посмел нарушить их уединение, но он коротким повелительным движением головы приказал ей молчать.

– Генриетта, – наконец, произнес он, нарушив неловкое молчание, – ты – здесь?! Я не ждал тебя. Что привело?..

Она не дала ему договорить. Так и не сдвинувшись с места, не решившись переступить порог гостиной, Генриетта Леба, нарумяненная и разряженная, в модной шляпке с цветами, в ярко-розовом платье, перехваченном на талии красной лентой, заговорила прерывающимся рыданиями голосом:

– Я стучала, но никто... не отозвался... А горничная сказала... она сказала, что ты... что ты вернулся... И дверь... она была незаперта... И я вошла... А ты... тут...

«Черт, я, верно, забыл запереть дверь, когда увидел Плесси», – подосадовал Сен-Жюст.

«Еще одна влюбленная дура», – догадалась Элеонора.

Она смерила девушку надменно-оценивающим взглядом и удовлетворенно улыбнулась: при всей ее миловидности она ей не соперница.

Генриетта дрожащими руками достала из висящей на запястье шелковой сумочки носовой платок и поспешно отерла слезы, безжалостно размазав тщательно наложенные румяна. Она почувствовала на себе высокомерный взгляд незнакомой женщины с раскинутыми по обнаженным плечам волосами и одетой, как проститутка из Пале-Рояля, и покраснела.

– Зачем ты пришла? – Сен-Жюст не ожидал, что вопрос прозвучит так резко, и немедленно пожалел, что досада на самого себя выплеснулась на ни в чем не повинную Генриетту.

Девушка приложила ладони к пылающим щекам, словно получила пощечину. Она заметила, как женщина криво усмехнулась.

– Антуан, – Генриетта приблизилась к Сен-Жюсту и внимательно заглянула ему в лицо, – кто это? Почему она *так* смотрит на меня? Что она здесь делает? Что *вы* здесь делаете?

– Точно такой же вопрос я задал тебе, – строго сказал Сен-Жюст. – Твой брат знает, где ты?

– При чем здесь мой брат?

– Разве не на нем лежит ответственность за твои поступки?

– А что предосудительного в моих поступках? – встрепелась Генриетта. – Я пришла повидать друга... Ведь мы же друзья, не так ли? И не моя вина, что я застала тебя с этой...

– Довольно! – Сен-Жюст не позволил ей договорить. – Что ты себе позволяешь?!

– Как ты мог, Антуан?! Как ты мог так поступить со мной?! – губы девушки задрожали, предвещая новый всплеск рыданий. – После всего, что наговорил о любви к республике, о невозможности разделить эту любовь с любовью к женщине! Как ты посмел так бессовестно обмануть меня?!

– Боже, Генриетта, что ты себе вообразила! – Сен-Жюст легконько встряхнул ее за плечи. – Ты не отдаешь себе отчет в том, что говоришь.

– Я видела вас! – закричала она, и рыдания, наконец, вырвались на свободу. – Видела, как ты!..

– Боюсь, мадемуазель неверно истолковала ситуацию, – громко заговорила Элеонора, чем заслужила недовольно-хмурый взгляд Сен-Жюста. – Она, похоже, решила, что имеет какие-то права на человека, который ей не принадлежит. Ваше поведение, дорогая, недостойно девушки из приличной семьи, каковой вы, несомненно, являетесь.

Генриетта прекратила плакать и растерянно смотрела на Сен-Жюста, не зная, что ответить, и призывая его в защитники. Но столкнулась с бесстрастным равнодушием.

– Что она говорит, Антуан? – возмущенно воскликнула она. – Как ты можешь позволить ей *так* разговаривать со мной?!

– Тебе лучше уйти, Генриетта, – ледяным тоном попросил Сен-Жюст.

– Уйти? – недоуменно прошептала девушка. – И оставить тебя с ней?

– И оставить меня в покое! – взорвался он. – Я же ясно дал понять, что ты питаешь напрасные иллюзии на мой счет! О чем нам еще говорить?

– Где ваша гордость, мадемуазель? – вмешалась Элеонора. – Мужчина отвергает вас и просит уйти. Подчинитесь его решению и сохраните остатки собственного достоинства.

Эти жестокие слова, сказанные с надменной нравоучительностью, на которую эта посторонняя женщина не имела ни малейшего права, выплеснулись на Генриетту, подобно ушату холодной воды. Она встрепелась, приосанилась и с вызовом проговорила:

– И ты снова ничего не скажешь, Антуан? Снова не велишь ей замолчать?

– Я *снова* попрошу тебя уйти, – отрезал Сен-Жюст и отвернулся.

– Так будь ты проклят! – крикнула Генриетта и выбежала из квартиры, оставив входную дверь распахнутой настежь.

Сен-Жюст неторопливо прошел в прихожую, закрыл дверь и запер ее на ключ. Вернувшись в гостиную, он кинул на Элеонору мрачный взгляд.

– Ни к чему было столь жестоко обращаться с этой девушкой, – строго проговорил он. – Мы с вами и мизинца ее не стоим.

Элеонора деланно рассмеялась и, пожав обнаженными плечами, ответила:

– Возможно. Вам виднее. Только вот влюбленность ее мизинец явно не украшает.

Сен-Жюст, не проронив ни слова, подошел к окну и долго-долго смотрел куда-то вдаль. Элеонора терпеливо ждала – ждала, когда он прогонит ее, ибо была уверена, что именно это он собирается сделать. И не ошиблась. Обернувшись, Сен-Жюст удивленно посмотрел на молодую женщину, словно спрашивая, что она все еще делает здесь, и попросил вежливо, но настойчиво оставить его одного. Она немедленно подчинилась.

29 жерминаля II года республики (18 апреля 1794 г.)

Амар широкими шагами мерил погруженную в полумрак гостиную. Разгоряченный гневом и выпитым анжуйским, он распалялся все больше и больше, повышая тон, страстно жестикулируя и неоднократно выплескивая содержимое бокала, который держал в руке, на ковер, чем вызывал неодобрительное покачивание головой хозяина.

– Прекрати истерику, – наконец, проговорил Вадье. – Ты мне весь ковер зальешь.

– Ковер? – Амар в недоумении остановился и взглянул себе под ноги, не понимая, какое отношение какой-то ковер имеет к судьбам Франции, к их судьбам, о которых он уже битых полчаса разглагольствовал перед мирно потягивавшим вино шефом.

– Вот именно, ковер, – невозмутимо повторил тот. – Сядь и успокойся. Ты слишком много выпил. Это не идет на пользу твоей способности рассуждать.

– Мою способность рассуждать вином не убьешь, – отозвался Амар, но совету внял и, залпом прикончив бокал, тяжело опустился в кресло. – Я знаю, что мы должны предпринять, и не понимаю, чего ты медлишь! Швырни ему в лицо донос Невера! Посмотрим, как он запоет! Сразу надо было разоблачить его, еще тогда, в вантозе! Не пришлось бы сейчас глотать унижение.

– Полагаешь, одного сомнительного доноса достаточно, чтобы поставить под сомнение заслуги человека, на счету которого пара блистательных побед в Эльзасе и падение Дантона? – все с тем же ледяным спокойствием спросил Вадье.

– Раньше надо было действовать! Раньше! – Амар снова вскочил с кресла. – До разгрома фракций! До того, как у Сен-Жюста созрел план по передаче полиции Комитету спасения!

– Вмешайся мы в вантозе, ты сейчас ломал бы голову, как избавиться от дантонистов, Андре, – философски заметил Вадье. – Мы дали Сен-Жюсту возможность сделать очень важную работу, которую без него завершить было бы крайне затруднительно.

– И что теперь? Терпеливо ждать, пока он отправит нас вслед за Дантоном?

– Ну, до этого еще далеко, – обнадежил Вадье.

– Он забрал у нас добрую половину полицейских функций! – взревел Амар, с силой ударив кулаком по столешнице.

– Не стоит преувеличивать. Комитет общей безопасности не потерял ни одного из своих полномочий. Просто Комитет общественного спасения приобрел функции, отчасти дублирующие наши. Это разные вещи.

– Ты думаешь, он этим ограничится?

– Не думаю. Но на данный момент в нашей власти оспорить принятые в Бюро полиции решения и выдать противоречащие им распоряжения.

– И чего мы добьемся? Хаоса в полицейских делах, снижение эффективности нашей работы и, в итоге, открытую войну!

– Вот именно, войну, – кивнул Вадье. – И главным оружием в этой войне станет донос Невера, а также еще одно свидетельство, которое я надеюсь получить в ближайшее время.

– Что за свидетельство?

– Узнаешь, когда придет время.

Амар пристально посмотрел на Вадье. Старик чего-то не договаривает. Неужели он больше не доверяет ему?

– Не думай, что я тебе не доверяю, Андре, – примирительно проговорил Великий инквизитор, которому не составило труда прочесть мысли собеседника. – Но дело деликатное и не терпит спешки. Твое нетерпение может все испортить.

– И сколько времени тебе надо, чтобы, наконец, предъявить Сен-Жюсту обвинение?

– Месяца два.

– Два месяца?! – снова взорвался Амар. – Да за два месяца Комитет спасения окончательно завладеет всеми рычагами управления, если будет действовать теми же темпами, что сейчас!

– Не завладеет, – заверил Вадье. – Сядь и послушай, что я тебе скажу. И перестань подливать себе вина. Мне нужна твоя ясная голова.

Амар отставил недопитый бокал и послушно сел напротив хозяина дома.

– Так-то лучше, – кивнул Вадье и откинулся в старомодном кресле с высокой спинкой. – Для того, чтобы ослабить Комитет спасения, вовсе не обязательно объявлять войну, кричать и ломать копи в пустых дискуссиях. Достаточно лишь нейтрализовать его самых активных и враждебных нам членов. Улавливаешь, о чем я?

Амар отрицательно покачал головой.

– Начнем по порядку, – вздохнул Вадье, понимая, что разговор будет длиннее, чем он предполагал. – Комитет общественного спасения состоит из одиннадцати членов.

Амар возвел глаза к потолку, показывая, что не нуждается в том, чтобы ему сообщали очевидные вещи. Вадье сделал вид, что не заметил этого жеста, и продолжал тем же тягучим менторским тоном:

– Приер из Марны вечно отсутствует в миссиях, его мы в расчет не берем. – Амар кивнул. – Сент-Андре, Ленде и Клод Приер занимаются исключительно техническими вопросами снабжения и армией. Они нам не помеха. – Амар снова кивнул. – Остаются семь человек, – заключил Вадье и перечислил, загибая пальцы: – Робеспьер, Барер, Кутон, Сен-Жюст, Карно, Колло и Бийо. Барер не пойдет против Комитета общей безопасности, тем более теперь, когда его красotka у меня под колпаком. Шестеро. Карно не занимается ничем, кроме военной кампании. И даже если его можно назвать, скорее, амбициозным, его амбиции заканчиваются славой организатора побед. Славой, которая, кстати, не дает Сен-Жюсту спокойно спать по ночам. Но к этому мы еще вернемся. Остаются пятеро, Андре. Не так уж и много, если учесть, что Колло и Бийо всегда были близки экстремистам и имеют куда больше друзей в Комитете безопасности, чем среди собственных коллег. Факт немаловажный, должен заметить, даже если дружба в наши дни утратила свою былую искренность. Остаются трое, один из которых, Кутон, передвигается в инвалидном кресле и полностью находится под влиянием Робеспьера.

– Зато второй полон сил и энергии и стоит четверых, – раздраженно заметил Амар.

– Вот мы и добрались до сути, – Вадье сделал жадный глоток вина. – Достаточно удалить Сен-Жюста, чтобы ослабить Комитет спасения.

– Не забывай Робеспьера, – напомнил Амар.

– Робеспьер, действительно, представляет для нас немалую угрозу, – согласился Вадье. – Его авторитет огромен. Я даже не уверен, что кто-либо из политических лидеров за пять революционных лет пользовался хотя бы третью того авторитета, которым обладает он. Но он быстро угасает. Революция совершенно истощила его силы. Не надо быть врачом, чтобы понять, что он болен. Его время исчисляется месяцами.

– Три-четыре месяца он протянет, – заметил Амар, – а этого вполне достаточно, чтобы...

– Не Робеспьер является для нас основной помехой, Андре! – повысил голос Вадье, раздраженный постоянными возражениями коллеги. – Его куда больше волнуют абстрактные материи. Угрозу для нас представляет только один из одиннадцати. Тот, кто молод и энергичен, кто рвется к власти любыми средствами и не остановится ни перед чем, чтобы расчистить себе путь к долгожданной цели. Повторяю, достаточно удалить Сен-Жюста из Парижа, чтобы развязать себе руки. Он поручил управление Бюро полиции младенцу Лежену, боящемуся собственной тени. Без поддержки Сен-Жюста Лежен нам не опасен. Пусть он занимается своими бумажками, плевать! Распоряжения будут исходить из Комитета общей безопасности.

– Формально Бюро подчиняется Комитету спасения. Не будет Сен-Жюста, кто-то другой из членов Комитета возьмет на себя управление полицией.

– Я только что обрисовал тебе ситуацию в Комитете спасения. Кто бы ни управлял Бюро, ссориться с Комитетом безопасности он не станет.

– Если только им не будет Робеспьер, – уточнил Амар.

– Робеспьеру не потянуть такую махину, – отмахнулся Вадье. – Если Сен-Жюст покинет Париж, влияние в Комитете спасения полностью перейдет в руки Бийо, Колло и Барера. И можем считать, что партия нами выиграна.

– Допустим, – нехотя согласился Амар и снова потянулся к бокалу под осуждающим взглядом Великого инквизитора. – Только каким образом ты надеешься удалить Сен-Жюста из Парижа на несколько месяцев, да еще в самый разгар его увлечения новым Бюро?

– Э-э, друг мой, ты забыл о другой страсти нашего молодого коллеги, – хихикнул Вадье, явно довольный собой. – Недаром я сказал, что слава Карно не дает ему спать спокойно.

– Война? Ты хочешь отправить его на войну? – осторожно спросил Амар.

– Именно, – Вадье положил в рот кусочек сыра, подцепив его крошечной вилочкой с серебряного блюда. – Северная армия давно нуждается в хорошей встряске. Сен-Жюст как раз тот, кто ей нужен.

– Ты отдаешь себе отчет, насколько возрастет его авторитет, когда он принесет победу?

– Победу? – Вадье не сдержал сухого смеха. – Похоже, Андре, ты плохо представляешь себе ситуацию на Северном фронте. Она приближается к катастрофической. Мы с трудом держим оборону, которую австрийцы прорвут со дня на день, после чего смогут двинуться на Париж. О наступлении и речи быть не может. Сен-Жюст увязнет там на три-четыре месяца, если не больше. Раньше осени мы его в Париже не увидим, ведь без победы, как ты правильно заметил, он не вернется. А до победы там так же далеко, как до первого снега. За это время многое случится. К тому же, как знать... – Вадье задумчиво пожевал морщинистыми губами. – Сен-Жюст горяч, а на войне опасность так близка... Шальная пуля может навсегда избавить нас от большой проблемы.

Амар удивленно взглянул на шефа. Неужели Вадье всерьез надеется, что Сен-Жюста убьют на фронте?! Он с сомнением покачал головой: это было бы слишком щедрым подарком судьбы.

– Что ж, – пожал он плечами, – если тебе, действительно, удастся отправить Сен-Жюста в армию, признаюсь, это сыграло бы нам на руку. А если, по своему обыкновению, он и Леба с собой прихватит, одним соглядатаем Робеспьера в Комитете безопасности станет меньше. Правда, я не представляю, как ты можешь повлиять на решение Комитета спасения.

– Моего вмешательства и не потребуется, – Вадье закинул ногу на ногу и сплел на колене длинные тонкие пальцы. – Кое-кто другой охотно возьмет на себя инициативу. Видишь ли, друг мой, один из коллег Сен-Жюста не меньше нас заинтересован в его отъезде.

Амар прищурился, словно пытаясь догадаться, кого имеет в виду Вадье. Великий инквизитор не стал долго томить его и подсказал:

– Барер.

– Барер? – недоверчиво протянул Амар. – Разве они с Сен-Жюстом не друзья?

– Друзья, сотрапезники, союзники, коллеги. Будь он ему хоть родным братом, больше всего Барер дорожит своей шкурой и... одной очаровательной головкой. И вот эта самая головка окажется в большой опасности, когда полицейские дела перейдут из-под нашего с тобой надзора под надзор Сен-Жюста. Красавица или нет – со шпионкой он церемониться не станет. А пассия Барера крепко увязла в английских сетях. Так что я не удивлюсь, если этой же ночью наши дорогие коллеги из Комитета спасения примут решение об отправке одного из них в Северную армию. И интуиция подсказывает мне, что им станет Сен-Жюст. Через несколько дней, Андре, ты сможешь вздохнуть с облегчением и ожидать новостей с фронта... которые получишь месяца этак через три. За это и выпьем, – он поднялся с кресла, и разлил оставшееся вино по бокалам. – За героическую победу французской армии в Бельгии и подвиги, которыми,

безусловно, покроет себя народный представитель в миссии на службе отечеству! И за неизбежную интеграцию Бюро общей полиции в Комитет безопасности в самом скором времени, – добавил он, хитро улыбнувшись. – А вернувшись, Сен-Жюст уже ничего не сможет поделать: Бюро будет нашим, а его дружок Лежен вновь отправится перекладывать бумажки в каком-нибудь занюханном министерском кабинетике. Если, конечно, Сен-Жюсту повезет вернуться из той мясорубки, что ожидает его на Севере.

– Твоими бы устами, – Амар залпом осушил бокал.

Ночь с 29 на 30 жерминаля II года республики (18–19 апреля 1794 г.)

Интуиция (или надежная информация?) не обманула главу Комитета общей безопасности: этой ночью члены Комитета общественного спасения собрались на заседание, которое открыл Бертран Барер предложением отправить одного из Одиннадцати в Северную армию.

– С тех пор, как Сен-Жюст и Леба покинули Северную армию в плювиозе, положение дел на этом участке фронта не перестает ухудшаться, – говорил он. – Австрийцы с каждым днем усиливают свои позиции на нашей северной границе. Наши неудачи на Севере открывают врагу дорогу на Париж.

Приер повернулся в сторону хмурого Карно, исподлобья взиравшего на оратора. «Какого дьявола Барер лезет в военные дела?» – вопрошал взгляд военного стратега. Но Барер, увлеченный своими идеями, не смотрел на коллег и недовольства Карно не заметил.

– Северной армии необходим новый заряд энергии, волевая рука, обладающая большей властью, чем обычное военное командование. Ей нужен один из нас! – заключил Барер, с силой саданув кулаком по столу, покрытому зеленым сукном.

– Все верно, – прошептал Сен-Жюст.

Он не обращался ни к кому конкретно, отвечая, скорее, собственным мыслям, но Барер расслышал его слова и подхватил их, словно только того и ждал.

– Я рад, что ты согласен со мной, Сен-Жюст, – он посмотрел с высоты своего роста на сидевшего рядом коллегу. – Признаться, я подумал о тебе, когда...

– Сен-Жюст необходим республике здесь, в Париже, – поспешно перебил его Робеспьер. – Если вам так не терпится отправить кого-то на Север, пусть едет Карно. Никто лучше него не знает положения дел на фронте и не мобилизует войска для победы.

– Я не могу уехать сейчас, – возразил Карно. – Я координирую сразу несколько операций, которые целиком завязаны на мне. Не забывайте, что существует еще Эльзас, а после ареста генерала Гоша республиканская армия многое потеряла, – он осуждающе взглянул на Сен-Жюста.

– Ничего она не потеряла! – вскричал тот, вскакивая с места. – Гош – предатель, всегда был им и всегда останется! Уверен, он только и ждал момента, чтобы перейти на сторону неприятеля, как Дюмурье год назад!

– Ненависть к Гошу ослепила тебя, Сен-Жюст, – Карно тоже возвысил голос. – Я согласился на его арест исключительно из соображений солидарности, не желая нарушать гармонию в правительстве. Но я не устану повторять, что этот арест – огромная ошибка, и если бы не ваши с ним личные дразги, республика не лишилась бы своего лучшего генерала.

– У этого «лучшего генерала республики», как ты его называешь, Карно, амбиции застлали волю к свободе. Еще немного – и мы узрели бы Гоша ведущим войска на Париж, чтобы свергнуть республиканское правительство и учредить военную диктатуру!

– Это клевета, в которую уже давно никто не верит!

Карно сделал несколько шагов по направлению к противнику, но Барер, выпростав вперед руку, преградил ему путь.

– Сейчас не время для ссор, Карно, – примирительно проговорил он. – Эта история покрыта пылью. Ты хотел видеть Гоша во главе армии, Сен-Жюст – на эшафоте. Мы нашли разумный компромисс, ограничившись тюремным заключением. Все остались довольны, не так ли? – обернулся он к Сен-Жюсту, снова опустившемуся на стул. – И покончим с этим. Сейчас речь о другом. Северная граница республики под угрозой.

– От меня больше пользы в Париже, чем на Севере, – заключил Карно тоном, закрывшим дискуссию по его кандидатуре.

– Ну что ж, если Карно так боится пороха, – язвительно сказал Робеспьер, – предлагаю послать Кутона. Его революционный энтузиазм быстро поднимет дух армии, а власть Комитета, стоящего за ним...

– Боюсь, трудно поднять боевой дух разлагающейся армии из инвалидного кресла, Робеспьер, – вмешался Сен-Жюст. – Армейские миссии требуют от комиссара личного участия в боевых действиях. Сразу видно, что ты плохо представляешь себе, что такое война, если предлагаешь Кутону отправиться в армию.

– Комиссар не обязан лезть в гущу боя, – раздражение постепенно овладевало Робеспьером. – Только петушиный задор может заставить его рисковать своей свободой и жизнью, когда на нем лежит священная миссия нести революционные идеи солдатам.

Выпад явно был направлен против Сен-Жюста, и тот принял удар.

– Плевали солдаты на революционные идеи, исходящие от человека, отсиживающегося в штабе! Они желают видеть своего комиссара среди них, рискующим жизнью и готовым, подобно им, сложить голову за республику! Только тогда они будут уважать его и подчиняться его приказам.

– Ребячество! Мальчишество! – закричал Робеспьер.

– Ты прав, Барер, я должен ехать в Северную армию, – заключил Сен-Жюст, не спуская глаз с Робеспьера.

– Ничего ты не должен, – процедил тот, в упор взглянув на молодого человека. – Ты нужен мне здесь.

– Тебе?! – усмехнулся Сен-Жюст. – С какой стати ты отдаешь мне приказы?

– Ты нужен Комитету, республике, французскому народу! – Робеспьер перегнулся через стол, выставив вперед указательный палец. – Ты не смеешь рисковать жизнью!

– Моя жизнь, как и жизнь любого гражданина, принадлежит республике.

– Интересы республики требуют твоего присутствия в Париже, Сен-Жюст!

– По какому праву ты говоришь от имени республики? – Сен-Жюст чувствовал, что теряет контроль над собой и, приказав себе успокоиться, обернулся к Бареру: – Пиши приказ, Бертран. Я отправлюсь в ближайшие дни, как только завершу несколько дел в Париже.

– Никто не поставит подпись под этим приказом! – голос Робеспьера перешел на хрип. Еще немного – и он отзовется выматывающим кашлем.

– Увидим, – холодно бросил Сен-Жюст.

Барер уже потянулся за бумагой, когда Робеспьер остановил его.

– Я требую голосования, – прошипел он, подавив приступ. – Кто за то, чтобы отправить Кутона в Северную армию?

Четыре руки, считая его собственную, поднялись вверх. Для девяти присутствующих на заседании этого числа было явно недостаточно.

– Карно? – не сдавался Робеспьер.

Он снова оказался в меньшинстве. Поймав на себе насмешливую улыбку Сен-Жюста, он предпринял последнюю попытку:

– Приер?

Три руки.

– Сен-Жюст? – спросил Барер.

Семь из девяти. Робеспьер и Робер Ленде воздержались.

– Мне будет не хватать тебя в Продовольственной комиссии, – тихо сказал Ленде на ухо Сен-Жюсту.

– Я быстро вернусь, – бодро пообещал тот. – Месяц, не больше.

– Ты не понимаешь, что натворил, – услышал Сен-Жюст за спиной осуждающий голос Неподкупного, спускавшегося вслед за ним по мраморной лестнице по окончании заседания Комитета. – Ты позволил нашим врагам одержать верх, ты сам способствовал их торжеству.

– Ты голоден? – обернулся к нему Сен-Жюст. – Поговорим за ужином?

– Добро, – оживился Робеспьер. – Пойдем к Вержу.

Они молча вышли во двор и направились в ресторан, располагавшийся прямо напротив дворца Тюильри. Удачное расположение и отменная кухня сделали Вержу главным конкурентом Фуа, переманив к нему немало знаменитостей, среди которых Робеспьер занимал не последнее место.

Было около двух часов ночи, когда два члена правительства вошли в тускло освещенный зал.

– Ты никак закрываешься, гражданин Вержу? – спросил Робеспьер вместо приветствия, оглядывая опустевший зал и неубранные столы с грязными скатертями. – А мы вот собрались поужинать.

– Гражданин Робеспьер, какая честь! – вскричал ресторатор, тут же отправив официанта снова зажигать свечи. – Я уже велел закрыть кухню, но ради вас, само собой...

– Вот и прекрасно, – кивнул Робеспьер. – Устрой нам уютное местечко.

– О, разумеется, разумеется, – засуетился Вержу, – как всегда, лучший столик. Или кабинет?

– Столик подойдет, у нас мало времени, – нетерпеливо бросил Сен-Жюст из-за плеча Робеспьера. – Не стоит ради нас открывать кухню. Неси холодное мясо, сыр и вино.

– Как прикажешь, гражданин Сен-Жюст, – закивал Вержу, – как прикажешь, – и исчез на кухню.

– Так ты торопишься? – удивился Робеспьер.

– Ни к чему эти церемонии, – отмахнулся Сен-Жюст, усаживаясь за стол в дальнем углу второго зала. – Наш разговор не будет долгим. О чем нам говорить, в самом деле? Ты хотел, чтобы я остался. Я считаю нужным уехать. Большинство оказалось на моей стороне. Тебе придется подчиниться, Максимилиан. Давно забытое ощущение, не так ли? – усмехнулся он.

– Ты ошибаешься насчет намерений Барера, – покачал головой Робеспьер, снимая очки и потирая покрасневшие от усталости глаза. – Он желает удалить тебя из Парижа.

– Зачем ему это? – пожал плечами Сен-Жюст.

– Чтобы полностью доминировать в Комитете.

– У него ничего не выйдет, пока ты в строю. Или я ошибаюсь? – вызывающе улыбнулся Сен-Жюст.

– Пока я в строю, – повторил Робеспьер меланхолично.

– Говоря откровенно, я давно собирался нанести визит Северной армии. Предложение Барера пришлось весьма кстати.

– Ты собирался отправиться в армию? – переспросил Робеспьер. – Всего через несколько дней после учреждения Бюро полиции?!

– Бюро функционирует. В моем присутствии больше нет необходимости. Ты ведь не откажешься контролировать его деятельность? – вопрос прозвучал так, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Кутон поможет, – добавил он, увидев, что предложение не встретило энтузиазма Робеспьера.

– Вообще-то, у меня другие заботы, Антуан, – начал Робеспьер и тут же замолчал, заметив приближение официанта с подносом, на котором разместились две тарелки с тонко нарезанными и аккуратно выложенными ломтиками ветчины, гусиной печенкой, поджаренным хлебом и бутылкой красного вина. В другой руке официант держал блюдо с сырами.

Когда стол был сервирован, а вино разлито по бокалам, официант удалился, и Робеспьер продолжил:

– Я работаю над речью, очень важной для меня речью.

Сен-Жюст замер, даже жевать перестал и, не поднимая глаз от тарелки, ждал, что за этими словами последует рассказ о празднике, том самом празднике, о котором так неосторожно Давид проболтался сперва Бареру, а затем Элеоноре Плесси. Но Робеспьер замолчал, отправив в рот кусок печенки.

– Что за речь? – спросил Сен-Жюст после долгой паузы, пытаясь придать голосу небрежность.

– Останешься в Париже – узнаешь, – сухо ответил Робеспьер.

– Я не останусь в Париже, Максимилиан, – в тон ему ответил Сен-Жюст. – В том числе и потому, что знаю, какую речь ты готовишь и какой фарс собираешься устроить.

– Фарс? – увидился Неподкупный. – О чем ты?

– Давид направо и налево трепется о религиозном шествии, которое ты готовишь к... Кстати, когда запланирован спектакль?

Хмурый Робеспьер машинально ковырял вилкой ветчину.

– Я надеялся найти у тебя поддержку, – тихо проговорил он. – Если ты не поддержишь меня, на кого я тогда могу рассчитывать?

– Ты всерьез полагал, что твои религиозные идеи могут прийтись мне по душе? Разве тебе не известны мои взгляды на религию?

– Не в религии дело, – возразил Робеспьер и отправил, наконец, многострадальный ломтик ветчины в рот. – Мы готовим не религиозное шествие, как ты его назвал, а грандиозный гражданский праздник в честь Верховного существа, творца всего живого. Мы раздавили оппозицию, Антуан. Пришел черед воспользоваться плодами нашей победы. Французский народ давно ждет дня, когда ему вернут утраченную веру в Бога и в бессмертие души. Приправленная гражданскими добродетелями, эта вера станет надежной опорой республики.

Сен-Жюст скептически покачал головой.

– Вместо желанного покоя и гармонии ты лишь вновь разожжешь страсти, которые поутихли, когда мы уничтожили дехристианизаторов. Истинные католики будут недовольны неполноценностью новой религии, они захотят большего, того, чего ты не сможешь и не захочешь им дать. Атеисты же, которых революционные годы наплодили в избытке, увидят в культе Верховного существа возвращение к христианству. Ты не угодишь никому. Откажись от этой идеи, пока не поздно.

Робеспьер отрицательно покачал головой.

– Этот праздник будет главным делом моей жизни, Антуан, венцом моих усилий, моим завещанием. Он успокоит европейские монархии и принесет Франции мир и внутреннюю гармонию, – медленно, отделяя друг от друга каждое слово, проговорил он. – И я бы хотел, чтобы все мои друзья и единомышленники были там, рядом со мной, и ты прежде всего.

– Я не твой единомышленник, – Сен-Жюст в упор взглянул на собеседника. – Я перестал им быть, когда узнал об этом чертовом празднике. И если я не могу помешать ему, то свободен не присутствовать на устроенном тобой маскараде.

– Там будут все члены Комитетов, все депутаты Конвента, – напомнил Робеспьер.

– Кроме тех, кто отсутствует, не так ли? Когда ты собираешься позабавить толпу? Можешь не сомневаться, важные дела удержат меня на фронте.

– Глупое, упрямое ребячество! – Робеспьер хлопнул ладонью по столу. Официант, крутившийся неподалеку, оглянулся. Робеспьер взмахнул рукой: мол, все в порядке.

– Называй это, как тебе угодно, – проговорил Сен-Жюст. – Но меня среди участников праздника ты не увидишь.

– Сбегаешь в армию от проблем? – язвительно заметил Робеспьер. – Не знал за тобой такой трусости. Впрочем... – он помедлил и со злостью швырнул в лицо молодому человеку: – Ты уже проявил себя подобным образом, когда надо было поставить подпись под приказом об

аресте Люсиль Демулен. Ты не сможешь вечно сбегать, Антуан. В какой-то момент придется взять на себя ответственность за свои поступки.

– За *мои* поступки я несу полную ответственность, – резко проговорил Сен-Жюст. – Но я не собираюсь участвовать в том, чего не одобряю. И ни ты, ни кто-либо другой не сможет принудить меня. Я уезжаю в армию, Максимилиан, и надеюсь послужить там республике лучше, чем в Париже. Здесь больше нечего делать. Оппозиция уничтожена. Политическая полиция в наших руках. Поставки продовольствия налажены. Единственная проблема, с которой осталось справиться, – это военные поражения. Южные границы в полном порядке, ты сам регулярно получаешь оттуда отчеты своего брата. Эльзас, который так беспокоит Карно, не подвергается большой опасности. С ним мы справимся без труда, достаточно лишь отправить туда толкового генерала. А вот Север... Нам нужна Бельгия. Как только мы укрепимся на ее территории, войне конец. А вместе с ней – конец революционному правительству и Конвенту. Мы придем к конституционному правлению. И слава тем, кто принесет победу!

– Высоко метишь, Антуан, – задумчиво проговорил Робеспьер. – Так высоко, что рискуешь, подобно Икару, подпалить крылья. До конституции нам так же далеко, как до солнца.

– Победа, Максимилиан, – Сен-Жюст перегнулся через стол и приблизил лицо к лицу собеседника так близко, что тот отпрянул. – Большая победа в Бельгии, величайшая из всех побед Французской республики – и Париж наш, а с ним – и вся страна. Я добуду победу, чего бы мне это ни стоило, или погибну на поле боя.

– Разумеется, тогда Пантеон тебе обеспечен, – пробормотал Робеспьер.

Сен-Жюст предпочел не расслышать его слов.

– Судьба республики отныне решается не в Париже, а на северных границах, – заключил он.

– Ты ошибаешься, ты жестоко ошибаешься, – Робеспьер сжал в кулаке вилку и стукнул ею по столу. – Нам предстоит еще столько изменений, прежде чем общество очистится от скверны, прежде чем враги республики исчезнут с лица земли. И эта битва разыгрывается в столице.

– Оппозиция умолкла, – возразил Сен-Жюст.

– Она лишь затаилась на время, – перебил его Неподкупный, – и ждет момента для нового нападения. Мы должны атаковать первыми, Антуан.

– Победа – вот главный аргумент против любой оппозиции.

– Тюрьмы переполнены, а еще столько врагов разгуливает на свободе.

– Мощь французского оружия заставит врагов склониться перед республикой.

– Революционный трибунал слишком медлителен, он требует серьезного реформирования.

– Кончится война – отпадет необходимость в Трибунале.

– Надо уничтожить пустые формальности, которые тормозят работу революционного правосудия. Вот, над чем я сейчас работаю.

– Надо напомнить республиканской армии, что она несет свободу народам Европы, и Европа падет к нашим ногам. Этим-то я и собираюсь заняться.

Они говорили на разных языках, не слушая друг друга, потеряв всякую надежду убедить собеседника, сыпали словами, постепенно повышая тон, пока Робеспьер не швырнул на стол вилку и не положил конец дискуссии:

– Довольно, Антуан! Этак мы никогда не закончим. Поступай, как знаешь. Поезжай в армию, подставляй грудь под пули! Скройся от реальности под походной палаткой! Наслаждайся сиюминутной славой! Один-два месяца, говоришь? Черта-с два! Барер и Карно только и ждут, чтобы ты уехал, тогда они полностью завладеют Комитетом. Колло и Бийо танцуют под дудку Вадье. Вот уж кто обрадуется твоему отъезду! Лучшего подарка Вадье ты и преподнести не мог! Думаешь, Лежен сможет противостоять Комитету общей безопасности в борьбе за полицию?

– Лежен – честный человек и прекрасный патриот. Я не знаю другого, подобного ему. Что до Вадье, то его влияние ничтожно по сравнению с твоим, Максимилиан. Возьми Бюро полиции под свое шефство в мое отсутствие. Я предупрежу Лежена, что временно он переходит под твоё начальство. Он сделает все дело, тебе надо будет лишь ставить свои резолюции на его докладах. Полчаса в день, не больше, уверяю тебя. Если хочешь, он будет заходить к тебе домой, благо Тюильри в двух шагах. Я могу рассчитывать на тебя?

И тут Робеспьер понял, зачем Сен-Жюст позвал его ужинать: ему было нужно согласие коллеги присмотреть за Бюро, чтобы оно не попало под влияние других членов Комитета.

– Ты бросаешь едва начатое дело, Антуан, – осуждающе заметил Неподкупный.

– Не бросаю, а лишь временно оставляю в надежных руках. Через месяц я вернусь с победой, и тогда...

– Северная армия безнадежна. Понадобится не меньше полугода, чтобы сделать из нее победоносное войско. Ты не сотворишь чуда, Антуан.

– Увидим, – улыбнулся Сен-Жюст.

– Полагаю, ты и Леба с собой заберешь?

– Непременно.

– У него жена должна родить через месяц-полтора, – напомнил Робеспьер. – Не уверен, что он захочет ехать.

– Еще как захочет! – бодро пообещал Сен-Жюст. – Мы управимся к появлению ребенка.

Не обращая внимания на скептическое покачивание головой собеседника, он поднялся, жестом подозвал официанта, расплатился и попрощался.

Вернувшись в особняк Обер, Сен-Жюст переоделся в домашний халат и настежь распахнул окно в гостиную, впуская ночную прохладу. Он дернул за шнурок, проведенный в комнаты прислуги, чтобы попросить Жана наполнить ванну, и через пару минут тот, действительно, появился на пороге его квартиры. Но не один. Рядом с ним стоял Бертран Барер.

– Рад, что застал тебя, – с нервической веселостью проговорил депутат, шагнув в прихожую.

– Что случилось? – настороженно спросил Сен-Жюст и жестом отпустил Жана.

– Ничего не случилось, – успокоительно проговорил Барер. – Я собирался поговорить с тобой о том, что... о решении, которое Комитет принял... о твоей миссии...

Сен-Жюст никогда раньше не видел Барера таким. Его всегда уверенный тон, твердый голос человека, знающего, что и кому следует говорить, не совершающего промахов и гарантированного от ошибок, уступил место нерешительности.

– Да у тебя настоящие хоромы! – Барер оглядывался по сторонам в гостиной, освещенной двумя канделябрами с четырьмя свечами, стоявшими у каминного зеркала, отчего восемь свечей превратились в шестнадцать.

– Квартира хорошая, – согласился Сен-Жюст. – Но у меня совершенно не было времени тут устроиться.

– Боюсь, армейская миссия тебе в этом не поможет, – улыбнулся Барер.

Сен-Жюст неопределенно кивнул. Неловкость, которую испытывал собеседник, передавалась ему. Он вышел в кабинет, где оставил початую бутылку бургундского, довольно посредственного, и вернулся с двумя пустыми бокалами, которые и наполнил, надеясь, что вино развяжет им языки. Барер принял бокал, сделал несколько мелких глотков и ослабил галстук.

– Так о чем ты хотел поговорить, Бертран? – спросил Сен-Жюст, усаживаясь в кресло и жестом приглашая гостя последовать его примеру.

– Очень хорошо, что ты едешь на Север, – начал Барер, не спуская глаз с бокала, который механически крутил в руке. – Уверен, тебе удастся поправить наши дела на этом участке фронта.

– Польщен доверием, – откликнулся Сен-Жюст, и Бареру показалось, что он услышал иронию в его голосе.

– Я пришел сказать, что готов поддержать любую твою инициативу по мобилизации армии в случае, если Карно воспротивится твоим предложениям. Ты же знаешь Карно с его самоуверенностью, – зачем-то напомнил он.

Сен-Жюст, впрочем, в этом напоминании не нуждался. Он коротко кивнул, но от благодарности воздержался. Его настороженность все усиливалась. Зачем Барер явился к нему? Такой человек, как бессменный член Комитета общественного спасения, единственный, кто остался там с самого первого дня его основания, когда в Комитете еще заправлял Дантон, не пришел бы к коллеге посреди ночи лишь затем, чтобы пообещать ему свою поддержку. Бареру явно что-то нужно, что-то, в чем он не желает признаваться открыто.

– Думаю, наши интересы совпадают, – продолжал Барер, выдержав паузу. – Скорая победа, окончание войны и возвращение к нормальной форме управления, не так ли?

Сен-Жюст осторожно кивнул. К чему он клонит?

– Ты думал над тем, что последует за этим, Антуан?

– За чем – за *этим*? – Сен-Жюст сделал вид, что не понимает, о чем говорит Барер. Нечего юлить, пусть выкладывает все начистоту!

Барер пристально посмотрел на сидящего напротив коллегу. Играть с ним вздумал? Ну что ж, поиграем, решил он.

– За отказом от чрезвычайного правления.

Сен-Жюст небрежно передернул плечами.

– Признаться, у меня не было времени думать об этом, – проговорил он.

– Да, разумеется, – Барер изобразил понимание. – Ты был занят Бюро полиции. Жаль, что тебе придется временно оставить работу в Бюро. Но армия нуждается в...

– Знаю-знаю, – поспешно перебил его Сен-Жюст, не желая в очередной раз выслушивать идеологические сентенции Барера. – Бюро будет передано в надежные руки. Об этом можешь не беспокоиться.

Барер помедлил и, осушив бокал, заметил как бы между прочим:

– Я готов подменить тебя в Бюро, Антуан.

Так вот зачем он пришел, догадался Сен-Жюст: за полицейским Бюро! Теперь, когда намерения собеседника стали ему ясны, он почувствовал себя хозяином положения.

– Не хочу обременять тебя дополнительными обязанностями, Бертран, – он принял дружелюбно-заботливый тон. – Ты и без того сутками работаешь в Комитете, не говоря уже о твоей конвентской активности: редкое заседание обходится без твоего выступления!

– Ерунда, – отмахнулся Барер. – Уверен, ты прекрасно подобрал персонал. Достаточно будет лишь ревизировать их отчеты. Это не займет много времени.

– Именно это я и говорил Робеспьеру менее часа назад, когда просил его курировать Бюро в мое отсутствие, – произнес Сен-Жюст с небрежным простодушием, даже как бы извиняясь за то, что не подумал о Барере в качестве временного начальника Бюро.

Пальцы Барера, нервно постукивавшие по ручке кресла, замерли.

– Ты попросил Робеспьера заняться Бюро? – медленно переспросил он. – Он же практически не появляется в Комитете в последнее время!

– Теперь будет появляться. Работа в Бюро требует личного присутствия.

– Ты не опасешься, что его проблемы со здоровьем...

– Да нет у него никаких проблем со здоровьем! – вспыхнул Сен-Жюст. – У него достаточно сил и энергии, чтобы принимать решения по сотне дел ежедневно. В Бюро тридцать человек персонала, Лежен прекрасно справляется со своими обязанностями. Максимилиану останется лишь выносить резолюции. Невелико усилие. У тебя же и без того дел невпроворот. К тому

же... – он замялся, но лишь на мгновение. – Я хотел попросить тебя об услуге, Бертран, вернее, предостеречь от опасности, которой может подвергнуться Комитет в мое отсутствие.

Барер, напряженный, как струна, подался вперед, словно желая защитить себя от должествующего последовать удара.

– Ты предлагал мне помощь против Карно, – продолжал Сен-Жюст, от которого не ускользнула тревога собеседника, – но помощь необходима не мне, а республике, которая нуждается в защите от Колло и Бийо, которые не преминут захватить влияние в Комитете. Ты единственный обладаешь энергией и авторитетом, способными противостоять им.

Барер облегченно выдохнул и откинулся на спинку кресла.

– Можешь не беспокоиться, я буду бдителен, – сказал он. – Правда, не стану скрывать, что Бюро полиции, находишь оно в моем ведении, облегчило бы мне задачу.

– Думаю, не имеет большого значения, будет ли Бюро под твоим началом или под началом Робеспьера. Главное, чтобы оно не оказалось в руках тех, кто пожелает извлечь из него личную выгоду.

От цепкого взгляда Сен-Жюста не ускользнуло пробежавшее по лицу коллеги беспокойство. Прекрасно, похвалил себя молодой человек, удар достиг цели: Барер получил послание.

«Сукин сын, – подумал Барер, – просишь меня помешать усилению Бийо и Колло и отнимаешь оружие, которое может помочь усилиться мне. Надеешься, что я поднесу тебе Комитет в качестве приза за вторжение в Бельгию?»

– В конце концов, – продолжил Сен-Жюст, – Бюро общей полиции является частью Комитета общественного спасения. Постановления, исходящие оттуда, должны пройти через Комитет и заручиться подписями его членов. Так что твое слово будет иметь не меньшее значение, чем слово Робеспьера.

Барер усмехнулся: как будто Сен-Жюсту неизвестно, что необходимость иметь на постановлениях подписи нескольких членов Комитетов – простая формальность, и, ставя свои автографы, они никогда не читают постановлений!

– Я рад, что мы снова поняли друг друга, Бертран, – с наигранной бодростью проговорил Сен-Жюст. – Если вы с Робеспьером разделите влияние в Комитете, лучшего и желать нельзя! Я же постараюсь как можно скорее принести победу. Не пройдет и месяца, как Бельгия будет нашей.

– Хотел бы я обладать твоим оптимизмом, – проговорил Барер.

– От этой победы зависит судьба республики. Как только мы отбросим врага за бельгийскую границу, войне конец. Во всяком случае, австрийцы запросят мира, и только от нас будет зависеть, удовлетворить их просьбу и покончить с войной, или продолжать завоевания. И вот тут, Бертран, в этот самый момент, твоя поддержка будет для меня бесценна. Карно захочет идти дальше, ведь для него окончание войны означает потерю власти. Колло и Бийо поддержат его, ибо их положение также целиком зависит от сохранения революционного правительства, а окончание войны положит этому правительству конец. Я же дожидаться не могу, когда мы, наконец, вернем Францию к миру и конституции. Я жажду мира, Бертран, мира и покоя в стране.

– Выходит, ты все-таки находишь время подумать о будущем, – тонко улыбнулся Барер.

– Я нахожу время размышлять о том, как покончить с чрезвычайным положением, не уничтожив революционных завоеваний.

Барер понимающе кивнул. «И сохранить свою власть», – мысленно добавил он.

– Наш с тобой союз взаимовыгоден и полезен республике, – заключил Сен-Жюст.

Вот он и дал Бареру ответ на вопрос, заданный на лестнице Тюильри полторы декады назад, сразу после казни Дантона.

Они расстались довольные друг другом, хотя каждый спрашивал себя, насколько честен был с ним тот, кто обещал ему союз и поддержку. «С кем еще заключил Барер подобный

союз?» – размышлял Сен-Жюст. «Если я его единственный союзник, почему тогда Бюро полиции перешло к Робеспьеру?» – вопрошал Барер. Но сознание того, что каждый из них переиграл союзника, нейтрализовывало сомнения. «Вадье и Сен-Жюст уверены, что я играю на их стороне. Таким образом, кто бы ни победил, я буду в верном лагере», – усмехался про себя Барер. «Он пришел за Бюро, а удовольствовался словесным обещанием не остаться в стороне при разделе пирога», – поздравил себя Сен-Жюст.

1 флореаля II года республики (20 апреля 1794 г.)

Дождь шел, не переставая, с раннего утра. Серое небо, затянутое сливающимися с ним облаками, из которых на землю выплескивались холодные струи воды, вызывало зевоту. Облегчение, принесенное прохладой после мучительно-жарких дней, сменилось тоской. Уже на полпути к Тюильри Сен-Жюст пожалел, что не взял экипаж. В Зеленую комнату он явился, промокший до нитки. С плаща тонкой струйкой стекала вода, намокшая шляпа представляла жалкое зрелище, светло-коричневые сапоги почернели от пропитавшей их воды, которая – поморщившись, отметил Сен-Жюст – уже начала проникать сквозь тонкую кожу. Его встретил удивленно-насмешливый взгляд одетого с иголки Барера, сухого и холеного, явившегося в Тюильри, разумеется, в собственном экипаже. Сен-Жюст сдержанно поздоровался и, бросив шляпу и плащ на стул у горящего камина, поинтересовался, что нового.

– Ленде в Продовольственной комиссии. Просил тебя найти время помочь ему разобраться с поставками, – сказал Бийо-Варенн, который устроился у окна, ловя проникавший сквозь него тусклый свет дождливого дня. – Он уже записал тебя в дезертиры из-за отъезда в армию.

– Карно и Приер в Военном бюро, и твое присутствие там нежелательно, – язвительно заметил Робеспьер. – Ваши вечные склоки пользы делу не принесут. Признаться, у меня серьезные опасения по поводу эффективности твоей предстоящей миссии. Если Карно не станет поддерживать твои предложения, а ты будешь игнорировать его директивы...

– Увидим, – резко оборвал его Сен-Жюст и обернулся к Бареру: – Лежен не спрашивал меня?

– Нет, – ответил за коллегу Колло. – Твой оруженосец, судя по всему, неплохо справляется. Так что ты вполне можешь посвятить несколько часов корреспонденции, прежде чем исчезнуть в Продовольственной комиссии.

Колло кивнул в сторону трех стопок нераспечатанных писем, лежавших на столе. Сен-Жюст молча устроился рядом с ним и приступил к разбору петиций, доносов, жалоб, просьб, требований, рапортов.

На три четверти часа в Зеленой комнате установилась громкая тишина, создаваемая шуршанием бумаг, скрежетом перьев, треском поленьев в камине, стуком дождя по стеклу, шумом неторопливых шагов пяти членов правительства.

– Это для тебя, – тихо сказал Колло д'Эрбуа, подталкивая к Сен-Жюсту небольшой конверт с выведенным на нем адресом Комитета общественного спасения и припиской: «Гражданину Сен-Жюсту».

Сен-Жюст, занятый чтением, бегло взглянул на конверт и собрался вернуться к прерванному занятию, как что-то заставило его пристальнее приглядеться к письму. Почерк! Ему знаком этот почерк! Как он сказал своему агенту, *такой* почерк ни с чем не спутаешь. Она писала ему?! Сен-Жюст с трудом верил своим глазам. Наверное, ему показалось. Мало ли похожих почерков! Разве можно судить лишь по нескольким строчкам на конверте? Но письмо все же вскрыл и даже отошел к дальнему окну, то ли чтобы лучше рассмотреть послание при дневном свете, то ли чтобы скрыть от коллег овладевшее им волнение.

Письмо не имело подписи, но оно было написано Софи Демайи, в этом он больше не сомневался: те же ровные, красивые, без малейшего наклона округлые буквы, какие могут быть выведены только... Да она левша, осенило его. Вот откуда этот необычный почерк. Сен-Жюст зачем-то бросил настороженный взгляд в сторону Барера, но тот был погружен в чтение английских брошюр, из которых время от времени делал выписки. Тогда он обратился к содержанию письма:

«Гражданин,

Если в республике и существует человек, чьи помыслы чисты и намерения благородны, чьи заботы устремлены на спасение отечества и лишены корысти и выгоды, то это ты. Именно поэтому я обращаюсь к тебе в надежде, что важнейшая информация, сообщенная в этом письме, встретит достойное ее внимание и внесет свою лепту в дело спасения свободы.

1 флореаля ровно в шесть часов вечера агент, отправленный в Париж министром иностранных дел Британского королевства, лорд Вентворт, граф Стаффорд, будет находиться по адресу: улица Фур, 12, второй этаж, правая дверь. Достаточно постучать один раз, а потом еще два, чтобы он открыл дверь агентам Комитета общественного спасения, ни о чем не подозревая».

Сен-Жюст перечитал письмо несколько раз, спрашивая себя снова и снова, что толкнуло ту, кого он считал агентом роялистов, открыть ему – *ему*, кого она несколько месяцев назад готова была оклеветать перед его же коллегами! – местонахождение английского шпиона. Уж не провокация ли это? Не желает ли она выставить его на посмешище после того, как не смогла представить подкупленным роялистами агентом? Откуда у нее такая точная информация не только об имени и адресе шпиона, но и о времени, а главное, об условном сигнале, который должен был открыть двери его квартиры перед комитетской полицией?

Сен-Жюст задумчиво расхаживал по залу, скрестив руки на груди. Письмо Софи покоилось в его кармане, а мысли крутились вокруг одного вопроса: стоит ли доверять ее письму и предпринимать шаги для ареста того, кого она представила агентом Гренвила? Впрочем, выбора у него не было: проигнорировать подобный донос мог только предатель. Он должен проверить информацию, и проверить ее можно лишь одним способом.

Приняв решение, он покинул Зеленую комнату, пересек оживленную приемную и вошел в секретарскую комнату.

– Разыщите мне Потье, Шерона и Бенара, – приказал он. – Как можно скорее.

– Бенар ведет допрос в тюрьме Бисетр, гражданин, – отозвался один из секретарей. – Он будет не раньше, чем через три часа.

– Пошлите за ним немедленно, – велел Сен-Жюст. – Мне нужны лучшие.

Когда Сен-Жюст вернулся в Зеленую комнату, он встретился с напряженно-вопросительным взглядом четырех пар глаз.

– В чем дело? – спросил Робеспьер.

– Надо кое-что проверить, – уклончиво ответил Сен-Жюст.

– Кое-что? – переспросил Неподкупный. – Ты не мог бы выразиться яснее?

– Более конкретной информацией я буду обладать к половине седьмого вечера.

– Письмо? – поинтересовался Колло.

Сен-Жюст коротко кивнул.

– И что было в том письме? – живо спросила Софи, подавшись вперед всем телом.

Барер только что закончил рассказ о главной новости дня, пока еще не вышедшей за пределы правительственных Комитетов. Он в деталях поведал обо всем, чему стал свидетелем не далее как несколько часов назад: о том, как по приказу Сен-Жюста в Зеленую комнату явились три лучших агента Комитета общественного спасения, как они получили от него четкие, подробные распоряжения относительно имени английского шпиона, его местонахождения, а также о времени его поимки и об условном сигнале, который должен был облегчить их работу. Барер признал, что Сен-Жюст был на высоте: он все предусмотрел, включая карету с закрытыми ставнями для перевозки шпиона в Консьержери, в одиночную камеру, разумеется. Он дал агентам столько людей, сколько они пожелали, запретил вступать с англичанином в какие-либо разговоры, предостерег производить опечатывание бумаг (если таковые обнаружатся) в его присутствии во избежание побега (мол, бумагами займемся потом, сперва – человек).

– Я не видел письма, – заключил Барер. – Никто из нас его не видел. Мы поверили Сен-Жюсту на слово, хотя, признаться, не обошлось без скепсиса. Комитеты ежедневно засыпаются

анонимками, и если бы мы придавали значение каждой из них... – он сделал пренебрежительный жест рукой. – Видно, в *этой* было что-то особенное, если Сен-Жюст развел такую деятельность. Он полностью завладел ситуацией и, надо отдать ему должное, справился блестяще.

– Так вы арестовали агента? – спросила Софи, перебираясь на диван, поближе к любовнику, и обменялась быстрым взглядом с сидящим у камина мужем.

– Да, – хмуро отозвался член Комитета спасения. – К сожалению.

– К сожалению?! – Софи отпрянула в удивлении.

– У него нашли копии секретных документов, которые он, по всей видимости, собирался переправить в Лондон, – ответил Барер. – Оригиналы находились в моем ведении, – добавил он, помолчав.

Повисла пауза. Если бы Барер взглянул в этот миг на возлюбленную, он увидел бы, как она побледнела. Капелька крови проступила на ее нижней губе, с такой силой она впиалась в нее зубами. Но он не смотрел на Софи. Его взгляд был устремлен прямо перед собой, в пустоту. Софи боялась поднять на него глаза. Вместо этого она посмотрела на Верлена, который был целиком поглощен разглядыванием своих гладко отполированных ногтей.

– Каким образом эти документы оказались у английского шпиона? – тихо спросила Софи, решившись, наконец, нарушить ставшее невыносимым молчание.

– Вот и я хотел бы это знать, – Барер тоже посмотрел на увлеченного ногтями Верлена.

– Мало ли через кого они попали к агенту, – бросил тот, почувствовав на себе взгляд друга. – Любой секретарь имел к ним доступ.

– Не ко всем, – поправил Барер.

– Другой член Комитета? – подсказала Софи.

Барер отрицательно покачал головой:

– Декрет об англичанах – мой проект, он еще не был вынесен на обсуждение Комитета. Оплата наших агентов за границей также находится исключительно в моем ведении. Такого рода документы не покидают моего портфеля.

– Ты мог где-нибудь оставить портфель, – не унималась Софи. – Не так ли, Эжен? – призвала она мужа в помощники.

Верлен, наконец, оторвался от увлекшего его занятия, взглянул, чуть нахмурившись, на жену и едва заметно покачал головой, приказывая ей молчать.

– Мне не хочется думать, что вся эта история – изобретение Сен-Жюста, чтобы скомпрометировать меня, – заговорил Барер, обращаясь исключительно к Верлену. – Письмо видел только он. Почему он не показал нам бумагу, доставившую столь ценные сведения, если не потому, что это простая фикция?

– Ну и ну! – восхищенно присвистнул Верлен. – Признаться, даже я не додумался бы до такой тонкой провокации! Не слишком ли ты высокого мнения о его интеллектуальных способностях?

– Как бы там ни было, дело может кончиться для меня весьма скверно.

– Неужели кто-то посмеет обвинить тебя в предательстве? – возмущенно вскричала Софи. – Тебя?!

– Достаточно лишь проверить, кто из членов правительства работал с этими документами, чтобы... – начал Барер, но Верлен не дал ему закончить.

– Никому и в голову не придет копать настолько глубоко, – проговорил он. – Тем более, если дело будет передано в Комитет безопасности...

– Оно уже передано в Комитет безопасности, – нетерпеливо сказал Барер. – Сен-Жюст получил свои лавры, агент его больше не интересует, так что Вадье немедленно перехватил инициативу.

– Даже если Вадье узнает, что бумаги принадлежали тебе... – начал Верлен и тут же перебил сам себя: – Впрочем, не вижу, каким образом он может это узнать. Так вот, даже если Вадье докопается до истины, он не выдаст тебя.

– И получит дополнительное оружие шантажа! – раздраженно вскричал Барер. – Мне вполне хватает его угроз в адрес Софи. Я должен выяснить, каким образом произошла утечка, Эжен, – продолжал Барер. – Мне нужна твоя помощь.

– Чем же он может помочь? – вмешалась Софи.

– Помолчи, будь добра, – грубо приказал Барер, даже не обернувшись к ней. – Так что? – спросил он Верлена.

Тот молча вышагивал по гостиной. Софи не спускала с мужа напряженного взгляда.

– Софи права, – наконец, проговорил Верлен. – Я не вижу способа узнать, через кого ваш англичанин получил копии твоих бумаг, разве что...

– Да? – с нетерпеливой надеждой спросил Барер.

– ... это может быть твой секретарь, – заключил Верлен.

– Исключено, – отрезал Барер.

– Вадье обязательно допросит агента, если уже не сделал этого. Тот расскажет, откуда у него бумаги.

– С какой стати ему что-либо рассказывать? – пожал плечами Барер. – Не забывай, что Французская республика уничтожила допрос с пристрастием. Сам по себе агент не представляет большого интереса. Главная цель Комитета безопасности – выйти на организацию, к которой он принадлежит. В этом могут помочь найденные у него бумаги, а также его связи. Правда, задача представляется практически невыполнимой, ведь схватили его в квартире, снятой исключительно для встреч с информаторами. Она пуста. Анонимное письмо, полученное Сен-Жюстом, могло бы пролить свет на это дело, но он, скорее всего, уничтожил его.

– Кстати, как зовут пойманного шпиона? – Верлен сам удивился, почему столь очевидный вопрос только сейчас пришел ему в голову.

– Стаффорд.

– Дьявол!

Верлен остановился посреди гостиной, ошарашенный новостью, не смея взглянуть на жену, но ощущая на себе ее напряженно-молящий взгляд.

– Тебе что-нибудь говорит это имя? – насторожился Барер.

– Да-да, конечно, лорд Вентворт, граф Стаффорд, – пробормотал Верлен. – Я слышал о нем в Лондоне. Не имел чести знать лично. Важная птица. Никогда бы не подумал, что лорд Вентворт занимается шпионажем!

– Он, наверняка, оброс в Париже связями. Ты мог бы разузнать, с кем он встречался, – предположил Барер. – Как только мне станет известен круг его общения, я без труда вычислю информатора. Мне необходимо первым получить информацию, Эжен, до того, как ею завладеет Вадье.

– Я постараюсь, но успеха не гарантирую, – нехотя согласился Верлен.

Софи буравила его немигающим взглядом.

– Добро, – повеселел Барер и, взглянув на каминные часы, поднялся.

– Ты не останешься? – умоляюще протянула Софи.

– Мне надо выспаться, – холодно проговорил он. – Я очень рассчитываю на тебя, Эжен, – сказал он на прощание и бросил, обернувшись к Софи, когда она поднялась проводить его: – Не утруждай себя.

Оставшись наедине с мужем, Софи без сил упала на диван и закрыла лицо руками. Верлен устроился напротив и выжидательно смотрел на нее.

– Почему он так груб со мной? – спросила она, наконец. – Разве он может знать?..

– Думаю, Бареру сейчас просто не до нежностей, дорогая, – отозвался Верлен. – Ты хотя бы представляешь, в какое положение поставила его? Да и меня тоже. Что я должен сообщить Бареру? Что это ты скопировала его бумаги и продала Стаффорду, которого сдала через пару дней Сен-Жюсту, рассчитывая таким образом доказать последнему свою лояльность?

– Боже... – прошептала она, приложив ладонь ко рту.

– Да, Софи, ты переиграла саму себя. Не тебя ли ждал Стаффорд, когда к нему явился десяток жандармов с тремя агентами Комитета общественного спасения?

Она кивнула. Он рассмеялся нервным, театральным смехом.

– Многое бы дал, чтобы увидеть его лицо в тот момент, когда вместо моей прекрасной Софи в его квартиру ворвалась эта маленькая армия!

– Чему ты смеешься? – зло отозвалась она. – Я пропала.

– Ты пропала?! – вскричал Верлен, вскакивая с кресла. – Ты?! Да ты единственная, кто вышла сухой из воды! Барер просит меня раздобыть информацию, которая мне прекрасно известна и которая будет стоить тебе головы. И ты, змея, знаешь, что я не выдам тебя! Ты с самого начала знала это!

Он схватил Софи за плечи и встряхнул с такой силой, что она вскрикнула.

– Что же ты за дьявольское отродье! – орал Верлен, трясая ее, как тряпичную куклу. Его ногти впились в ее плечи, губы дрожали от гнева. – Ты поманила Стаффорда, он прилетел к тебе, как влюбленный дурак, а ты цинично продала его за сомнительную надежду выслужиться перед Сен-Жюстом! Да и чего ради? Если бы Сен-Жюсту понадобилась твоя голова, она уже давно валялась бы в общей яме, отделенная от тела! Ты предаешь всех, кто любит тебя, играешь людьми, словно марионетками, и думаешь, что достаточно тебе бровью повести, чтобы я сделал все, чего ты пожелаешь, а затем всадишь мне нож в спину, как всадила его в спины Стаффорда и Барера!

– Отпусти меня! – закричала она, забившись в его крепких руках, словно рыба на крючке. – Ты все неверно понял! Как ты смеешь обвинять меня в предательстве, когда я только что доказала свою преданность Франции, разоблачив английское логово в самом сердце республики?! Я не желала зла Бареру, Боже упаси! Откуда мне было знать, что этот негодяй Стаффорд притащит с собой бумаги?! Я не заманивала его в западню! Это он расставил мне капкан, в который сам же и угодил!

Верлен ослабил хватку, и Софи с кошачьей ловкостью выскользнула из его рук.

– Стаффорд, действительно, ждал меня, – объяснила она, хмуро поглядывая на мужа и демонстративно потирая плечи, прикрытые лишь тонким муслином платьем. – Но не я была нужна ему, а Барер. Они с Малсбюри загнали меня в угол. Мне оставалось либо плясать под их дудку, либо уничтожить их змеиное логово. И если я обратилась к Сен-Жюсту, то лишь потому, что знала, что он наверняка поверит моему письму, поскольку, благодаря твоим стараниям, подозревает меня в связях с англичанами, да и почерк мой ему знаком. Барер, кстати, подтвердил правильность моего расчета: не попади письмо к Сен-Жюсту, никто и внимания на него не обратил бы! Мой план был гениален. Если бы не найденные у Стаффорда бумаги!.. – она в отчаянии всплеснула руками. – Я не всажу нож тебе в спину, Эжен, – добавила Софи, помолчав. – Во всяком случае, до тех пор, пока ты не угрожаешь моей безопасности.

– Чего хотел Стаффорд? – смягчился Верлен.

– Завербовать Барера в число своих агентов.

– Ого! – присвистнул он. – Ни больше, ни меньше! И он решил действовать через тебя? Разумно. И почему же нынче член Комитета общественного спасения?

– Миллион ливров. Малсбюри готов был дойти до полутора.

– Черт побери, да они не скупятся! Подумать только, что за сохранение головы Людовика XVI Дантону отказались заплатить тот же самый миллион!

– Но у них ничего не вышло, – напомнила Софи. – Благодаря мне, – не без гордости добавила она. – Правда, теперь Сен-Жюст будет подозревать Барера в предательстве.

– Не будет. Барер же сказал, что дело передано в Комитет безопасности. Возможно, Сен-Жюст даже не знает о найденных у Стаффорда бумагах.

– Надеюсь, так оно и есть, – вздохнула Софи.

– Право догадаться, откуда произошла утечка, будет принадлежать Вадье, – нанес Верлен удар.

Софи вздрогнула.

– Думаешь, Вадье поймет, что это бумаги Барера?

– Если Барер не исключает эту возможность... – Верлен не стал завершать фразу, смысл которой и без того был ясен.

– Что же делать, Эжен? Если Барера сочтут английским агентом...

– Какая тебе разница, в конце концов? – небрежно проговорил он. – Главное, что им не сочтут тебя.

Софи ничего не сказала. Она полулежала на диване и задумчиво накручивала на палец локон светло-русых волос. Лежен воспользовался долгой паузой, чтобы снова устроиться в кресле напротив камина и наполнить бокал охлажденным белым луарским вином.

– На чьей стороне ты играешь, Эжен? – вдруг спросила Софи, продолжая смотреть в пустоту перед собой.

– Что, прости? – переспросил Верлен, застигнутый врасплох.

– Уж точно не на стороне Барера, – продолжала Софи, словно размышляя вслух.

– С какой стати мне играть на чьей-либо стороне?

– Верно, – усмехнулась она, – ты никогда не принадлежал к числу людей, способных рисковать жизнью ради других.

– Просто я никогда не встречал людей, стойких того, чтобы ради них рисковать жизнью. Я охотно сделал бы это для тебя, но полагаю, ты нуждаешься во мне живом и невредимом.

Софи презрительно фыркнула и, помолчав еще немного, заметила:

– А вот Барер рисковал жизнью ради меня.

– Тоже мне риск! Войти в опечатанную квартиру и уничтожить десяток писем для члена Комитета спасения не составляет труда.

Она вздохнула и ничего не ответила. Верлен не счел нужным продолжать разговор. Молчание продолжалось так долго, что он решил, что Софи задремала на диване, как вдруг она снова заговорила:

– Почему ты намеренно ссраиваешь Барера с Сен-Жюстом?

Он не сразу нашелся, что ответить.

– С чего ты взяла, что?.. – пробормотал он, но она не дала ему договорить.

– Ради всего святого, Эжен, прекрати ломать комедию! Я не слепая, и ума у меня достаточно, чтобы понять, что ты играешь в свою игру. Но вот в какую?

Верлен молчал. Софи подождала немного и, поняв, что ответа на свой вопрос не получит, поднялась с дивана и направилась в будуар.

– Не хочешь говорить мне правду? – протянула она. – Думаешь, я все разболтаю Бареру? Зря.

– Ты бы лучше подумала, как оправдаться, когда Барер поймет, что оригиналы злополучных документов были в его портфеле в тот самый вечер, когда он остался у тебя ночевать, – посоветовал Верлен.

– Вот ты и подумай, – крикнула Софи из будуара. – Это ведь тебя Барер попросил выяснить, откуда у Стаффорда бумаги. Если хочешь, можем подумать вместе. В спальне.

Верлен улыбнулся и поднялся с кресла.

– Только потуши свечи в гостиной, я отпустила прислугу, – голос Софи раздавался уже из спальни.

2 флореаля II года республики (21 апреля 1794 г.)

Дождь лил вторые сутки. Парижские мостовые блестели от стекавшей по булыжникам воды. Закутанные в плащи редкие прохожие провожали завистливыми взглядами проезжавшие мимо кареты, разбрызгивавшие колесами лужи и сопровождаемые недовольными выкриками облитых грязью. Один из коричневых экипажей, развозивших по столице состоятельных буржуа, остановился на улице Комартен у ворот с бронзовыми ручками в виде цветочных гирлянд. Из него легко выпрыгнул молодой человек приятной наружности, заставив проходившую мимо девушку кокетливо стрельнуть глазами из-под широкого капюшона. Кинув вознице пару монет, он открыл тяжелые ворота своим ключом и исчез за ними.

Через пару минут он уже потягивал терпкое бордо в голубой гостинной на третьем этаже особняка Обер и слушал расхаживавшего взад-вперед шефа.

– Она, разумеется, не подписала письмо, – говорил Сен-Жюст. – Но в этом не было необходимости: гражданке Демайи известно, что ее почерк мне знаком. Она сделала донос не для того, чтобы послужить республике. В противном случае, она адресовала бы его Комитету общественного спасения, а то и Комитету общей безопасности. Она писала лично мне, и этим письмом хотела доказать, что лояльна революционному правительству.

Гость молча пил вино, глядя перед собой невидящим взглядом.

– Она не представляет угрозы ни для меня, ни для республики, – заключил депутат, останавливаясь напротив шпиона. – Мне она больше не интересна.

– Понятно, – протянул агент, отставляя бокал в сторону. – И это все, что ты понял из ее послания? А не спрашивал ли ты себя, откуда ей известен адрес английского шпиона?

Сен-Жюст пожал плечами.

– Какое мне дело? Пусть этим занимается Комитет безопасности. Если Демайи и была причастна к английской разведке, с этим покончено: она сдала не только Стаффорда, но и все их шпионское гнездо, от которого, правда, не осталось и следа, когда наши агенты явились по указанному англичанином адресу. Да-да, – хмыкнул Сен-Жюст, – он сдал всех в первые же минуты допроса.

– Всех? – недоверчиво прищурился шпион. – Или только тех, кто уже успел скрыться?

Гримаса, исказившая красивое лицо Сен-Жюста, показала, что удар достиг цели.

– Не было ли это частью плана? – безжалостно продолжал гость. – Ценный агент, чтобы отвести от себя подозрения, сдает своего собрата, который, в свою очередь, выдает все – согласно его утверждению – имена и адреса. Правда, больше никого поймать не удастся. Что неудивительно, поскольку остальные агенты были предупреждены об операции, а то и сами ее организовали. Схваченный агент ничем не рискует: его миссия выполнена, а сам он в скором времени отправится на родину, обмененный на какого-нибудь нерадивого французского шпиона, пойманного в Лондоне. Комитеты думают, что английская шпионская сеть обезврежена, в то время как агент-доносчик, очищенный от подозрений, продолжает свою деятельность, как и его товарищи, которые, естественно, не были названы арестованным шпионом. Обычная комбинация! Французская разведка сама неоднократно пользовалась ею еще во времена Людовика XV, а то и раньше.

Сен-Жюст слушал, облокотясь о дверной косяк и нервно покусывая губы.

– Возможно, Барер догадался о твоих подозрениях на счет его красоти, – не унимался агент, – и решил сбить тебя со следа, который неизбежно привел бы к нему. Теперь она в безопасности, а он беспрепятственно может продолжать свои сношения с роялистскими или английскими – что зачастую одно и то же – шпионами. Барер подбросил тебе на растерзание мелкую сошку – и ты клюнул на приманку. Убежден, у схваченного шпиона даже не было обнаружено ничего, что доказывало бы его...

– Ошибаешься! – резко оборвал собеседника Сен-Жюст и не без удовольствия добавил: – У Стаффорда были найдены копии документов, предназначавшиеся для передачи английскому кабинету.

– Ах вот как! – присвистнул агент. – И что же это за документы, позволь спросить?

– Не имеет значения, – уклончиво ответил Сен-Жюст. – Главное, что они доказывают его намерение...

– Не-ет, гражданин, – снисходительно улыбнулся молодой человек, – куда важнее знать, кто снабдил англичанина информацией. В чем распоряжении находились оригиналы документов, и кто мог скопировать их, чтобы передать Англии?

Костяшки пальцев Сен-Жюста хрустнули, с такой силой он сжал кулак. Шпион терпеливо ждал, медленно раскачивая бокал в руке и не спуская глаз с темно-бордового напитка. На исходе второй минуты ожидания он поднял глаза на Сен-Жюста, все так же в задумчивости стоявшего в дверном проеме между гостиной и кабинетом, и поразился бледности, покрывшей, словно венецианская маска, его лицо.

– Среди бумаг Стаффорда были документы, которые проходили только через Комитет общественного спасения, – глухо проговорил Сен-Жюст. – И Вадье, несомненно, догадается об этом, если уже не догадался.

– Значит, утечка идет от одного из Одиннадцати, – безапелляционно заключил агент. – Вернее, из десяти, – поправился он, – ведь тебя мы, разумеется, в расчет не берем.

– Все не так просто. Документация проходит через руки десятков секретарей, редакторов, переписчиков, каждый из которых мог соблазниться английскими деньгами.

– *Вся ли* документация? – уточнил шпион.

– Бывают, конечно, исключения, – нехотя признал Сен-Жюст, – но они редки.

– И среди найденных у Стаффорда документов таких исключений не встретилося?

– К чему ты клонишь? – нахмурился Сен-Жюст.

Бесполезный вопрос, ответ на который он уже знал. Агент лишь передернул плечами: мол, к чему повторять очевидные вещи?

В гостиной вновь воцарилась долгая тишина, оттеняемая шумом ливня за окном. Сен-Жюст смотрел на стекавшие по стеклу струйки, пытаясь догадаться, где один быстрый ручеек сольется с другим и нагонит ли их третий, самый проворный или самый дерзкий.

– Я думал об этом, – заговорил он, обернувшись к гостю, все так же сидевшему в кресле, закинув ногу на ногу. Его бокал опустел. – Не исключено, что среди документов, найденных у Стаффорда, были те, что еще не попали на стол секретарей. Но гадать, кто из членов Комитета продал их Англии, – порочный путь, рискующий привести к расколу в правительстве.

– Зачем гадать? – улыбнулся агент. – Ответ лежит на поверхности. Не приходило ли тебе в голову, что Демайи случайно узнала о сделке своего любовника с англичанами и решила помешать предательству?

– В этом случае она написала бы Комитету. Не было никакой необходимости адресовать письмо лично мне.

– Всегда есть риск, что письмо попадет не в те руки. Ты сам был свидетелем подобной оплошности. А так, и волки сыты, и овцы целы.

– Зачем Демайи выдавать человека, от которого зависит ее благосостояние и безопасность? – с сомнением покачал головой Сен-Жюст.

– Возможно, она испугалась, что он впутает ее в свои опасные игры. Или дама ищет нового покровителя? – холодные голубые глаза внимательно взглянули на депутата. – Тебе стоит потолковать с ней, гражданин. Уверен, ей есть, что рассказать о делах своего любовника. И судя по этому письму, она готова раскрыть свои маленькие тайны.

– И то верно! – подхватил Сен-Жюст тоном человека, только что осененного спасительной догадкой. – Завтра же нанесу ей визит! Думаю, она будет счастлива снова встретиться со мной и непременно поделится своими секретами, да и Барер не станет возражать.

Злая ирония этих слов, однако, шпиона не обидела. Он лишь равнодушно пожал плечами и проговорил с небрежностью учителя, исправляющего ошибки ученика:

– Зачем наносить ей визит? Достаточно пригласить ее в Консьержери. От такого приглашения она не сможет отказаться. А Барер... С каких пор тебя волнует недовольство Барера?

– Я не желаю швыряться союзниками, во всяком случае, до того, как... – Сен-Жюст осекся, рассудив, что сказал достаточно, и продолжил с легким укором: – Не ты ли предостерегал меня месяц назад не трогать Демайи?

– Времена изменились, – сквозь зубы процедил агент, от которого не ускользнула оскорбительная осторожность шефа.

– Верно, – кивнул Сен-Жюст и опустил в кресло напротив собеседника. – Времена изменились, потому-то Барер и его женщины занимают меня сейчас куда меньше, чем Вадье. Ты был прав, говоря, что Демайи не стоит того, чтобы тратить на нее время. Я признаю свою ошибку и прошу тебя прекратить расследование. Если ты его еще не прекратил, – добавил он, усмехнувшись.

Молодой человек опустил голову, словно признавая справедливость предположения Сен-Жюста.

– Теперь о Вадье, – продолжал Сен-Жюст, подавшись вперед и понизив голос, будто боялся, что его подслушают. Собеседник машинально повторил его движение. – При беглом взгляде, он безупречен: ни одного компрометирующего факта в биографии, ни одного подозрительного знакомства, ни одного неосторожного слова – ничего, что могло бы сыграть против него. И тем не менее, неподкупным его не назовешь, просто он умеет замечать следы. Не назовешь его и чистым революционером, не того полета птица. Хитер – да, умен – несомненно, но не безупречен. Найди мне что-нибудь, что я смогу использовать в качестве оружия против Вадье. Подойдет все, что угодно: письма, свидетели, сомнительные друзья, коррупция.

Он замолчал, ожидая вопроса, который неизменно следовал за каждым поручением: каково вознаграждение? Но агент хранил молчание, опустив глаза на паркет под ногами. В этом молчании было не размышление, в нем был отказ.

– Я щедро заплачу, очень щедро, – настаивал Сен-Жюст. – Аванс с лихвой покроет все возможные расходы. Я не стану торговаться.

Все то же молчание. Все тот же опущенный в пол взгляд.

– У тебя месяц, даже больше, – опять заговорил Сен-Жюст. – Я на днях уезжаю в армию. Информация о Вадье мне нужна по возвращении. Два месяца, – сдался он перед гнетущей тишиной. – Семьдесят тысяч ливров, – проговорил он после долгой паузы. – Сто тысяч.

– У тебя нет даже полусотни, – хмуро улыбнулся агент, прорвав завесу молчания, но так и не поднимая взгляда на шефа.

– Контрибуции после окончания войны покроют все расходы Комитета. А я еду именно затем, чтобы положить конец войне. Так как? Сто тысяч ливров в обмен на информацию, которая уничтожит Вадье.

Отказаться невозможно, решил Сен-Жюст и удивленно вскинул брови, увидев, что агент молча качает головой.

– Нет, – сказал шпион, взглянув, наконец, на депутата. – Против всей полиции республики я бессилен. Подступиться к Вадье невозможно. Стоит ему догадаться, что кто-то интересуется его персоной и его делами, как агенты Комитета безопасности незамедлительно раскроют меня. Предложи ты мне хоть миллион, он не будет стоить моей жизни. Я отказываюсь, гражданин, – и, заметив протестующий жест Сен-Жюста, добавил: – Нет необходимости настаивать. Мой ответ окончателен.

– Я не предложу тебе миллион. Информация, которая мне нужна, того не стоит. Она не потребует усилий, о которых ты говоришь, и Вадье совершенно не обязательно знать, что кто-то интересуется им. У него немало недоброжелателей. Тебе достаточно разговорить их, чтобы получить всю необходимую информацию. Ты выполнял и более сложные поручения. Не вижу причин для отказа от этого. Или само имя Великого инквизитора революции так напугало тебя?

– Я не берусь за работу, не будучи уверенным в успехе, – признался шпион, поднимаясь. – А в успехе этой работы я не уверен. Вадье слишком сильный противник.

Он потянулся за плащом, когда холодная ладонь Сен-Жюста опустилась на его руку.

– Вадье не так силен, как ты воображаешь, – тихо проговорил он. – Он теряет свои позиции с каждым днем. Еще немного – и Комитет общей безопасности будет упразднен, а власть его членов превратится в тлен. Раздобудь мне информацию, которая ускорит его падение, и ты не пожалеешь.

Агент размышлял не больше нескольких секунд.

– Сто тысяч ливров, говоришь? – переспросил он.

– Когда работа будет сделана. Пятьдесят тысяч авансом.

– Э-э, нет, – покачал головой гость, – аванс я не возьму. Я же сказал, что не уверен в успехе.

– Как знаешь. Я дам тебе знать, когда вернусь с фронта. Месяц у тебя есть.

– Ты говорил – два.

– Я дам тебе знать, – повторил Сен-Жюст, провожая агента до дверей.

3 флореаля II года республики (22 апреля 1794 г.)

К одиннадцати часам вечера бюро и кабинеты Комитета общей безопасности опустели. Служащие и агенты разошлись – кто по домам, кто по кабакам, а самые ревностные отправились добывать сведения в Пале-Рояль и другие оживленные ночные заведения. Окна особняка Брион погасли одно за другим. Лишь два окна на втором этаже, выходящие на дворец Тюильри, продолжали ярко гореть десятком канделябров, составляя неравную конкуренцию Малой галерее и примыкавшему к ней павильону Равенства, пылавшими по всему фасаду.

– Они там хоть когда-нибудь спят? – в раздражении пробормотал Амар, кивнув в сторону Тюильри, и собрался задвинуть тяжелые шторы, но Вадье остановил его.

– Оставь, Андре. Так мне лучше думается.

Великий инквизитор сидел вполоборота к окну в массивном кресле с широкими подлокотниками и высокой спинкой, целиком скрывавшей сзади разместившегося в кресле человека, и медленно, с удовольствием смаковал прохладное белое эльзасское вино, бутылка которого покоилась в ведерке со льдом на небольшом круглом столике справа от него.

– А подумать нам с тобой есть, о чем, – добавил старик и пригубил вино. – Например, об этом англичанине. Кстати, как он поживает после перевода в Люксембургскую тюрьму? Ты ведь, если мне память не изменяет, навещал его сегодня?

– У него там настоящие хоромы, – Амар услужливо подлил вина в бокал шефа. – Я поставил двух жандармов ко входу в камеру. Впрочем, – усмехнулся он, – камерой его комнату назвать сложно. Она куда больше напоминает светскую гостиную.

– Пусть нежится, – одобрительно кивнул Вадье. – Позаботься, чтобы он ни в чем не нуждался. Потом он на всю Британию восхвалит революционные тюрьмы. В один прекрасный день нам придется заключать с англичанами мир, так что стоит работать над репутацией.

– Ты, действительно, думаешь отпустить Стаффорда? – нахмурился Амар.

– А что еще прикажешь с ним делать? Не он интересует меня, Андре, а его информатор. Судя по бумагам, найденным у англичанина, из Комитета общественного спасения идет утечка информации. И идет она, как ни прискорбно признавать, на самом высоком уровне. Будь положение менее серьезным, я даже порадовался бы возможности подмочить репутацию его членов, но сейчас не до личных счетов, как заявил бы наш общий друг Сен-Жюст. Под угрозой не только внутренние дела республики, но и военная кампания.

Вадье поднялся с кресла и подошел к окну. В освещенных окнах напротив мелькали тени.

– Каждое слово, сказанное *там*, – он кивнул в сторону Тюильри, – может быть доставлено прямо на стол английскому премьер-министру Питту. А уж он сумеет воспользоваться нашими секретами.

– Ты преувеличиваешь, Вадье, – покачал головой Амар, встав у окна рядом с шефом. – Вряд ли предателем является один из них.

– В самом деле? – прищуренные глаза Вадье хитро взглянули на помощника. – Ты видел бумаги, Андре? У кого еще могли находиться оригиналы, если не у члена Комитета спасения? Нет-нет, я убежден, абсолютно убежден, – с нажимом добавил он, – что один из них работает на Англию. И им может быть кто угодно. Кто угодно, Андре. Самый неподкупный, самый ярый, самый ревностный служитель республики. После истории с королевскими драгоценностями, в которую замешан наш безупречный Сен-Жюст, я уже ничему не удивлюсь.

– Полагаешь, *они* знают, что утечка идет непосредственно из Зеленой комнаты?

– Надо быть полным дураком, чтобы не понимать этого. А дураков среди них нет.

– Как же тогда?.. – Амар замялся, подыскивая точную формулировку вопроса, но Вадье понял его.

– Как же тогда они вообще решаются открыто обсуждать что-либо, зная, что один из них шпионит на врага? – спросил он и после короткого кивка Амара ответил: – После казни Дантона они перестали обсуждать серьезные дела на совместных заседаниях, перенесли государственную политику в гостиные и рестораны и делясь своими соображениями лишь с теми из коллег, кому безоговорочно доверяют. Пикантность ситуации заключается в том, что круг доверия у каждого из них разный. Комитета общественного спасения больше не существует, друг мой. Его место заняли несколько групп, составленных его членами. И группы эти очень скоро вступят на путь открытой конфронтации. Это окончательно уничтожит Комитет спасения, а вместе с ним и Комитет безопасности. Вот почему происходящее там, за окнами напротив, имеет к нам с тобой самое прямое отношение. Вот почему я желаю знать, кто из них строчит доносы в Лондон. И вот почему я готов был пойти с англичанином на сделку: имя информатора в обмен на освобождение и возвращение на родину, – пока не понял, что...

– Похоже, вам тоже не спится! – Насмешливый голос за их спиной помешал Вадье закончить мысль и заставил собеседников одновременно обернуться.

– Здравствуй, Бертран. Чем обязаны? – Вадье не пытался скрыть досаду, вызванную внезапным вторжением Барера.

– Я увидел свет в окнах твоего кабинета и решил составить тебе компанию, – дружелюбно ответил Барер, не обращая внимания на холодный прием.

– Как видишь, компания у меня уже есть, – Вадье кивком головой указал на Амара. – Но я рад тебя видеть. Хочешь вина?

– Эльзасское, – одобрительно заметил Барер, достав бутылку из ведра. – Нет, не хочу. Я только что поужинал.

Повисла неловкая пауза. Вадье и Амар ждали изложения Барером дела, приведшего его в особняк Брион. Тот же раздумывал, как лучше подойти к вопросу, не показывая заинтересованности. Прошло не менее минуты, прежде чем Барер решился заговорить.

– Я по поводу английского агента... ну, того, которого арестовали... – искусственную небрежность тона он подкрепил взмахом руки, словно пытаясь помочь себе вспомнить имя.

– Я понял, – сухо отозвался Вадье. – Что именно тебя интересует?

На этот раз явная враждебность Великого инквизитора заставила Барера растеряться. Но коли уж Вадье взял подобный тон, решил он, ничто не мешает ему последовать его примеру.

– Мои коллеги по Комитету интересуются, как продвигается расследование, – сказал Барер. – И поскольку я отвечаю за иностранные дела...

– Понятно, – Вадье вернулся в кресло и жестом руки предложил Бареру расположиться напротив. – Можешь передать своим коллегам, Бертран, что расследование никак не продвигается. Стаффорд назвал какие-то имена, назвал адреса, по которым наши люди не нашли ни указанных личностей, ни даже их личных вещей. Они испарились, словно и не было никого. Мы, конечно, начали поиски, но думаю, что это лишняя трата времени и людей. Так что через пару дней, если мы не получим результатов, я отзываю своих агентов. Это тупиковое дело, так и доложи своему Комитету.

– Неутешительный прогноз, – покачал головой Барер. – Быстро же ты опустил руки. На тебя не похоже.

– А что прикажешь делать? – Вадье развел руками, только что обвиненными в бездельности. – Стаффорд утверждает, что назвал всех своих товарищей. Нам остается лишь поверить ему на слово, потому что проверить его показания возможности не представляется.

– А изъятие у него бумаги?

Вот Барер и подошел к интересующему его вопросу, подошел как бы между прочим, словно вовсе и не за этим пришел. Удачно получилось, мысленно похвалил он себя.

Вадье растянул губы в улыбке и покосился на Амара, все так же стоявшего у окна.

– Так бы сразу и сказал, что тебя интересуют документы, – проговорил Великий инквизитор, разбив самодовольство Барера. Выходит, он с самого начала знал, зачем тот явился? – С бумагами получается занятная история. Сведения первостепенной важности. Понимаешь, о чем я?

– Он назвал информатора? – от напряжения Барер даже привстал с кресла.

Вадье сокрушенно покачал головой.

– Не пытаться же нам его, в самом деле! – раздраженно воскликнул он.

– Должны же быть хоть какие-то зацепки, – осторожно заметил Барер. – Что-то, что могло бы навести тебя на круг подозреваемых.

– Хочешь знать мой круг подозреваемых? – недобро усмехнулся Вадье. – Изволь. В мой круг подозреваемых входят одиннадцать, нет, десять человек, т.к. один уже четвертый месяц отсутствует. Итак, я подозреваю Коллю д'Эрбуа, Бийо-Варенна, Карно, Робеспьера, Ленде, Сен-Жюста, Сент-Андре, Кутона, Приера и тебя, друг мой. Так и скажи в Зеленой комнате. Впрочем, думаю, вы это и без меня поняли, когда ознакомились с найденными у шпиона документами.

Барер, бледный, неподвижно сидел в кресле, вцепившись ледяными пальцами в позолоченные ручки.

– Только не говори, что вы в своем Комитете не пришли к такому же выводу, – Вадье потянулся к бутылке, погруженной теперь вместо кубиков льда в холодную воду.

– Мы не обсуждали этот вопрос, – пробормотал Барер.

– Еще бы! – Вадье сделал несколько глотков прохладного напитка и, закрыв глаза, устало откинулся в кресле.

Барер поднялся и подошел к Амару.

– Как вы намерены поступить с англичанином? – тихо, не желая беспокоить Вадье, спросил член Комитета спасения.

– Поддержим пару недель да обменяем на кого-то из провалившихся республиканских агентов в Лондоне. Что с ним еще делать? Вряд ли нам удастся получить от него новые сведения. Все, что он имел, вернее, хотел нам сообщить, он уже сообщил.

– И все-таки, согласись, Бертран: республика совершила колоссальную ошибку, отказавшись от старой доброй пытки, – сухой голос раздался из-за высокой спинки кресла. – Столько бы времени сейчас сэкономили, не говоря уже о результативности!

Барер и Амар обменялись растерянными взглядами, не зная, как реагировать на слова шефа политической полиции.

– Похоже, мрачная слава Торквемады не дает тебе покоя, – Барер попытался свести неудобную тему к шутке.

– При чем тут слава! – Вадье, похоже, шутить был не расположен. – Стаффорд обладает информацией, которая разом может избавить правительство от скверны, указав на предателя. Информацией, которую без него получить будет крайне сложно, я бы даже сказал – невозможно. В ваших же интересах, Бертран, развязать ему язык. А иного способа, кроме как... Впрочем, черт с ним, с англичанином. Сейчас главное найти и обезвредить информатора, – Вадье поднялся и в упор взглянул на Барера.

– И как же ты собираешься его искать? – Барер украдкой посмотрел на Амара, словно ждал предложений именно от него.

– Мы могли бы провести расследование, – подсказал Амар, не спуская глаз с шефа. – Комитет безопасности мог бы провести расследование, – поправился он.

– Расследование чего? – насторожился Барер. – Деятельности членов Комитета спасения?

– Для начала, – кивнул Вадье.

– Вы спятили! – возмущенно вскричал Барер. – Никто и никогда не даст санкцию на подобное разбирательство! Вы отдаете себе отчет, какую тень бросите на революционное правительство?

– Зачем же бросать тень на революционное правительство? – Вадье принял вид простака. – Мы проведем дело тихо, без огласки. Не в первый раз.

– Желаете приставить своих шпионов к каждому из нас? – со злостью процедил Барер.

– Ты неправильно меня понял, Бертран, – примирительно проговорил Вадье. – Все серьезнее, чем тебе представляется. Скверна сидит внутри Комитета спасения. Неужели девять невинных его членов воспротивятся мерам по обнаружению одного виновного?! В распоряжении моего Комитета прекрасная агентура, которая в максимально короткий срок разоблачит предателя и очистит от него правительство.

– Обойдемся без твоих ищеек.

– Ну что ж, воля ваша, – сдался Великий инквизитор. – Но я, на твоём месте, все же посоветовался бы с коллегами, прежде чем отклонять предложенную мною услугу.

– Услугу? – нервный смешок вырвался у Барера. – Ты собираешься вывернуть наружу наше грязное белье, а мы тебя еще и благодарить должны?!

– Дело касается безопасности республики, Барер, – вмешался Амар. – А обеспечение безопасности республики – наша прямая обязанность.

– Оправляйтесь к дьяволу! – швырнул ему Барер и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что на пол посыпалась штукатурка со стены.

– Что он так разнервничался? – на лице Вадье появилось недоуменно-обиженное выражение.

– Я, на его месте, тоже нервничал бы, – признался Амар. – Узнай мы, что кто-то из Комитета безопасности работает на Англию...

– Нет-нет, тут другое, – перебил Вадье помощника, – тут совсем другое... Свяжись с нашими агентами в Лондоне и запроси у них информацию о лорде Вентворте, графе Стаффорде. Особенно меня интересуют его связи, прошлые и настоящие. Иногда подобные сведения выводили на весьма интересные выводы, и если нам повезет, кое-какую информацию к размышлению мы из них почерпнем. Распорядись также, чтобы к англичанину не допускали никого, не единой души, включая членов правительственных Комитетов, никого, кроме тебя и меня. Должен же он хоть на чем-то расколоться! Должно же быть что-то, что заставит его выдать своего информатора!

– Разве ты не сказал, что в обмен на освобождение...

– Я сказал, что готов был предложить ему такую сделку, если бы не одно печальное обстоятельство, – уточнил Вадье. – Видишь ли, Андре, освобождение Стаффорду рано или поздно гарантировано, и он это прекрасно понимает. Не станем же мы усугублять отношения с английским кабинетом накануне возможных мирных переговоров.

– Ну, в таком случае, я не вижу...

– Знаешь, о чем я подумал? – Вадье резко обернулся к помощнику, и в его глазах загорелся огонек догадки, хорошо знакомый Амару. – Стаффорд клялся, что ему неизвестен информатор и что он должен был лишь переправить бумаги Гренвилу, не так ли?

Амар кивнул.

– И мы не поверили ему, – продолжал Вадье.

– Разумеется, не поверили! Все они говорят одно и то же.

– А что, если это правда?

– Ну знаешь ли! – возмутился Амар. – Если ты начнешь доверять каждому слову, сказанному провалившимся шпионом!..

– Вот в этом-то и заключается наша самая большая ошибка, которая привела нас на ложный путь! – Вадье довольно хлопнул в ладоши. – Сядь, Андре, сядь. Мы должны подумать, очень хорошо подумать.

Амар опустился в кресло, где недавно сидел Барер. Вадье занял свое привычное место.

– Мы не там ищем, не того допрашиваем, – Вадье еле сдерживался от нетерпения изложить коллеге свою догадку. – Помнишь, я сказал тебе, что Стаффорд прекрасно держится? Мы тогда решили, что причиной тому – его уверенность в безнаказанности. А что, если все дело в том, что его провал – запланированная и хорошо разыгранная операция? Им пожертвовали, чтобы сохранить более ценного агента, того, имени которого он либо, действительно, не знает, либо будет держать в тайне даже под угрозой смерти. Уж больно просто все получилось: анонимное письмо с точной информацией, вплоть до времени и условного сигнала, бумаги, найденные при находившемся по указанному адресу агенте... Как неосторожно с его стороны держать при себе ценнейшие сведения, которые должны были немедленно, с первым же курьером, отправиться в Лондон!

– Возможно, он получил их только что, прямо перед арестом, – предположил Амар.

– Допустим, – нехотя согласился Вадье. – В таком случае, он непременно должен знать своего информатора. Но позволь все же усомниться в этом. Чутье подсказывает мне, что здесь что-то не так, что-то не сходится, где-то есть потерянное звено, которое мы упустили.

Вадье замолчал, погрузившись в размышления. Амар выжидательно смотрел на шефа, не смея беспокоить его вопросами.

– Так вот, Андре, – снова заговорил глава политической полиции, – мы не там искали потерянное звено. Нам следовало искать его в Комитете общественного спасения. Нет-нет, постой, я не закончил! – предупредил он готовое вырваться у коллеги возражение. – Я не об информаторе. Я о доносе. О том доносе, благодаря которому Комитет узнал имя агента, его местонахождение, время и условный сигнал. Мы слишком долго занимались Стаффордом и пренебрегли ценнейшим источником, находящимся в наших руках: доносом. Непростительная ошибка с моей стороны!

Он снова замолчал. Амар не решался задать вопрос, крутившийся у него на языке: что такого было в доносе, что могло бы пролить свет на информатора?

– Почему Сен-Жюст не показал донос ни нам, ни своим коллегам по Комитету? – продолжал Вадье. – Почему скрыл, а то и уничтожил важнейшую улику? Да и мы хороши: даже не поинтересовались, где письмо, разоблачившее Стаффорда! Увлеченные шпионом, мы совершенно забыли о его разоблачителе.

– Это было анонимное письмо, – напомнил Амар.

– У любого анонимного письма, Андре, есть автор, а у автора есть почерк, который Стаффорд мог бы узнать. Если, конечно, вся эта история не является хорошо разыгранным спектаклем... В любом случае, вопрос, который мы должны были задать себе с самого начала, – это почему Сен-Жюст не предъявил донос коллегам? Что было в этом письме (или в этом почерке), что он предпочел скрыть его от посторонних глаз? Вот, где может крыться ответ на наши вопросы. Вот, чем нам стоило заняться в первую очередь. Теперь поздно. Мы потерпели фиаско, Андре.

– Ты можешь потребовать у Сен-Жюста объяснений.

– Бесполезно. Он даже разговаривать со мной не станет. И я не стал бы, на его месте. Но однажды, когда придет время, я припомню ему это. А пока пусть они *там*, – он небрежно кивнул в сторону горящих окон, – доносят друг на друга, продают государственные секреты и камень за камнем разрушают здание, обломками которого мы усилим свою власть.

4 флореаля II года республики (23 апреля 1794 г.)

Наверное, Филипп должен был удивиться появлению друга на пороге своей квартиры. Удивиться – да, но никак не разозлиться! К подобному приему Сен-Жюст готов не был. Прощедив сквозь зубы: «Входи, коли пришел», – Леба проводил гостя в гостиную и тут же предупредил:

– Элизабет отправилась к портнихе и может вернуться с минуты на минуту, так что говори поскорее, зачем явился. Ни к чему вам с ней встречаться.

– Не будь смешон, Филипп, – раздраженно ответил Сен-Жюст. – Никакого вреда твоей жене я не причиню, и тебе это прекрасно известно.

– Я опасюсь не за Элизабет, Антуан, – усмехнулся Леба. – Впрочем, как знать... – он замолчал, досадуя на излишнюю болтливость, и добавил вполголоса: – Я думал, что знаю тебя.

Сен-Жюст ничего не ответил. Он пытался представить, как Генриетта описала сцену, произошедшую на улице Комартен, что она рассказала брату и невестке, что нафантазировала, о чем предпочла умолчать. Оставалось лишь надеяться, что Филипп не воспримет всерьез любовные муки двадцатилетней девушки, но Леба, похоже, отнесся к ним с должным вниманием.

– Ладно, это не мое дело, – Филипп встряхнул головой и сцепил пальцы в замок перед собой. – Ты ведь по делу. Зачем еще тебе понадобилось бы прыгать в змеиную яму?

– Неплохое сравнение, – усмехнулся Сен-Жюст. – Это ты о супруге или о сестре?

– Встретиться с Генриеттой ты не рискуешь: она отправилась повидать отца, вернется не раньше конца декады. Будь моя воля, я запретил бы ей появляться в Париже. Но разве мне сладить с ними обеими! А вот Элизабет устроит тебе шумный спектакль, так что в твоих интересах быть кратким.

– Что ж, в таком случае, перейдем к делу, – Сен-Жюст ухватился за возможность уйти от неприятной темы. – Комитет общественного спасения отправляет нас с тобой в миссию в Северную армию. Я хотел бы уехать в ближайшие дни.

– Как ты сказал, прости? – Филипп нахмурился и взглянул на гостя со смешанным выражением беспокойства и удивления. – Ты хотел бы уехать в ближайшие дни?! Ты?! А у меня ты не подумал спросить?

– Конечно, подумал. Потому я и здесь.

– Ах да, разумеется! Явился, чтобы поставить меня в известность. А не кажется ли тебе, друг мой, что ты мог бы взять на себя труд прийти сюда до того, как твое решение ехать в армию было одобрено Комитетом?

– Это не мое решение, Филипп, – Сен-Жюст говорил спокойно, даже доброжелательно. – Предложение исходило от Барера. Я лишь согласился со всеобщим мнением. Кому-то надо поправить дела на Севере. Почему бы не нам с тобой?

– А потому, Антуан, – Леба с трудом сдерживал гнев досады и бессилия, – что, в отличие от тебя, у меня есть обязательства перед близкими и дорогими мне людям. Потому, что Элизабет вот-вот родит, потому, что Генриетта вот-вот руки на себя наложит, и я нужен им здесь. Бери в миссию кого-нибудь другого. Я не поеду.

– Помимо обязательств перед близкими, Филипп, – спокойствие Сен-Жюста превратилось в холодность, – у тебя есть обязанности по отношению к отечеству, долг перед французским народом, и этот долг несравненно выше, чем тот, которым ты прикрываешь свое нежелание покидать Париж.

– Ты не проведешь меня своими красивыми оборотами! – Филипп вскочил с кресла. – Я нужен здесь, и я останусь в Париже.

– Ты нужен в армии, и ты поедешь туда – по-хорошему или по-плохому.

– По-плохому? – хмыкнул Филипп. – Ну что ж, пусть будет по-плохому, потому что по своей воле я из Парижа не уеду!

– Предпочитаешь прятаться за женскую юбку вместо того, чтобы подставлять грудь под пули? – снисходительно улыбнулся Сен-Жюст.

– Нет-нет, Антуан, этот номер у тебя не пройдет! – Леба в два прыжка оказался напротив собеседника и демонстративно помахал указательным пальцем у него перед носом. – Думаешь заставить заговорить мою гордость? Мне плевать на гордость! В этом мире есть ценности в тысячу раз более...

– Честь, например? – перебил его Сен-Жюст. – Что ты скажешь о чести, Филипп? Или тебе на нее тоже плевать?

Вместо ответа Леба процедил проклятье.

– Послушай, – Сен-Жюст примирительно положил ладонь на плечо друга. – Дела на Севере идут из рук вон плохо. Мы не довели до конца нашу работу в плувиозе. Давай сделаем это сейчас. Месяц, Филипп, один месяц – и наши имена будут навеки вписаны в анналы славы.

– Зачем тебе я, Антуан? – спросил Филипп. – Кто угодно из депутатов сочтет за честь...

– Ты всерьез веришь в это? – скептически улыбнулся Сен-Жюст. – Оставь, Филипп, мы оба знаем правду: избежать соревнования честолюбий между комиссарами можем только мы с тобой. Посмотри, что мы сделали в Эльзасе в брюмере! Мы перейдем Самбру, возьмем Шарлеруа, разобьем австрийскую армию – и путь в Бельгию для республики будет открыт. Разве ты сможешь преподнести своему ребенку лучший подарок, чем мир? А занятие Бельгии – это неизбежный мир, Филипп.

– Месяц, говоришь? – Леба начал сдаваться.

– Месяц, – уверенно кивнул Сен-Жюст.

– А если за месяц наша миссия не будет закончена?

– Ну что за зануда, в самом деле! – вскричал Сен-Жюст, без злости, лишь с легкой досадой. – Она будет закончена, Филипп.

– И все же?

– Черт с тобой! Если за месяц мы так и не укрепимся в Бельгии, можешь вернуться к своей Элизабет. Даю слово. Этого тебе достаточно?

Но ответить Филипп не успел. Из прихожей раздался шум открываемой двери, и звонкий голосок возгласил:

– Ты даже не представляешь, что за чудо это платье, Филипп!

– Элизабет, – обреченно прошептал Леба и с осуждением взглянул на Сен-Жюста, словно именно тот был виноват в несвоевременном появлении хозяйки дома.

– Мы немедленно отправляемся на прогулку, я должна показаться в нем перед... – Элизабет замерла на пороге гостиной. – Что ты здесь делаешь, Антуан?

– Ну и прием! – театрально обиделся Сен-Жюст.

– Другого не заслужил, – бросила гражданка Леба. – Что он здесь делает, Филипп? – обернулась она к мужу. – Пришел грехи замаливать? – не дожидаясь ответа, Элизабет вновь обратилась к гостю.

– Грехи? – не понял Сен-Жюст.

– Ага, передо мной и Генриеттой, – решительно кивнула она и с вызовом взглянула на молодого человека.

– Элизабет, дорогая, прошу тебя! – взмолился Леба.

– Оставь, Филипп, я давно собиралась сказать ему это. Ты отверг нас обеих, каждую в свой черед, Антуан. Отверг, произнес длинную тираду о любви к республике и невозможности разорвать свое сердце между женщиной и отечеством. И что теперь? Ты спутался с публичной...

– Замолчи немедленно! – закричал Сен-Жюст. – Как только твои уста могут исторгать подобные слова?! Что за фантазии вы с Генриеттой вбили себе в голову!

– Фантазии?! – хохотнула Элизабет. – Не уверена, что бедняжка Генриетта способна сочинить то, что описала мне. Ты лжец, Антуан! А я так верила тебе!

– *Ты?* По какому праву *ты* читаешь мне мораль, Элизабет? Какое право *ты* имеешь надо мной? *Ты*, жена своего мужа!

– И то верно! – от обиды ее щеки запылали. – У меня нет на тебя никаких прав, кроме одного: не видеть тебя в своем доме!

– Что ж, коли меня так грубо выпроваживают, Филипп, мне остается лишь уйти, – проговорил Сен-Жюст, пожав плечами. – Рад, что хотя бы мы с тобой поняли друг друга. Береги себя, – он легко кивнул Элизабет на прощанье.

– О чем это он? – настороженно спросила она мужа. – Так он пришел не к Генриетте? – недоброе предчувствие кольнуло ее. – Антуан! Вернись! – она бросилась за гостем в прихожую со всей быстротой, какую позволяло ее положение. – Что тебе было нужно?

Сен-Жюст обернулся и встретился с беспокойным взглядом Филиппа, еле заметно покачавшего головой, призывая его молчать.

– Филипп тебе все объяснит, – уклончиво ответил он.

– Нет, *ты* объяснишь мне! – топнула она ногой.

– Твоей жене только полком командовать! – деланно рассмеялся Сен-Жюст.

– Отвечай же! Чего ты хотел от Филиппа? – Элизабет сузила глаза и с подозрением взглянула на того, кому при их последней встрече признавалась в любви.

– Вернемся в гостиную? – предложил Филипп.

– Мне, действительно, пора, – Сен-Жюст повернулся спиной к чете Леба.

– Прекрасная мысль, дорогой, – Элизабет взяла гостя под руку и вернула в гостиную. – Так в чем дело, Антуан? – вкрадчиво спросила она, усаживая его рядом с собой на диван. Словно и не было между ними жестоких слов, непрощенных обид и разбитых иллюзий.

– Мы должны ехать в Северную армию, – ответил Сен-Жюст, взглядом показывая Леба, что не желает дальше разыгрывать комедию перед его женой.

– Кто это – *мы*? – Элизабет переводила взгляд с Леба на Сен-Жюста. – Кто – *мы*?! – истерически вскричала она, осознав, наконец, чем чреват для нее этот визит.

– Я и Филипп.

– Понятно. Значит, ты уже все за нас решил! Значит, ты пришел, позвал Филиппа и теперь уверен, что он послушно последует за тобой!

– Это не мое решение, Элизабет.

– Разумеется, не твое, Антуан! Тебя послушать, ты даже над самим собой не властен, а лишь подчиняешься силе обстоятельств да воле народа! – с издевкой произнесла она и строго посмотрела на Леба: – Надеюсь, ты отказался?

Тот ничего не ответил.

– Филипп! Скажи мне, что ты отказался! Филипп!

– У меня нет выбора, родная, – Леба опустил перед женой на одно колено и нежно заключил ее ладони в свои. – Я обязан ехать.

– Никому ты ничем не обязан, – мягко, но настойчиво сказала она. – Антуан и один справится. А ты оставайся со мной.

– Это мое самое заветное желание – провести всю жизнь у твоих ног.

– Вот и последуй ему, милый.

– Непременно! Сразу же после вторжения в Бельгию.

Элизабет в бессильной злобе сжала виски.

– Ты все забираешь у меня, Антуан, – простонала она. – Ты забрал мое сердце, мои иллюзии, а теперь желаешь лишить меня мужа. Зачем он тебе?

– Филипп нужен не мне, а республике, – отрезал Сен-Жюст и поднялся.

– Опять слова, опять напыщенные, красивые, пустые слова! – вскричала Элизабет. – Ты убьешь меня своими словами! Убьешь химерами, которых растишь и которыми пытаешься заселить Францию! Оставь мне жизнь, оставь мне надежду, оставь мне Филиппа!

– Что за трагедию ты разыгрываешь из-за какого-то ничтожного месяца! – раздраженно проговорил Сен-Жюст. – Не в первый раз мы едем в армию, и каждый раз возвращались невредимыми.

– Я попрошу отца и Генриетту приехать к тебе, – предложил Леба. – Или ты можешь пожить у своих родителей.

– Нет-нет, только не там! – Элизабет выпростала руку, словно защищаясь от невидимой угрозы. – С того самого ужина – помнишь? – в день казни бедняжки Люсиль, Элеонора не упускает случая напомнить мне о том, сколько боли мои слова причинили всем им, особенно Максимилиану, – она украдкой взглянула на Сен-Жюста и заметила, как его лицо сравнялось в цвете с бледно-серым галстуком, стягивавшим его шею. – Если бы ты мог поехать без Филиппа, Антуан, ты очень обязал бы меня, – тихо попросила она. – Я простила бы тебе все, даже Люсиль...

– Нет, Элизабет, нет, не надо, – прошептал Леба. – Не надо.

– Я не нуждаюсь в твоём прощении, Элизабет, – холодно поговорил Сен-Жюст. – Если когда-нибудь я почувствую, что моя совесть нечиста, я найду способ свести с ней счеты. Республика нуждается в твоём муже. А когда отечество нуждается в патриоте, он должен счесть за счастье послужить ему. Но клянусь, клянусь всем самым дорогим, что у меня есть, ни один волос не упадет с головы Филиппа. Твой муж вернется к тебе через месяц живым и невредимым.

– У тебя нет сердца, – она покорно опустила голову. – Ты всегда добиваешься желаемого, не так ли? Чего бы тебе это ни стоило.

– Я желаю лишь счастья французскому народу. И готов бороться за него до последнего вздоха.

– А о счастье близких тебе людей ты подумал?

– Счастье близких мне людей неотделимо от счастья нации, – уверенно произнес Сен-Жюст. – Его счастье, – он указал на округлившийся живот Элизабет, – невозможно без торжества свободы. Мы уезжаем десятого флореаля, Филипп. Я заеду за тобой в половине восьмого утра.

С этими словами он покинул квартиру Леба.

6 флореаля II года республики (25 апреля 1794 г.)

Огюстен Лежен медленно поднимался на третий этаж, приставляя прихрамывающую ногу к здоровой на каждой ступеньке. С тех пор, как Сен-Жюст переехал в особняк Обер, он еще ни разу не посещал друга и радовался возможности, наконец, побывать в его новой квартире, добытой, к тому же, его, Лежена, стараниями.

К величайшему удивлению шефа Бюро общей полиции, дверь ему открыл совершенно незнакомый человек лет двадцати – двадцати пяти, вежливо спросивший, как доложить о посетителе гражданину Сен-Жюсту. Лежен назвал, и человек исчез за дверью гостиной, из которой раздавались оживленные голоса. Он услышал, как его представили и звонкий голос Сен-Жюста потребовал пригласить посетителя.

– Огюстен! Вот так неожиданность! – приветливо поздоровался член правительства.

Он стоял посреди гостиной в странной позе: левая нога его была обтянута сапогом из светлой замши, а правая, в шелковом чулке, водруженная на низкий табурет, являлась предметом внимательного изучения стоявшего перед ним на одном колене человека.

– Так хорошо? – спросил тот, обвив меркой голень депутата.

– Слишком тесно, – ответил Сен-Жюст. – Отпусти на один палец. Да... так.

Человек сделал пометки в блокноте и поднялся на ноги.

– Можешь обуваться, – скомандовал он. – Теперь выберем кожу. Я принес образцы.

На свет явился томик, напоминавший бульварный роман, только вместо страниц у него были кожаные листы.

– Мы уже заканчиваем, Огюстен, – натянув сапог, Сен-Жюст обернулся к стоявшему в дверях гостю. – Располагайся, прошу тебя.

Лежен оглянулся в поисках места, где бы он мог «расположиться», но все диваны и кресла были завалены одеждой, среди которой преобладала униформа. Заметил он и несколько шляп с трехцветным плюмажем, и широкий трехцветный шарф, символ представителя народа в миссии.

– Вот мой лучший образец, гражданин, – сапожник тем временем раскрыл книжку на нужной странице. – Очень мягкая и выносливая кожа. Такие сапоги будут служить тебе не один год.

Сен-Жюст провел кончиками пальцев по черному образцу.

– Не один год? – улыбнулся он. – А проживу ли я год?

При этих словах Лежен вздрогнул и вопросительно посмотрел на друга, но тот внимательно перелистывал кожаные страницы, сминая и вновь расправляя образцы. Сапожник терпеливо ждал, не спуская глаз с депутата.

– Вот эта, – Сен-Жюст ткнул пальцем в выбранную страницу. – Мне нужно четыре пары через два дня. Ровно через два дня, – с нажимом добавил он.

– Приступлю сегодня же, – заверил сапожник.

– Прекрасно. Дюнойе расплатится с тобой немедленно.

– Спасибо, гражданин.

Сапожник поспешно укладывал в сумку разбросанные по полу блокнот, карандаш, мерку, стельки и набойки.

– Я рад, что ты зашел, Огюстен, – проговорил Сен-Жюст и, собрав в охапку несколько пар панталон, висевших на спинке кресла, жестом предложил Лежену устраиваться, после чего, освободив другое кресло от шляп и бросив их вместе с панталонами на диван, сел напротив друга. – Я собирался зайти сегодня вечером в Бюро, но уж коли ты пришел, поговорим тут. Прости, что не могу принять тебя должным образом, – он обвел рукой беспорядок в гостиной. – Три дня до отъезда, а времени собраться совсем нет.

- Кто это у тебя? – спросил Лежен, кивнув в сторону прихожей.
- Перье, один из лучших армейских сапожников, очень рекомендую.
- Нет, не этот, другой.
- А-а, ты о Дюнойе! Видишь, друг мой, пришлось обзавестись слугой, положение обязывает, – хохотнул Сен-Жюст. – Мне его очень рекомендовали. Проворный малый.
- Вот как? – протянул Огюстен. – Значит, устроился ты тут неплохо?
- Твоими стараниями, – улыбнулся Сен-Жюст.
- И уже норовишь сбежать?
- Сбежать? – нахмурился Сен-Жюст. – Значит, так теперь называется желание послужить отечеству? Я еду в армию, Огюстен. Не сбегаю, как ты изволил выразиться, а отправляюсь туда, где нужен республике.
- Значит, Бюро полиции тебя больше не интересует?
- Бюро полиции в надежных руках, – Сен-Жюст подмигнул другу, – чего не скажешь о Северной армии. Я хочу исправить положение, после чего вновь буду в полном твоём распоряжении.
- А я-то думал, что слухи о твоём отъезде распускают враги правительства, – Лежен хотел задеть Сен-Жюста – и преуспел в этом.
- И что же позволяет тебе сделать подобный вывод? – тон Сен-Жюста стал холодно-надменным.
- Когда ты уговаривал меня возглавить Бюро полиции, то обещал, что будешь моим единственным начальником, что главной твоей заботой является концентрация в Комитете общественного спасения всех функций управления, что судьба республики решается именно в его недрах. Я поверил тебе, я поддался на твои уговоры. И что же? Ты оставляешь Бюро, покидаешь Париж на неопределённый срок ради призрачной военной славы! Ты бросаешься за химерой, которую никогда не догонишь. Твое место здесь, Антуан. Оставь войну тем, кто понимает в этом, и займись делом, которым должен заниматься – строительством нового государства, наведением порядка в стране и установлением царства справедливости.
- Одно не мешает другому, Огюстен. Не в моей компетенции управлять армией, но в моей власти принести ей победу. Один месяц ничего не изменит в парижской ситуации, но может стать роковым для свободы, если мы не закроем для австрийцев дорогу на Париж и не займем Бельгию. Бельгия – наш единственный путь к окончанию войны и переходу от чрезвычайных органов управления к нормальным. Я еду в армию, движимый не личным честолюбием, а желанием принести Франции победу на северных границах.
- Неужели нельзя было отправить туда кого-нибудь другого?
- Комитет решил, что должен ехать я. Я не вижу причин оспаривать его решение.
- И ты рассчитываешь за месяц сделать то, чего Северная армия добивается уже добрый год? – Лежен скептически покачал головой. – Ты не всемогущ, Антуан. Твоя миссия затянется на долгие месяцы, и ты совершенно потеряешь контроль над Парижем. А Париж – это республика.
- Месяц, Огюстен, и Бельгия будет нашей, – и, заметив улыбку сомнения на губах друга, Сен-Жюст добавил: – Максимум два.
- Два месяца, – пробормотал Лежен. – Два месяца один на один с десятками тысяч досье...
- Об этом можешь не волноваться, – поспешил успокоить его Сен-Жюст. – Робеспьер временно заменит меня в Бюро.
- Кто?! – Лежен даже привстал от неожиданности, но успокаивающий жест Сен-Жюста заставил его вновь опуститься в кресло.
- Я с ним обо всем договорился. Он будет ставить ревизии на твоих отчетах вместо меня. Для тебя это ровным счетом ничего не изменит.

– Ничего не изменит?! – Лежен, красный от возмущения, вскочил на ноги. – Выходит, ты с самого начала знал, что уедешь! С самого начала собирался отдать Бюро Робеспьеру! Ты подло обманул меня, Антуан, заверив, что будешь моим единственным начальником! Знай я, что окажусь в подчинении у Робеспьера, ни за что не согласился бы!

– Остынь, Огюстен, – спокойный голос Сен-Жюста прервал страстные тирады молодого человека. – Я не думал, что мне придется уехать, когда вынашивал идею создания Бюро полиции. Но ситуация такова, что мой отъезд необходим, нравится тебе это или нет. Я не льстил тебе, говоря, что Бюро в надежных руках. Ты прекрасно справляешься. Впрочем, я в этом и не сомневался. Единственное, в чем я могу упрекнуть тебя, так это в излишней снисходительности к врагам свободы. Но Робеспьер будет внимательно следить за тем, чтобы твое милосердие не заходило слишком далеко. Поверь, полиция в руках Робеспьера – лучше, чем в руках любого другого члена Комитета общественного спасения.

– Ты обвиняешь меня в снисходительности?! – вскричал Лежен. – Ты говоришь, что я милосерден к врагам свободы?! Да видел ли ты хоть раз тех, кого с такой легкостью заочно обвиняешь в страшнейших преступлениях?! Видел ли ты стариков, все преступление которых заключается в том, что они с неодобрением отнеслись к разграблению собора? Видел ли женщин, брошенных мужьями, сбежавшими за границу, чтобы встать под знамена принцев? Все их преступление состоит в том, что они были преданы теми, кто должен был защищать их! Видел ли ты матерей, оплакивавших старый режим лишь потому, что при короле у них был хлеб, чтобы кормить детей? Они тоже преступники, Антуан?

Сен-Жюст сидел, отвернувшись к стене и покусывая ноготь большого пальца.

– Ты считаешь их преступниками? Антуан! – крикнул Лежен, не дождавшись ответа на свои вопросы.

– Возможно, ты прав, Огюстен, – Сен-Жюст, наконец, повернулся к другу. – Мы караем слишком многих. Но опасность велика, и мы не знаем, куда именно ударить, чтобы уничтожить ее. Слепец, ищущий булавку в куче песка, неизбежно зачерпывает песок.

Он проговорил эти слова так просто, даже плечами пожал, расписываясь в полном бессилии перед превратностями судьбы, что Лежен растерялся. Почему Сен-Жюст не вспылит? Почему не выдаст ему арсенал готовых фраз и формул, против которых Огюстен уже приготовился сражаться? Почему не закричит, что Лежен говорит, как враг народа? Откуда это смирение, эта пассивная покорность обстоятельствам? И тут Лежен понял, что в словах друга содержался мимолетный намек, мысль, которая не была произнесена, но которую он уловил как бы «между строк»: Сен-Жюст признал поражение, согласился с тем, что ситуация зашла в тупик, и опустил руки.

– Нельзя и дальше продолжать наказывать их, – неуверенно проговорил Лежен, надеясь задеть живую струну в душе друга, ту самую струну, которую, как ему показалось, он только что услышал.

Но нет, он вновь натолкнулся на твердую стену непреклонности.

– Мы будем наказывать их до тех пор, пока республика находится на краю пропасти, – отрезал Сен-Жюст.

– Как же изменились твои идеалы, Антуан! – с досадой – скорее, на самого себя – вскричал молодой человек. – В 1790-м ты ни за что не сказал бы столь жестоких слов!

– Мои идеалы не изменились, они лишь предстали предо мной в ином свете. Видишь ли, Огюстен, с вершины пирамиды все видится иначе, чем у ее основания.

Лежен собрался возразить, но Сен-Жюст опередил его:

– Республика находится в чрезвычайном положении, которое требует чрезвычайных мер. Пора бы тебе уяснить это. Каждое преступление, наносящее вред республике, должно и будет караться смертью. Таков суровый закон вещей, Огюстен. Не мы изобрели его.

– Ты возводишь в ранг преступлений деяния, которые ни один справедливый закон преступлением не считает.

– Мы подчиняемся только одному закону – благу республики. И это благо требует суровых кар, пусть даже они непропорциональны проступкам. Достаточно жестоко наказать одно преступление, чтобы предотвратить десятки, сотни других.

– Заблуждаешься! Тысячу раз заблуждаешься! – вскричал Лежен. – Наказание невинных нисколько не испугает преступника, скорее наоборот, внушит ему еще большую дерзость, ведь, занимаясь ничтожными проступками, правосудие попустительствует настоящим преступлениям.

– Твои слова не только ошибочны, но и опасны, Огюстен, – Сен-Жюст поднялся и оказался лицом к лицу с другом. – Постарайся держать свои теории при себе. Услышь их кто-нибудь другой, мне очень трудно будет убедить Комитеты в твоём патриотизме. Покончим с этим разговором, который ни к чему не ведет, лишь настраивает нас друг против друга. Я уже имел неосторожность потерять дружбу Леба, которая была мне очень дорога. Не хотелось бы повторить ошибку с тобой. Займемся более неотложными делами, чем дискуссия о материях, о которых каждый из нас имеет свое представление. Впрочем, я убежден, что со временем и опытом ты придешь к тому же, к чему пришел я: при столкновении с реальностью любая самая прекрасная теория неизбежно рушится, превратившись в пепел, или, в лучшем случае, претерпевает столь серьезные изменения, что становится неузнаваемой.

– О какой именно реальности ты говоришь, Антуан? – не унимался Лежен, расхаживая по комнате и размахивая руками, подобно ветряной мельнице. – Боюсь, что наше представление о «материях», как ты изволил выразиться, отличается лишь потому, что мы по-разному видим реальность. В твоём представлении Франция населена врагами, только и ждущими удобного момента, чтобы уничтожить республику. Я же считаю, что эти враги – призраки, живущие исключительно в твоём воображении. В погоне за химерами ты потерял трезвый взгляд на вещи.

– Ах вот оно что! – вскричал Сен-Жюст. – Так, по-твоему, мой милосердный друг, республика не подвергается ни малейшей опасности?! По-твоему, нам следует немедленно распахнуть тюрьмы и уничтожить Революционный трибунал, который, по твоему утверждению, занимается лишь тем, что приговаривает к смерти ни в чем не повинных людей?! Осторожно, Огюстен: последним, кто вел подобные речи, был Жорж Жак Дантон!

– Ты угрожаешь мне?! – Лежен ошарашенно взглянул на друга.

– Я предостерегаю тебя от непоправимых ошибок, которые ты можешь совершить по неосторожности, движимый своим обычным энтузиазмом. Этот же энтузиазм ослепляет тебя, мешая видеть реальность. Ту самую реальность, которую ты по неведению назвал призраком, хотя она вот здесь, прямо у тебя под носом, несчастный слепец! И реальность эта такова, что кто-то из Комитета общественного спасения – скорее всего, один из его членов – поставляет в Англию документы, содержащие государственные секреты. Нам удалось захватить английского шпиона, при котором были найдены копии этих документов. Но я не настолько наивен, чтобы полагать, что это единственный случай и единственный шпион, работающий в Париже. Опасность здесь, Огюстен, на расстоянии вытянутой руки, – Сен-Жюст вытянул вперед правую руку. – Она реальна, как никогда, а мы блуждаем во тьме, как слепые котята, не зная, где затаился дракон, готовый пожрать нас. Вот, что представляет собой реальность, в которой мы живем и которую ты предпочитаешь не замечать. Я не угрожаю тебе, потому что ни мгновения не сомневаюсь в твоей искренней любви к отечеству, но прошу оставить милосердие до более спокойных времен. Мы не имеем права быть милосердными, Огюстен, как бы ни больно нам было применять суровость.

Он всегда побеждает, ворчал на себя Лежен, покидая квартиру Сен-Жюста. У него всегда найдутся десятки аргументов против одного твоего, а ведь он не прав. Лежен был уверен, что

где-то прячется тот червь ошибки, что подгрызает каждую из стройных теорий Сен-Жюста. В чем-то очень важном, самом важном Сен-Жюст не прав, потому что прав он, Огюстен Лежен, прав, потому что на его стороне милосердие, любовь, добро, потому что только добром можно построить счастье народа, потому что только милосердие может привлечь людей в лоно республики. Пусть Сен-Жюст едет в свою армию, рассерженно заключил Лежен, пусть насладится свистящими пулями (Впрочем, усмехнулся молодой человек, два года служивший отечеству на поле боя, под пули Сен-Жюст не ползет.)! Армия просветлит его мысли и заставит иначе взглянуть на человеческие жизни, которыми он так легко швыряется здесь, в Париже. А пока Сен-Жюст будет добывать себе ратную славу, он, Лежен, займется Бюро общей полиции без присмотра друга и превратит его в орган милосердия и справедливости. Правда, есть Робеспьер. Но с Робеспьером, возможно, будет проще договориться, да и времени вникать в каждый частный случай у него, скорее всего, не найдется. А когда Сен-Жюст вернется в Париж, перед ним предстанет истинное правосудие, такое, каким оно должно быть, каким всегда виделось Лежену, о каком он мечтал и построить которое ему было дано самой судьбой!

10 флореаля II года республики (29 апреля 1794 г.)

Целую неделю после разговора с Вадье и Амаром в Комитете общей безопасности Барер не знал покоя. Страх, перешедший в уверенность, что вот-вот старик обнаружит, в чьем распоряжении находились документы, копии которых нашли у Стаффорда, лишил его безмятежного сна. Мысли Барера были обращены к одному-единственному вопросу, в ответе на который он надеялся обрести спасение от чудовищных обвинений, готовых, по его убеждению, обрушиться на него в любую минуту: *кто* мог завладеть документами из его портфеля и скопировать их для передачи англичанам? Среди кого ему следует вести поиски? Среди секретарей и редакторов Комитета общественного спасения? Среди собственных коллег по Комитету? Или искать нужно еще ближе, среди друзей и любовниц? На этой мысли Барер и споткнулся, осененный страшной догадкой, которую он гнал от себя, но которая неизменно возвращалась, отравляя те немногие сладостные минуты, которые он проводил в обществе обожаемого существа.

Впервые о том, что однажды оставил портфель в будуаре прекрасной Софи, Барер вспомнил через день после разговора с Вадье, когда любовался сзади на обнаженные плечи и шею мадам Демайи, которая, что-то негромко напевая, собирала перед зеркалом непослушные пряди волос, втыкая в них одну шпильку за другой. Он сам не понял, почему именно в этот момент его мысли перенеслись к тому вечеру, когда он, вняв мольбам возлюбленной, пришел к ней с намерением поработать и принес портфель с документами. С какими именно? Этого он уже не помнил. Не исключено, что там находились именно те бумаги, копии которых затем оказались в кармане английского агента. Это открытие потрясло Барера до такой степени, что он буквально сбежал из дома любовницы и с тех пор не мог заставить себя вернуться туда. Софи заваливала его нетерпеливыми письмами, то требовательными, то просящими, присылала за ним слугу, однажды даже приехала сама, но Барер всегда находил предлог, чтобы ответить отказом на ее приглашения, а когда, три дня назад, она впорхнула в его квартиру, велел камердинеру сказать, что его нет дома.

Прежде чем вновь впустить Софи в свою жизнь, решил Барер, он должен либо получить неопровержимые доказательства ее невиновности, чтобы перестать видеть ложь в каждом ее жесте, либо иметь твердое подтверждение ее преступления, чтобы обвинить в предательстве не только отечества, но и лично его, Бертрана Барера. На шестой день он не выдержал пытки неизвестностью и отправил к Верлену посыльного с просьбой прийти как можно скорее.

Тот не заставил себя ждать и явился немедленно, доставив посыльного в своем экипаже.

– Разве ты не должен проводить свой редкий выходной в объятиях моей драгоценной супруги? – сарказм, прозвучавший в вопросе Верлена, заставил Барера задуматься, с таким ли равнодушием тот наблюдал за романом друга с женой, как хотел показать.

– Разве она не жаловалась тебе на мое отсутствие? – в тон ему спросил член правительства.

– Жаловалась, – признался Верлен, жестом отклоняя приглашение Барера наполнить бокал вином. – Но я списал это на твою занятость. Или я ошибся?

– Ошибся. Садись, нам надо поговорить.

– В чем дело, Бертран? – насторожился Верлен. – Что-нибудь случилось?

– Случилось. Сядь, Эжен, прошу тебя.

Верлен подчинился.

– Кажется, я знаю, кто передал англичанам документы, – Барер не мог больше подавлять нетерпение и перешел сразу к делу.

– *Кажется?* – переспросил Верлен, не спуская пристального взгляда с собеседника.

– У меня нет доказательств, но даже без них я уверен в своих подозрениях.

– И кого же ты подозреваешь?

– Твою жену.

– Софи?! – Верлен подался вперед, прекрасно изобразив удивление, хотя был готов именно к такому ответу и даже удивлялся, что Барер не догадался раньше. Или не хотел делиться догадкой? – Ты ошибаешься! – воскликнул он на всякий случай, стараясь придать своему возмущению как можно больше естественности.

– Боюсь, что нет, – хмуро отозвался Барер. – И пока я не получу доказательств обратного, ноги моей не будет в ее доме. Тебе удалось что-нибудь разузнать?

– Не так уж и много. Да и что именно я смог бы узнать? Не думал же ты, в самом деле, что я в одиночку выслежу шпиона англичан в Комитете общественного спасения?! Но одно я знаю наверняка, Бертран: Софи тут ни при чем. Она ни за что не предала бы тебя. Да и с Гренвиллом она порвала, получив твои шестьдесят тысяч.

– Ты сам не веришь тому, что говоришь, Эжен, – с грустным упреком произнес Барер. – Тебе лучше, чем кому-либо другому известно, с какой скоростью Софи тратит деньги. Но дело даже не в этом. Я перебрал десятки вариантов, вспоминая, когда и у кого могли оказаться эти бумаги, и каждый раз мысли мои возвращались к Софи. Дней пятнадцать назад я пришел к ней с документами, думая поработать, но почти сразу уснул. У нее была целая ночь, чтобы скопировать несколько страниц.

– Ты уверен, что пришел к ней именно с *этими* бумагами?

– Не уверен, хотя не припомню, чтобы оставлял портфель где-либо еще. Кроме Комитета, разумеется, но там...

Слово было сказано, и Верлен мгновенно ухватился за шест, протянутый ему Барером.

– К этому же выводу пришел и я, Бертран! – вскричал молодой человек, хлопнув ладонями по позолоченным подлокотникам, и в порыве энтузиазма вскочил с кресла. – Ты ведь должен был неоднократно оставлять бумаги в Зеленой комнате.

– Действительно, иногда я отлучался, оставляя документы на столе, – согласно кивнул Барер, – но так поступаем все мы. Зеленая комната никогда не пустует, нам нечего опасаться.

– Кроме самих себя, – подсказал Верлен.

– В Комитете нет врагов республики, – строго заметил Барер.

– Зато там имеются *твои* враги. Разве республика пострадала от того, что документы были найдены у арестованного англичанина? Пострадала лишь твоя репутация, Бертран. Так что вместо того, чтобы подозревать бедняжку Софи, которая на этот раз ни в чем не повинна, тебе следовало бы обратить внимание на того, кому выгодно уничтожить твой авторитет и твое влияние в Комитете. На Сен-Жюста, например, – подсказал он, поймав настороженно-вопросительный взгляд Барера.

– Опять ты за свое! – с раздражением вскричал депутат. – У Сен-Жюста нет ни малейшей причины расставлять мне ловушку, он нуждается в моей поддержке против Бийо и Колло в свое отсутствие. Спешу напомнить, что не далее как этим утром они с Леба укатали на Север на неопределенный срок, который, уверен, одним месяцем не ограничится. У Сен-Жюста сейчас другие заботы, чем строить капкан, в который, по твоим словам, он желает меня загнать.

– Одно другому не мешает. Дело передано в Комитет общей безопасности, так что теперь право раскрыть информатора англичан будет принадлежать Вадье. Сен-Жюст, как всегда, останется в стороне. А между тем начатое им дело получит предсказуемое продолжение и желаемый результат – твою дискредитацию.

Барер скептически покачал головой, а Верлен, тем временем, принялся излагать свою теорию:

– Ты сам несколько дней назад, рассказывая об аресте английского агента, упомянул, что вся эта история может оказаться провокацией, подстроенной Сен-Жюстом. Отметил ты и то, что донос, благодаря которому был схвачен шпион, видел только он. Я долго думал об этом, Бертран, и пришел к выводу, что твое предположение, показавшееся мне сперва безумным,

представляется, по трезвому размышлению, не лишенным смысла. Не потому ли Сен-Жюст отказался показать вам донос, что доноса не было вовсе?

– Твоя теория писана вилами на воде, – устало отмахнулся Барер. – Прежде чем допустить, что документы англичанам передал Сен-Жюст, – что само по себе граничит с абсурдом, – надо доказать, что он вступил в контакт с агентом вражеской разведки. А это уже выходит за рамки разумного. Что до доноса, то никто и не просил его предъявлять бумагу. Нас куда больше интересовал шпион, чем донесший на него. Так что я ни за что не поверю, что Сен-Жюст имеет какое-либо отношение к этой истории.

– Откуда у тебя такая уверенность?

– Он не станет мараться столь низкой провокацией.

– В самом деле?! – довольно хохотнул Верлен. – А убийство твоего агента? А королевские драгоценности, которые оказались в Консьержери благодаря его стараниям? Это тоже недостойно благородного Сен-Жюста? Ты готов подозревать в предательстве Софи, но категорически отметаешь подозрения от единственного, кому было выгодно опорочить тебя!

Барер неподвижно сидел в кресле, сложив ладони перед собой в молитвенном жесте и неотрывно смотрел на застывшие стрелки каминных часов, показывавшие начало первого.

– Что ты накопал о Стаффорде? – спросил он после долгой паузы.

– К сожалению, немного. Он не пробыл в Париже и трех дней, когда за ним пришли агенты Комитета. За это время, согласись, обширными связями не обрассешь.

– Зачем он приехал во Францию?

– За бумагами. За чем же еще?

– Но с кем-то он все-таки встречался в эти три дня? – настаивал Барер.

– Встречался, конечно. С лордом Малсбюри, своим старинным приятелем, мизантропом и оригиналом, колесящим по свету и тратящим немалое состояние на лошадей и произведения искусства, которые он отправляет в свой лондонский дом, где появляется время от времени на несколько дней, прежде чем укатить в очередное путешествие. Сейчас он, разумеется, живет в Париже. Где еще он скупит столько дорогостоящих шедевров, которые республика распродает с торгов по дешевке, чтобы одеть и накормить свои многочисленные армии?

– Ты знаком с этим Малсбюри? – спросил Барер.

– Мы встречались пару раз в Лондоне и Париже. Он перекупил прекрасного скакуна, которого я присмотрел для себя.

– Он может быть как-то связан с английским кабинетом?

– Кто – Малсбюри?! – Верлен весело рассмеялся столь нелепому предположению. – Исключено. Ему слишком покойно живет на свете, чтобы обременять себя ненужными заботами.

– А Софи с ним знакома? – Барер бросил на друга цепкий взгляд, заставивший того отвернуться.

– Полагаю, тебе лучше спросить об этом у самой мадам Демайи, – Верлен перешел на тон небрежной иронии, который принимал всякий раз, как разговор касался Софи. – Но уж коли ты хочешь знать мое мнение... – добавил он, смутившись под неуютно-тяжелым взглядом депутата. – Возможно, что знакома. Во всяком случае, она бывала в Лондоне в тех же домах, что посещал Малсбюри во время своих коротких визитов на родину. Они могли встречаться.

– Они продолжают свои встречи в Париже? – Барер буравил собеседника взглядом.

– Не знаю... не думаю... Вернее, думаю, что нет... Я бы знал, принимай его Софи в своем доме.

– А где проживает твой мизантроп?

– У него особняк в Пасси. Впрочем, недавно он покинул Париж. Кажется, отправился в Венецию.

– Ах вот как. Уехал. Надолго?

– Сказал, что навсегда. Он прислал мне прощальную записку с приглашением навестить его, если судьба забросит меня в Светлейшую Венецианскую республику.

– Виделись пару раз – и лорд присылает тебе прощальное письмо? – язвительно заметил Барер. – Крайне любезно с его стороны.

– Я уступил ему роскошного арабского скакуна. Это кое-чего стоит.

Барер ничего не ответил, снова погрузившись в раздумья.

– Уехал сразу же после того, как схватили Стаффорда... – пробормотал он, обращаясь, скорее, к самому себе, нежели к Верлену.

– Я тоже, на его месте, поспешил бы покинуть Францию, узнай, как республика собирается расправиться с проживающими на ее территории англичанами. Ведь именно такой проект декрета оказался в руках Стаффорда, если мне память не изменяет?

– Полагаешь, Стаффорд показал Малсбюри бумаги?

– А как бы ты поступил на его месте? Он предупредил соотечественника об опасности. Вполне разумный и благородный поступок.

– Допустим. А что Софи? Она знакома со Стаффордом? Если она встречалась в Лондоне с Малсбюри, она могла встречаться и со Стаффордом.

– Могла, – согласно кивнул Верлен. – Но если ты будешь подозревать ее во всех смертных грехах лишь потому, что ей пришлось несколько месяцев вращаться в высшем обществе Британии, тебе лучше немедленно порвать с ней отношения, Бертран. Ты сам помог ей перебраться в Лондон, и тебе известно, что отправилась она туда не по своей воле. Ты должен либо поверить ей, либо оставить ее навсегда.

– Если бы я только мог поверить ей! Если бы я только мог оставить ее!

Барер произнес эти слова с такой горечью, что Верлен, забыв ревность, которая, отказываясь подчиняться воле, жгла его изнутри, взглянул на друга с искренним сочувствием.

– Я дам Софи еще один, последний шанс. И горе ей, если она обманет мое доверие! – Барер поднялся с видом человека, разрешившего давно мучивший его вопрос, но не получившего ожидаемого удовлетворения. – Хотя и знаю, что совершаю огромную ошибку, возможно, роковую.

11 флореаля II года республики (30 апреля 1794 г.)

Шум игорного зала не позволял вести серьезных разговоров. Впрочем, говорили здесь мало. Беседы уступили место выкрикам чисел и сумм, воплям радости или отчаяния, позвякиванию фишек и монет, шелесту ассигнатов и пьяной ругани проигравшихся неудачников.

В Пале-Рояле, окрещенном с началом революции Дворцом равенства, Шарль де Лузиньяк чувствовал себя, как рыба в воде. Известный всем крупье и официантам как удачливый – и потому щедрый – игрок, он пользовался особым отношением у тех, кто управлял игрой, и неизменно получал привилегированное место даже за теми столами, вокруг которых выстраивалась плотная стена игроков и зевак.

Но везло Лузиньяку не всегда. Бывали дни, переходящие в недели, когда он проигрывал тысячи, десятки тысяч ливров за ночь и уходил из Пале-Рояля в прескверном расположении духа, развеять которое могли лишь прекрасные дамы полусвета, заполнявшие игорные залы и рестораны этого храма веселья и кутежа. В такие дни он без труда находил утешение в нежных продажных объятиях, за которые платил с не меньшей щедростью, чем за дорогое шампанское и изысканные закуски.

В удачные же дни, которых, к счастью, было куда больше, Лузиньяк сгребал золотые монеты с небрежностью человека, даже несколько раздраженного необходимостью обременять себя тяжелой ношей, и покидал Пале-Рояль в одиночестве, в собственном экипаже, ожидавшем хозяина за углом, на улице Закона. В эти ночи в своем особняке на аллее Сен-Жермен-ан-Лэ он не появлялся, проводя их в обществе более изысканных дам, чем готовые на все девицы полусвета.

Сегодня ему везло. Рулетка словно подстраивалась под выбор Лузиньяка, трижды за вечер выигравшего на двойном зего, что каждый раз увеличивало ставку в 36 раз. Когда шустрый шарик, подпрыгнув, снова опустился в ячейку «00», по столпившейся у стола группе нарядных мужчин и женщин пронеслось восторженно-завистливое «ах!», а Лузиньяк, небрежно взмахнув рукой, велел крупье собрать фишки и обменять их на золото, которое тот передал счастливчику в кожаном мешочке.

– На сегодня все, – попрощался Лузиньяк, поднимаясь и ловя на себе несколько томных и зовущих женских взглядов. – Честь имею.

Официант немедленно подскочил к нему и услужливо отодвинул стул, поинтересовавшись, будут ли какие распоряжения.

– Что там за шум? – Лузиньяк кивнул в сторону карточного стола, откуда раздавались пьяные крики, то и дело перекрываемые дружным хохотом.

– Один бывший виконт, как он себя именует, веселит толпу байками из прежней жизни, – презрительно скривился официант. – Он уже второй день проигрывается. Забавный тип. Все кричит, что лучше спустит тут свое состояние, чем позволит бандитам из революционных комитетов наложить руку на его деньги после ареста. Сам под нож лезет, идиот.

– Повезливей с клиентами, – строго приказал Лузиньяк. – Разгреби-ка мне местечко за столом. Давненько не приходилось встречать таких отчаянных смельчаков.

«Местечко» было предоставлено немедленно, и Лузиньяк, вложив в руку официанта серебряную монету, опустился на предоставленный ему стул, прямо напротив шумного виконта.

– А, еще один франт пожаловал! – воскликнул тот, завидев Лузиньяка. – Пришел послушать мои историйки? Ну-ну, валяй, прочищай уши, потому что мне есть что порассказать!

– Эй ты, не забывай манеры! – прикрикнул на него один из служащих игорного дома. – Иначе выставим тебя за милую душу.

– Не выставите, – хихикнул бывший виконт и подмигнул Лузиньяку, который, казалось, совершенно не обиделся на хамоватые речи подвыпившего игрока. – Я умею хорошо проигрывать. Так что вы будете меня терпеть до тех пор, пока я не просажу все свое состояние. А состояние у меня – дай Бог каждому!

– Оно и видно, – шепнул кто-то за спиной Лузинька. – Только за сегодняшний вечер он просадил не менее ста тысяч.

Лузиньяк в удивлении обернулся на говорившего и поймал согласные кивки окружающих.

– Я видел Пале-Рояль в лучшие времена! – продолжал кричать виконт, ослабляя тугой галстук и расстегивая верхние пуговицы рубашки с несвежим воротом. – Во времена Филиппа Орлеанского, продавшегося революции и прозвавшего себя, как и свой вертеп, господином Равенство! Равенство! Черта-с два, равенство! Этот негодяй думал посадить свою жирную задницу на французский престол, завел дружбу с Мирабо, Робеспьером и прочими революционными подонками. А что потом? Познакомился с национальной бритвой – да и плюнул в корзину! – пьяный смех бывшего виконта был подхвачен разряженной публикой. – А стриг бы ассигнаты со своих игорных домов, может, и жил бы до сих пор припеваючи! Поделом ему, предателю!

– Полегче бы он, – сосед Лузиньяка с осуждением покачал головой. – Тут комитетских согладатаев не сосчитать.

– Это точно, выставить бы его восвояси, – подхватила его спутница, сверкая глубоким декольте и фальшивыми изумрудами. – Пусть сперва проспится.

– Пускай болтает. Нам-то что? – отозвался толстяк с блестящей лысиной и багровыми, как две вишни, щеками. – Он себя давно в покойники записал. Пусть выговорится, а мы послушаем.

– Я тут такое повидал, – орал виконт, залпом опорожня полный до краев бокал красного вина, – что вы и вообразить не можете! Весь цвет нашей славной революции кутил за этими столами в славных восьмидесятих! Все, все они тут пытались свое счастье, пока не разбрелись по трибунам да клубам, пока не заперлись в свои кабинетах и не стали рубить головы тем, кто выигрывал у них последние монеты!

Возбужденный гул был ответом на дерзкие слова. Лузиньяк слушал с серьезным видом, чуть нахмурив брови, отчего над переносицей наметилась вертикальная складка.

– Ты что, не веришь мне?! – вскричал раскрасневшийся от вина и возбуждения виконт, ткнув пальцем в сидевшего напротив Лузиньяка. – Ты не веришь мне, да? Не веришь! А ведь все, что я говорю, истинная правда! – он взмахнул рукой и задел пустой бокал, стоявший рядом с ним. – Черт!

– Официант! – позвал Лузиньяк крутившегося вокруг стола прислужника. – Угости господина виконта лучшим вином. За мой счет.

– А вот это разговор! – виконт доброжелательно подмигнул новому приятелю. – Ты мне сразу понравился. Явно из наших, из бывших. Но тсс, это тайна, никому ни слова. Ты ведь, как я понимаю, здесь не затем, чтобы спустить свое состояние, а затем, чтобы его приумножить. Удачный день, да? Это хорошо. У меня тоже были удачные дни, тогда, в 89-м, когда еще никто не подозревал, что все это так кончится. Тогда мы все кричали «Да здравствует свобода!» А чего кричали-то? Свобода от кого, от чего? Какой свободы нам не хватало? Свободы вешать на фонари несчастных, подвернувшихся под руку разъяренной толпе? Или резать десяток человек в день на площади Людовика XV, как на скотобойне? Вот до чего нас довела свобода!

– Он явно душевнобольной, – вздохнула дама средних лет прямо на ухо Лузиньяку. – Не надо бы ему больше пить. Бедняга!

– Ваше здоровье! – виконт поднял поданный официантом бокал.

– Повтори! – приказал Лузиньяк официанту.

– Что за человек! – растроганный виконт театральным жестом смахнул со щеки воображаемую слезу. – Что за щедрость! Я и сам мог бы оплатить хоть ящик этого пойла, но коли тебе хочется быть благодетелем, почему не доставить удовольствие хорошему человеку? Тебе, видно, нравятся мои истории, да?

– Ну, пока мы не услышали ни одной истории, – Лузиньяк невинно пожал плечами. – Так, треп пьяного неудачника.

– Ах, вот, значит, как! – виконт в возмущении вскочил на ноги, но тут голова у него закружилась, и он снова опустился на стул. – Значит, я – пьяный неудачник?! Значит, потвоему, мне и рассказать-то нечего?! Ну, слушай! Слушайте все!

Он саданул кулаком по зеленому сукну, привлекая всеобщее внимание, которое и без того было полностью поглощено им.

– Я видел здесь Дантона, того самого великого Дантона, чей голос громышал с трибуны Конвента и Якобинского клуба. Проигрывая, он изрыгал здесь те же площадные проклятья, что и на пути на эшафот. А проигрывал он часто. Сперва ставил по двадцать-тридцать ливров, затем перешел на сотни, а в момент своей наивысшей славы дошел до тысяч. Он всегда проигрывал, а через пару дней возвращался с карманами, полными денег. Ничего удивительного, что его в итоге обвинили в коррупции!

Рассказчик умолк, но лишь на мгновение, понадобившееся ему, чтобы промочить горло.

– Неси еще! – крикнул он, опорожнив бокал. – Везунчик платит! – и заговорщически подмигнул Лузиньяку, который ответил коротким кивком на вопросительный взгляд официанта. – А однажды, – продолжал виконт все более заплетающимся языком, – за пару месяцев до штурма Бастилии, здесь появился молодой человек, совсем мальчик, стройный, красивый, очень бойкий и крайне тще... – он неприятно икнул, – ...славный. Он играл не много, но каждый раз делал ставки с таким видом, словно сама его жизнь зависела от поворота рулетки. На вид ему было не больше семнадцати, но он заверял, что ему скоро двадцать два, а когда его поднимали на смех, обижался и клялся, что мы скоро о нем услышим. И точно, услышали, – виконт криво усмехнулся и сделал короткий глоток вина, выхватив бокал прямо из рук официанта. – И про свои двадцать два он не наврал, ведь через три года вошел в число депутатов Конвента, а избирательный возраст у нас – двадцать пять лет. Что до того, что мы о нем услышим... Услышали, да еще как услышали, черт бы его поб... – он снова икнул и устремил помутневший взгляд на сидевшего напротив Лузиньяка, единственного, кто слушал пьяные речи виконта с напряженным вниманием, точно старался выгравировать в памяти каждое сказанное им слово. – Ведь звали его Луи Антуан Сен-Жюст! Правда, тогда он очень настаивал на маленьком *де* перед своей фамилией. Это самое *де* вместе с его миловидной физиономией с ума сводило актрисулেক, что вечно крутятся в Пале-Рояле в поисках богатого ухажера или просто бесплатного развлечения. Они так и вились вокруг... вокруг него... – рассказчик вдруг сник, будто забыл, о чем говорил, и вопросительно посмотрел на Лузиньяка, явно ожидая от него подсказки.

– Ну, вились актрисульки вокруг Сен-Жюста. Дальше что? – хохотнул кто-то из слушателей.

– Ах да... – спохватился пьяный и даже как будто просветлел. – Он тоже, надо признать, не сильно тяготился их вниманием... Они даже денег от него не ждали, довольствовались... довольствовались, – с невероятным усилием выговорил он сложное слово отказывавшимся подчиняться ему языком, – его благосклонностью. И была среди них одна, которая...

Тут виконт замолчал, окончательно утомившись речами и выпитым вином. Его голова тяжело опустилась на сукно игрального стола и осталась лежать неподвижно.

– Вот и кончились занимательные истории, – усмехнулся кто-то за спиной Лузиньяка.

Толпа у карточного стола начала постепенно рассеиваться, и вскоре за ним остались лишь пятеро игроков, вынужденных прервать игру из-за выходки бывшего виконта, Лузиньяк и спящий рассказчик.

– Продолжим, граждане, – предложил крупье, беря в руки колоду.

Лузиньяк поднялся и, подзвав официанта, протянул ему пару ливров, велел позаботиться о том, чтобы пьяный виконт был доставлен в экипаж, ожидавший на углу улицы Закона. Двое крепких служителей игорного дома тут же подхватили под руки обмякшее тело и потащили к выходу. Лузиньяк с невозмутимым видом шагал за ними, крутя между пальцами кожаный шнурок мешочка, в котором покоился его сегодняшний выигрыш.

– Поезжай к набережной, – скомандовал он кучеру. – Да не торопись, а то беднягу совсем укачает.

Экипаж остановился у низкого правого берега Сены, чуть в стороне от павильона Равенства, примыкавшего к Малой галерее, окна которой ярко горели, выделяясь четырьмя прямоугольниками на фоне фасада, погруженного в крошечную тьму. Члены Комитета общественного спасения продолжали свои ночные бдения.

Прохладный ветерок, идущий от реки, освежил пьяного виконта. Он вдыхал его жадными легкими, стоя на коленях у воды. Лузиньяк прохаживался у него за спиной, сложив руки за спиной и время от времени бросая короткие взгляды на виконта. Вдруг его слуха достиг неприятный горловой звук: рвота заставила виконта опереться одной рукой на землю перед собой. Спустя несколько минут он поднялся, отер рот носовым платком, извлеченным из кармана панталон, и взглянул на своего благодетеля подозрительным и совершенно трезвым взглядом.

– У вас есть вода? – спросил он хрипло.

– Дай ему воды, – велел Лузиньяк кучеру. – Теперь легче? – заботливо спросил он, подходя к спутнику и забирая флягу из его рук.

– Легче. Что вам от меня нужно?

– Мне?! – расхохотался Лузиньяк. – Помилуйте, что же мне может быть от вас нужно? Я лишь счел своим долгом помочь вам, виконт.

– Поостерегитесь титулов, – с еще большим подозрением пробормотал протрезвевший пьяница, внимательно осматривая стоявшего перед ним франта, облаченного в безупречный темно-малиновый сюртук, плотно облежавший его стройную фигуру, бежевые панталоны и мягкие сапоги, обтягивавшие икры. Ворот его рубашки был распахнут, и короткий черный галстук свободно болтался вокруг шеи.

– Мы одни, – улыбнулся Лузиньяк уголками губ. – Со мной вам нечего опасаться.

– А вот я так не думаю. Так что вам нужно? Зачем вы притащили меня сюда?

– Интересную историю вы рассказали. Хотелось бы услышать продолжение.

– Историю? – виконт наморщил лоб. – Какую историю?

– Об одном галантном молодом человеке, любителе актрис и конвентских выступлений.

Виконт потер ладонью влажный от пота лоб и сокрушенно покачал головой, словно упрекая себя в чрезмерной болтливости.

– Полноте, виконт! – Лузиньяк приятельски хлопнул его по плечу. – Ничего опасного вы не разболтали, так, водевили да сплетни.

– Какого же черта вам тогда понадобилось продолжение?

– Болезненное любопытство, – Лузиньяк простодушно улыбнулся и развел руками. – Ничего не могу с ним поделать. Да и мы с вами уже не чужие друг другу люди. Как бы там ни было, а мое вмешательство сохранило солидную часть вашего состояния.

– Надолго ли? – усмехнулся виконт, опускаясь на землю. – Завтра приду проигрывать то, что не проиграл сегодня. Этим прожорливым крысам из Комитетов ничего не достанется!

– Вы так уверены в скором аресте?

– Я хочу покончить со всем этим как можно скорее.

– С чем – *этим*? – не понял Лузиньяк.

– Не могу видеть, как Франция катится в тартарары, как мои друзья, родные, даже мои любовницы ежедневно поднимаются на эшафот, как дворцы превращаются в склады, а церкви – в амбары и тюрьмы, как колокола идут на пушки и семнадцатилетние парни отправляются на фронт.

– И единственный способ спасти Францию вы видите в собственной гибели? – улыбнулся Лузиньяк.

– Я не могу спасти Францию, так не лучше ли... – он не договорил и опустил голову на руки.

Лузиньяк нетерпеливо передернул плечами и с легким раздражением человека, чувствующего, что напрасно теряет время, проговорил:

– У вас достаточно средств, чтобы купить паспорт и покинуть столь ненавистную вам республику. А дальше вы свободны распоряжаться своей жизнью на благо Франции и на гибель революции.

Виконт поднял голову и с недоверием взглянул на возвышавшегося над ним щеголя.

– Отправляйтесь в Кобленц, предложите свою шпагу австрийцам или бежавшим французским принцам. Все лучше, чем бесполезно проматывать состояние, накликаая на себя арест.

– Вы, действительно, можете помочь мне получить паспорт? – спросил виконт.

Лузиньяк кивнул:

– При условии, что вы удовлетворите мое любопытство.

– Что вам интересно знать? – виконт поднялся и стряхнул землю с колен.

– Думаю, нам спокойнее будет поговорить в моем экипаже, – предложил Лузиньяк. – Куда прикажете вас доставить?

Когда через полчаса экипаж неторопливо подкатил к дому виконта, Лузиньяк получил ответы на все свои вопросы, включая имя красавицы, что пользовалась особым расположением двадцатидвухлетнего Сен-Жюста, и название театра, где она служила пять лет назад.

Ночь с 13 на 14 флореаля II года республики (2–3 мая 1794 г.)

Национальный театр Оперетты располагался в здании бывшего театра Итальянской комедии, на улице Фавар, не изменившей, в отличие от многих других улиц Парижа, своего названия с приходом революции. Шарль де Лузиньяк не любил водевилей и легкомысленных пьесок, хотя частенько проводил время с актрисами, выступавшими на парижских подмостках. То, что он никогда раньше не встречался с Луизой Ланж, было лишь досадной случайностью, которую он собирался исправить нынешним вечером.

Опоздав к началу представления, он устроился в тесной ложе в кричащих розово-алых тонах и навел лорнет на сцену, где три миловидных девушки, похожих друг на друга, словно сестры-близнецы, в украшенной искусственными цветами беседке исполняли веселую песенку о превратностях любви. Которая из них Луиза? Лузиньяк рассматривал девушек одну за другой, при ближайшем рассмотрении оказавшихся вовсе не сестрами, хотя грим, парики и идентичные платья затрудняли поиск различий. Понять, которая из трех пленила Сен-Жюста пять лет назад, было практически невозможно. Много ли надо неопытному юноше, вырвавшемуся из своей провинции в развращенный, агонизирующий город, каким была предреволюционная столица Франции весной 1789 года? Любая более или менее бойкая девица без труда завладела бы его сердцем.

Появившись в театре Оперетты с первыми аплодисментами поднимавшемуся занавесу, Лузиньяк велел отнести корзину с пятьюдесятью розами в ложу Луизы Ланж. К ручке корзины была привязана карточка с одной-единственной фразой: «С первого взгляда на вас я потерял свое сердце». Банально, пошло, но для двадцатилетней актрисульки средней руки вполне сойдет, рассудил знаток женских сердец.

Заклучив, что лишь зря тратит время в попытках угадать, которая из девушек крутила роман с Сен-Жюстом пять лет назад, Лузиньяк потерял интерес к происходящему на сцене и перевел лорнет на публику. Но не успел он выбрать мишень, долженствующую попасть под прицел его бинокля, как возбуждение в зале вновь привлекло его внимание к сцене. Это была *она*. Теперь Лузиньяк не сомневался, что перед ним именно та, что затмила всех остальных претенденток на благосклонность тщеславного юноши, явившегося в Пале-Рояль за приключениями и развлечениями. При более внимательном рассмотрении, в ней не было ничего необычного, ничего такого, чем не обладала бы еще добрая дюжина цариц парижской сцены. Красива – да. Но где вы видели уродливую, пусть и очень талантливую актрису? Грациозна – безусловно. Но грация – одно из самых распространенных достоинств служительниц Талии. Дерзка – и что с того? Он разглядывал движущуюся по сцене женщину с пристрастием работяги на невольничьем рынке – и не находил того, что заставило его вместе со всем залом издать вздох восхищения при ее появлении. Магия исчезла, но она, безусловно, была. Колдовство продолжалось не более трех секунд, но воспоминание о нем жило в памяти и сердце. Спустя несколько минут после своего триумфального явления Луиза Ланж превратилась в еще одну близняшку своих товарок по профессии, девушку с миловидной белокурой мордашкой и ясным, немного томным взглядом (результатом долгой тренировки), охотницу за богатыми кавалерами и дорогими подарками.

Оставшийся час с небольшим Лузиньяк не спускал глаз с Луизы, по достоинству оценив ее красоту, невинную и порочную одновременно, изящный изгиб шеи, ослепляющую и манящую улыбку и даже, к его немалому удивлению, актерскую игру. Луиза Ланж оказалась весьма недурной актрисой, способной, при благоприятном раскладе, со временем затмить саму мадам Ветри, звезду театрального Олимпа Французской республики.

Он прождал не меньше сорока минут, прежде чем заметил выходящую из театра хрупкую фигурку в серебристом атласном плаще, капюшон которого был наброшен на раскинувшиеся по плечам белокурые локоны.

– С первого взгляда на вас я потерял свое сердце, – с легким поклоном проговорил Лузиньяк, подходя к ней.

Невероятно: его поразило то же ощущение накатившего восторга перед этим существом, похожим вблизи, без грима и кричащего платья, на Венеру Боттичелли. Это чувство немедленно исчезло, обнажив ординарную миловидную девушку, но воспоминание о нем оставило в душе легкий трепет перед той, что вызвала его.

– Так это вы? – Луиза улыбнулась той же самой отрепетированной манящей улыбкой, которую Лузиньяк отметил во время спектакля. – Ваш букет стоил мне доброго десятка завистниц.

– Клянусь вам, мадемуазель, в мой расчет входило покорить лишь одно сердце, а не разбить многие.

Она окинула красивого и дорого одетого молодого человека оценивающе-жадным взглядом, немедленно уничтожившим ее сходство с Венерой, и ответила с поспешной легкостью:

– Оно ваше.

Все оказалось слишком просто, настолько просто, что Лузиньяк испытал разочарование: она не сочла нужным сопротивляться даже для виду. Похоже, измерив на глаз финансовое состояние и привлекательную внешность нового воздыхателя, Луиза побоялась отпугнуть его пусть даже показным сопротивлением. Такие любят получать желаемое немедленно, рассудила опытная охотница за кошельками и протянула руку, которую Лузиньяк бережно положил на свою, согнутую в локте, и повел ее к карете, одиноко стоявшей в отдалении.

В его залитом светом особняке она скинула атласный капюшон, с восторгом обводя взглядом фрески на потолке, отчего ее изящная шея красиво выгнулась, заставив Лузиньяка сглотнуть слюну вожделения. Он сам удивился нетерпению, с которым повлек ее в будуар, забыв о приготовленном охлажденном шампанском в гостиной, забыв о деле, ради которого затеял весь этот спектакль, потеряв голову, подобно неискушенному студенту при виде пышногрудой цветочницы. Луиза не сопротивлялась. Ее движения были точны, поцелуи безупречны, вздохи страстны, подрагивание век уместно. Лузиньяк не мог отделаться от мысли, что она любила его так, словно отрепетировала каждый жест, каждый стон, каждую ласку, и отыграла пьесу с тем же мастерством, что за пару часов до этого – спектакль на подмостках театра Оперетты. Но несмотря на ощущение искусственного совершенства, исходящего от Луизы Ланж, а возможно, именно благодаря ему, Шарль де Лузиньяк, знаток и любитель женщин, понял, что одной ночью с этой женщиной он не насытится. Связь, начатая им с целью обзавестись полезной информацией, грозила превратиться в наркотик, освободиться от которого будет непросто.

Утолив первый голод страсти, Лузиньяк набросил черный с золотой вышивкой шелковый халат и вышел в гостиную, откуда вернулся с двумя бокалами и серебряным ведерком, в котором, обложенная кубиками льда, стояла бутылка шампанского.

– Ммм, – Луиза сладко потянулась и устроилась с ногами на диване будуара, прикрывшись тонкой батистовой простыней. – Я как раз собиралась пожаловаться на жажду.

Приняв бокал с веселыми пузырьками из рук любовника, она с наслаждением закрыла глаза и приложила напиток к губам с почти религиозным трепетом, словно собиралась вкусить божественный нектар. Лузиньяк смотрел на нее со скупающим видом зрителя, пресыщенного пьесой с повторяющимися приемами.

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил он. Вопрос прозвучал грубо и немедленно нарушил созданную Луизой искусственную атмосферу слащавой пасторали.

– Двадцать три, – улыбнувшись, ответила она, взглянув на него без удивления или обиды, словно считала вопрос оправданным и справедливым.

– Значит, в восемьдесят девятом тебе было восемнадцать? – зачем-то уточнил Лузиньяк.

– Угу, – кивнула она, не отрывая губ от бокала с шампанским. И опять не удивилась.

– И что же ты подделывала в то славное время?

– То же, что и сейчас: играла в театре. Правда, тогда он назывался Театром итальянской комедии.

– И пила шампанское в обществе богатых поклонников, – добавил Лузиньяк.

– Ну, поклонники у меня тогда были не особо богатые, – доверчиво призналась она и улыбнулась странной, как будто извиняющейся улыбкой.

– А сейчас?

– Всякое бывает.

– Ты сохранила отношения с кем-то из своих бывших воздыхателей?

Тут Луиза, наконец, подозрительно покосилась на любознательного богача, развалившегося в кресле напротив и не спускавшего с нее немигающего взгляда холодных голубых глаз.

– Не слишком ли ты любопытен? – настороженно спросила она.

– Если хочешь часто бывать в моем доме, мне надо знать о тебе как можно больше. Я не привык делить женщин с другими мужчинами, так что если у тебя есть крепкие привязанности, наше знакомство ограничится сегодняшним вечером.

Похоже, перспектива «часто бывать» в доме Лузиньяка заинтересовала девушку: подозрительность исчезла с ее лица, уступив место пленительной улыбке, наиболее удавшейся за вечер.

– У меня нет крепких связей. Ни одно из моих увлечений пятилетней давности не получило продолжения.

– А ты желала бы продолжить некоторые из них?

Лузиньяк чувствовал, что вплотную подошел к интересовавшему его сюжету: еще немного – и она расскажет историю своих отношений с Сен-Жюстом до мельчайших подробностей. И он не ошибся. Луиза задумалась на долгое мгновение, отставила в сторону недопитый бокал и проговорила без былой игры, возможно, впервые с момента их знакомства:

– Разве только одно, – она помолчала. – Но с ним покончено, – снова пауза. – Не по моей вине, – она сама не знала, зачем добавила эти слова, ненужные и даже лишние.

Лузиньяк молчал, ожидая продолжения, которое не замедлило последовать:

– Ты знаешь депутатов Конвента? – щеки Луизы пылали то ли от выпитого шампанского, то ли от нахлынувших воспоминаний.

– Я стараюсь держаться подальше от этой публики, – легкое презрение в его голосе не ускользнуло от ее цепкого внимания.

– А я вот приблизилась к нему очень близко, даже не отдавая себе в этом отчета, но... – она театрально взмахнула тонкой ручкой, словно посылала кому-то прощальный знак.

– И кого же ты околдовала?

– Сен-Жюста, – вздохнула Луиза. – Впрочем, пять лет назад, когда я впервые увидела его, он не был ни знаменит, ни влиятелен, ни богат. Но я чувствовала, что впереди у него блестящее будущее, хотя вовсе не это привлекло меня в нем. Мы познакомились в Пале-Рояле, и меня сразу покорила его серьезный азарт, его убежденность, что шарик вкатится именно в ту лунку, что ему необходима, что следом выпадет именно та карта, что нужна ему для выигрыша. В нем было что-то от школьника и учителя одновременно. Странное сочетание, которого я больше ни в ком не встречала.

– И долго продолжалась ваша?.. – Лузиньяк замялся, подбирая слово. – Дружба, – насмешливо завершил он.

– Три-четыре месяца, пока он не вернулся в свою провинцию. Как же назывался его городишко? – девушка наморщила лоб и затрясла головкой, будто собиралась извлечь оттуда забытое слово. – Впрочем, неважно! – сдалась она. – Мы так весело проводили время! Кутили в

основном на то, что дарили мне ухажеры. Сен-Жюст пытался пристроить какой-то свой трактат, даже ходил к Камиллу Демулену. Он так восхищался им, называл величайшим журналистом нашего времени. Демулен обещал помочь с публикацией, но слова не сдержал. Сен-Жюст был страшно зол, хотел даже уничтожить рукопись, да я не позволила. А потом он уехал.

– И через пять лет отправил Камилла и его жену на эшафот, – пробормотал Лузиньяк.

Луиза ничего не ответила, возможно, не расслышав его слов, а возможно, мысленно с ними согласившись.

– Ты встречалась с ним после? – продолжил допрос Лузиньяк.

– Однажды, когда мы пошли смотреть, как рабочие разрушают Бастилию, Сен-Жюст поклялся мне, что вернется в Париж, покроет себя славой и женится на мне. Он говорил так убежденно, что я поверила ему. И верила до того самого дня, когда...

Она замолчала, отягощенная неприятными воспоминаниями, и тоскливо посмотрела на пустой бокал шампанского. Лузиньяк услужливо наполнил его снова. Луиза сделала пару глотков и задорно улыбнулась.

– К чему ворошить старые истории? – с наигранной веселостью проговорила она. – Все это осталось в прошлом. Я свободна. Ведь именно это ты хотел знать?

– Что же все-таки произошло между тобой и Сен-Жюстом? – Лузиньяк легко передернул плечами, демонстрируя безразличие, но голос его звучал настойчиво.

– Ничего не произошло, в том-то все и дело, – ответила она, отворачиваясь. – Я прознала о его приезде в Париж в сентябре девяносто второго, когда открылись заседания Национального конвента. Кто-то из знакомых по Пале-Роялю увидел его в Якобинском клубе и сказал мне. Я ждала, что он сам придет. Но он не приходил. Я ждала вплоть до начала процесса короля, когда речь Сен-Жюста, потребовавшего отрубить голову королю как предателю отечества, потрясла Париж. Тогда я постучалась в его квартиру – и он прогнал меня. Просто выставил за порог, холодно заявив, что мы не знакомы и он не понимает, чего я от него хочу. Он закрыл за мной дверь с такой поспешностью, что я не успела даже возразить, напомнить о данной им клятве!

– Не очень любезно с его стороны, – заметил Лузиньяк, которого, впрочем, не удивило поведение Сен-Жюста, хотя он и вынужден был признать, что надо обладать колоссальной силой воли, чтобы выставить вон девушку, при первом взгляде на которую тобой овладевает лишь одно желание – увлечь ее в постель.

«Не потому ли Сен-Жюст так поспешил избавиться от прекрасного видения? – мысленно усмехнулся он. – Испугался соблазна?»

– Я ненавижу его, – процедила порядком захмелевшая Луиза. – Если бы я могла отомстить ему, дать почувствовать боль, которую испытала я, когда за мной захлопнулась дверь...

«Подожди немного, – мысленно пообещал Лузиньяк. – Кто знает, может, я и предоставлю тебе такую возможность».

Он получил ответы на свои вопросы и мог вновь предаться ласкам, которые мадемуазель Ланж щедро дарила ему, пока оба не погрузились в сладкий сон утомленных любовников, пришедший с первыми проблесками нового дня.

Луиза покинула особняк на следующий день в экипаже Лузиньяка, велевшего кучеру доставить ее, куда она пожелает. В руках она крепко сжимала кожаный кошелек с десятком золотых монет, которые Лузиньяк вручил ей вместе с обещанием в скором времени вновь посетить ее представление. Впрочем, она разучилась верить мужским обещаниям.

17 флореаля II года республики (6 мая 1794 г.)

Шум в гостиной и испуганный вскрик Гертруды Элеонора услышала сквозь сон. На мгновение ей показалось, что ее вновь пришли арестовать. Она приподнялась на локте и прислушалась. Шум затих, слышались лишь торопливые шаги по направлению к спальне. Элеонора взглянула на спящего рядом Лузиньяка. Ему, похоже, чувство страха было незнакомо. Он не из той породы людей, что вздрагивают при малейшем шорохе.

Три стука в дверь возвестили, что Гертруда желает ее видеть. Элеонора вскочила с кровати, накинула расшитую серебряной нитью темно-синюю шаль поверх длинной батистовой рубашки и, босая, осторожно проскользнула между дверными створками, не желая тревожить безмятежный сон любовника.

– Что случилось? – прошептала она и, предупреждая громкий возглас камеристки, приложила палец к губам.

– Там, в гостиной, – возбужденно заговорила та, еле сдерживая тембр голоса, готового взорваться в крике. – Кое-кто хочет вас видеть... Кое-кто, кого вы уже не...

Элеонора не дослушала и, преодолев будуар и библиотеку, вошла в гостиную. Она задержалась лишь на короткое мгновение, на миг, необходимый, чтобы осознать, кто именно стоит перед ней в дорожном плаще и серых от пыли сапогах, со своей обычной снисходительной и ласковой улыбкой. Шаль тяжело сползла с ее плеч, когда она кинулась в его объятия.

– Девочка моя, милая, родная девочка, – повторял он, покрывая поцелуями лицо, шею, волосы, плечи, руки Элеоноры.

Он почти не изменился за те два года, что они не виделись. Высокий, статный, обладающий той благородной осанкой, что дается от природы; зачесанные назад волосы, в которых начала просвечивать седина, не замечаемая ею ранее; гладко выбритое лицо; две глубокие морщины, пролегшие от крыльев носа до уголков губ; густые, нависающие над глазами брови и окруженные мелкими морщинками глаза, от пронизательного взгляда которых ничто не могло укрыться, – сорокавосемилетний Жак Плесси предстал перед ней в образе защитника и покровителя, которым он всегда был для молодой жены, отдавшей ему руку в неполные семнадцать лет. Впрочем, сердце она сохранила для себя, деля его со многими, очень многими мужчинами, на что супруг, слишком любящий, чтобы чинить ей препятствия на пути к счастью, смотрел сквозь пальцы.

– Боже мой, Жак! Вы – в Париже?! – наконец, воскликнула она, словно еще не до конца доверяя зрению.

– Как видишь, – пожал он плечами, будто извиняясь за вторжение.

– Вы безумец! Вы даже не представляете, что грозит вернувшемуся эмигранту!

– Об этом можешь не беспокоиться: у меня надежный паспорт, выданный... Впрочем, к этому разговору мы еще вернемся.

– К какому разговору? – насторожилась Элеонора и, заметив, что супруг не расположен отвечать на ее вопрос, повторила, повышая голос: – К какому разговору, Жак? В чем дело? Зачем вы приехали?

– Я уже успел позабыть, что терпение никогда не входило в число достоинств моей почти совершенной жены, – улыбнулся он, целуя ее в лоб. – Я проделал длинный путь из Венеции, Элеонора, не останавливаясь на ночлег и почти не задерживаясь для приема пищи. Я был бы очень признателен тебе за теплую ванну и сытный обед, – он коротко взглянул на каминные часы. – Четверть второго. Самое время обедать, а ты, как я вижу, еще нежишься в постели.

– Венеция? – повторила она, проигнорировав справедливое требование мужа. – Так вот где вы скрывались все это время!

– Прекрасный город, дорогая, хотя климат сыроват. Но здоровье у тебя отменное, так что тебе там понравится. Дож собрал вокруг себя блестящее общество, в котором твой покорный слуга занимает не последнее место. Я почти за счастье представить там свою жену.

– Ах да, вы просили ванну. Я немедленно распоряжусь, – спохватилась Элеонора и уже потянулась к звонку, когда Жак Плесси крепко схватил ее за плечи.

– Мы уезжаем послезавтра, Элеонора, ты и я. Начинай паковаться.

– Глупости! Если бы покинуть Париж было так легко...

– С моим паспортом мы без труда пересечем границу, да еще и прислугу твою прихватим.

– И что же это за паспорт такой? – насмешливо спросила она. – Простите, сударь, но за два года, что вы отсутствовали, правила несколько изменились. Отныне для того, чтобы беспрепятственно покинуть французскую территорию, вам понадобится, ни много ни мало, документ, выданный одним из правительственных Комитетов.

– Именно таким документом я и обладаю, – кивнул Плесси, извлекая из кармана небольшой листок бумаги и протягивая его жене, которая развернула его быстрыми порывистыми движениями

– Барер? – Элеонора слегка приподняла левую бровь. – С какой стати Барер выдал вам паспорт, позволяющий вывезти из Франции вашу жену и домочадцев? – она взглянула на мужа с подозрением, граничащим с враждебностью. – Что за игру он затеял? Постойте! – только сейчас она поняла, какой вопрос стоило задать в первую очередь: – Барер знает, кто именно является вашей женой?

– Полагаю, что да. – Он почувствовал, как поднимается в ней возмущение, и, чтобы немного успокоить его, предложил: – Поговорим за обедом, родная. И пусть Гертруда приготовит мне ванну.

– Я собирался попросить ее о том же самом, – раздался мужской голос за спиной гостя.

– Шарль!

– Сударь?

Восклицание Элеоноры слилось с недоумением Плесси. Шарль де Лузиньяк в домашних туфлях с загнутыми вверх носами и шелковом халате предстал перед супругами с приветливо-удивленным выражением на лице.

– С кем имею честь? – они задали вопрос одновременно, сопроводив его легким наклоном головой, после чего перевели взгляд на молодую женщину, будто ожидали ответа именно от нее.

– Жак Плесси, мой супруг. Он приехал из Венецианской республики. Жак, это Шарль де Лузиньяк, мой... – она замялась.

– Друг, не так ли? – иронично уточнил Плесси. – Мое почтение, сударь.

– Мое почтение.

Элеонора отдала должное выдержке любовника: ни один мускул его лица не дрогнул удивлением при встрече с тем, кого он, доверяя словам возлюбленной, считал павшим на поле битвы.

– Я распоряжусь насчет ванны и обеда, – Элеонора с такой скоростью застучала голыми пятками по паркету, выбегая из гостиной, что вызвала легкую улыбку на губах мужчин.

– Прошу простить за вторжение, сударь, – с холодной любезностью проговорил господин Плесси, сбрасывая пыльный плащ и опускаясь в кресло. – Я ожидал застать жену одну.

– Ну что вы, сударь! – Лузиньяк милостиво взмахнул рукой, не спуская при этом взгляда с серой пыли на сапогах хозяина дома. – Вы у себя. Правда, признаюсь, что несколько обескуражен, оказавшись лицом к лицу с тем, кого полагал геройски погибшим за Французскую республику.

– Моя жена – умная женщина. Она здраво рассудила, что вдова героя – куда более безопасная роль в революционной Франции, чем супруга эмигранта. Элеонора думает, что я не

достаточно хорошо информирован о ситуации в республике. Между тем, служба в австрийском представительстве при венецанском дворе предоставляет мне привилегию одним из первых получать французские новости. Эта страна становится все более опасной для таких, как мы, господин Лузиньяк. Буду с вами откровенен, ибо считаю нас союзниками, а не соперниками. Вот именно, союзниками, – с нажимом повторил он, поймав легкую усмешку молодого человека, – союзниками в деле спасения любимой женщины. Думаю, вы согласитесь с тем, что в Венеции она будет в большей безопасности, чем в Париже. Помогите же мне уговорить ее уехать со мной.

– Ваша жена, милостивый государь, – в тон ему ответил Лузиньяк, – женщина не только умная, но и независимая. Полагаю, именно это обстоятельство стало причиной того, что вы отправились в эмиграцию один, оставив ее в раздираемой страстями Франции. Вы предоставили ей выбор, и она сделала его не в пользу Венеции. Не лишайте же и меня удовольствия предоставить ей выбор. Если она сочтет нужным покинуть страну, она сделает это. Если же предпочтет остаться, то, уверен, ни мои, ни ваши уговоры не смогут заставить ее изменить решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.